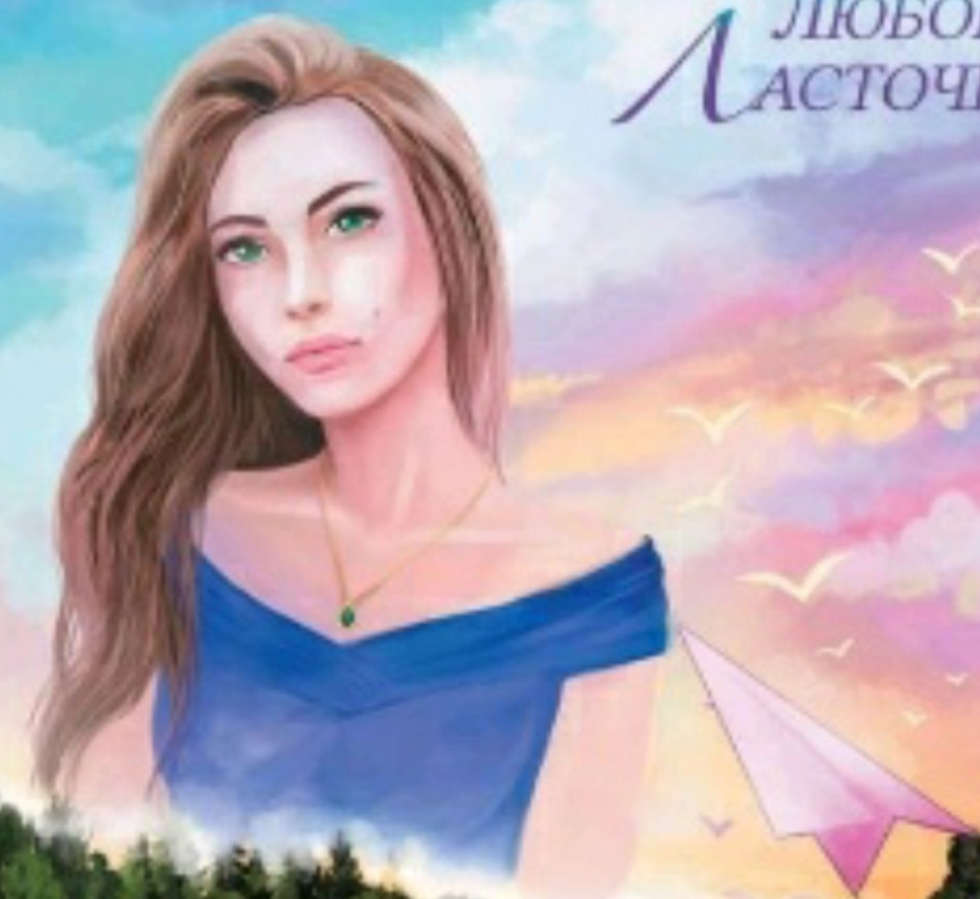

Екатерина Митрофанова

ДАЮ ТЕБЕ НЕБО —

ЛЮБОВЬ
АСТОЧКИ

16+

Дарю тебе небо

Екатерина Митрофанова

**Дарю тебе небо –
Любовь Ласточки**

«Автор»

2017

Митрофанова Е. Б.

Дарю тебе небо – Любовь Ласточки / Е. Б. Митрофанова —
«Автор», 2017 — (Дарю тебе небо)

Она не знает, что делать, чтобы добиться его внимания, ведь ей кажется, что он влюблён в её сестру. А ещё у него есть мечта – большая и светлая. Но радужные планы безжалостно перечёркивает трагическая случайность, обернувшаяся для него потерей зрения и утратой близкого человека. Есть ли у Лады шанс что-либо изменить, чтобы вернуть Владиславу интерес к жизни, завоевать его сердце и сделать пусть небольшой, но серьёзный шаг к осуществлению его заветной мечты? Первая книга серии «Дарю тебе небо». #молодость #любовь #романтика #небо #самолёты

© Митрофанова Е. Б., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	45
Глава 10	47
Глава 11	48
Глава 12	50
Глава 13	53
Глава 14	58
Глава 15	60
Глава 16	64
Глава 17	71
Глава 18	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Екатерина Митрофанова

Дарю тебе небо – Любовь Ласточки

Глава 1

– Ну, что смотришь, помогай давай! – бодро выкрикнул высокий, темноволосый молодой человек крепкого сложения в длинных шортах цвета хаки, тельняшке и пляжных босоножках.

– Как скажешь, братец, – в тон ему ответил другой молодой человек, с виду больше похожий на подростка, одетый на тот же манер. – А что делать-то надо?

– Ты чё, братан, совсем кувалдой пришибленный или только наполовину? – беспечно бросил первый. – Для начала выложи-ка рыбу на фольгу, а я пока получше раздую костёр.

Он подобрал в кострище небольшую связку заранее заготовленного хвороста, и резвые языки огня в считанные мгновения охватили тонкие прутья со всех сторон и заплясали ещё веселее.

Тот, что помладше, подошёл к разложенной неподалёку походной палатке из брезента, поднял с примятой высокой травы рулон фольги и оторвал солидный кусок. Затем вынул из небольшого контейнера посыпанные крупной солью и приправленные белым вином, лимоном и зеленью рыбные стейки и стал аккуратно раскладывать их на фольге.

– Что ты там возишься, живей давай! – окликнул его старший. – Вот пойдёшь в армию – перестанешь ворон считать. Скорёхонько приучишься к дисциплине.

– Ага. Нале-ево! Кру-угом марш! – съязвил младший. – Айда сортир драить!

– Не смей пререкаться со старшим по званию! Вот я тебе перцу-то задам!

– Кстати, о перце. Как считаешь, его стоит нарезать или запечь целиком?

– Зависит от того, какой вкус ты хочешь получить. Если поострее да поядрёнее – то можно и целиком, а коли предпочитаешь понежнее и попоικантнее – нарежь небольшими дольками и выкладывай на фольгу, чередуя с рыбными стейками, кружочками лука и помидорами черри.

– Ясно. Тогда лучше второй вариант.

– Ну ты и неженка, братец. Маленький сынок. Так и будешь всегда за широкими шортами брата прятаться, а настоящей жизни не отведаешь.

– Да разве ж настоящая жизнь – это острый перец, папироска в зубы да пьянки-гулянки?

– Вот умник нашёлся тоже, – добродушно проворчал старший. – Ну и какова же, потвоему, настоящая жизнь?

– Настоящая жизнь – это прежде всего свобода. И любовь.

– Тьфу ты, романтик хренов. Любовь ему подавай. Летай куда вольной птичкой да радуйся. А любовь твоя эта – да пропади она пропадом! Окрутит тебя какая-нибудь оторва вроде той же Светки из соседнего подъезда – глазом моргнуть не успеешь! И пропадёшь тогда – как пить дать пропадёшь. Бабы, брат, они такие, только рот разинь – и будут тебе кандалы на веки вечные. Какая уж тут, к ядрёной матери, свобода? Рабом станешь при госпоже-стервочке. Рабом по жизни. Оно тебе надо?

– Кто бы говорил? Сам-то ты, что ли, не романтик? У кого свадьба с Лидой, считай, уже через две недели? У меня, скажешь?

Старший устремил долгий взгляд сквозь листву молодых берёз на подёрнутую мелкой рябью гладь живописного озера, оттенённого по левую сторону торчащими из воды стрелками камышей, и задумчиво произнёс:

– Лида. Лидочка. Лидуся. Она – одна на миллион. Таких больше не делают.

– И как назло, достаётся тебе, – в голос младшего прокрались нотки обиды.

– А ты как думал? – Старший вынул из кармана на шортах пачку сигарет, достал одну, неспешно повертел между пальцами и осторожно зажал губами. – Всё самое лучшее – мне. По праву старшинства. Смирись, братик. Ладно, давай тащи уже рыбу, пировать скоро будем.

Он чиркнул зажигалкой и с удовольствием затянулся, пуская тонкие кольца дыма.

Младший тем временем бережно завернул рыбные стейки с нарезанными овощами в фольгу и покорно передал аппетитно пахнущий пряными приправами свёрток старшему.

Тот спешно бросил на землю окурок, притоптал его для верности, пнул носком в костёр и принял протянутый свёрток с едой.

– Негоже такую красоту окурками засорять, – пробормотал он, отточенными движениями заправского повара-походника отправляя рыбу на решётку. – Да и, по чесноку говоря, не следовало разводить тут костёр. Портить такой чудесный лесной и озёрный воздух этой гадостью. Ладно, зальём всё водой, когда приготовим. Будем надеяться, что вонь выветрится достаточно быстро.

Младший улыбнулся:

– А говоришь, не романтик. Ладно, не переживай. Разочек можно. Всё-таки не каждый день мой старший брат диплом об окончании лётного училища и воинское звание лейтенанта получает.

Старшему из братьев недавно торжественно выдали диплом государственного образца о высшем военно-специальном образовании с присвоением воинского звания «лейтенант», и теперь он был отпущен в основной отпуск, предоставляемый военнослужащим в соответствии с «Положением о порядке прохождения военной службы» Законодательства Российской Федерации по окончании военно-учебного заведения, в ожидании назначения в воинскую часть.

– Да уж, не каждый. – Старший тихо вздохнул, наблюдая, как язычки пламени лижут железные прутья решётки. – Боязно мне что-то за тебя, братец. Когда придёт твой черёд идти в армию, ты уж держись там, ладно?

– Так то ж ещё через три года, когда я окончу институт! – живо отозвался младший и снова по-мальчишески искренне улыбнулся.

В небе со стороны озера показалась чайка. Очертив возле береговой линии грациозный полукруг и издав воинственный клич, великолепная птица с белоснежным оперением приземлилась у кромки воды и зарылась головой в камыши. Братья проводили её восхищёнными взглядами.

– Эй, Влад, куда ты смотришь? – старший перехватил взгляд брата, перепорхнувший с птицы в сторону початой пачки сигарет, валявшейся на траве возле костра. – Тебе нельзя курить. Маленький ты ещё.

– Стас, ты рехнулся? Маленький, скажешь тоже! Мне почти восемнадцать.

– Всё равно, – безапелляционно произнёс Стас и поспешил засунуть пачку сигарет обратно в карман. – До этого дела нос не дорос.

– Так ты ж в моём возрасте уже давно.

– Ну и что? Я военный, мне по статусу полагается. А тебе не надо. Непутёвое это дело. Я, может, тоже бросить хочу. Не получается пока. Силы воли не хватает, даром что офицер. Жизнь нелёгкая, вот и срываюсь. Женюсь – и брошу. Нет, ну правда брошу.

Влад снова улыбнулся милой ребяческой улыбкой:

– Честное офицерское?

Стас поймал взгляд брата, и черты его озарились ответной улыбкой:

– Честное офицерское.

Влад одобрительно кивнул и мечтательно произнёс:

– Лида – она такая... Самая лучшая... Ради неё можно. Я бы для неё на всё согласился, что ни попросила бы. Попросила бы звезду с неба достать – достал бы. Веришь?

– Э-эй, ты чего, братишка? Это, вообще-то, моя невеста! Без пяти минут моя жена, если ты не в курсе! Так что давай-ка потише на поворотах!

– Да знаю я, не петушись.

– А коли знаешь, так помалкивай. Встретишь ты ещё свою принцессу, всему своё время.

– Не встречу, – тихо, но твёрдо ответил Влад.

– Это почему же? Принц рожей не вышел? Или чем другим? – беззлобно подколот его Стас.

– Не болтай ерунды. А то поссоримся.

– Ну уж нет! Ни в жизнь мы с тобой не поссоримся, чёртов придурок. Так и знай. Я, может, ещё и ради тебя собираюсь бросить курить и вообще расстаться со всеми вредными привычками, какие за собой замечу. Не хочу быть плохим примером для моего младшего братишки. Эх, Влад! Знал бы ты, как я скучал по тебе там, в лётном училище! Порой аж челюсти сводило, до того хотелось домой – обнять тебя, прижать к себе и не отпускать долго-долго.

– Представляю, – отозвался Влад, впившись в лицо брата жадным взглядом. – И я... Я тоже скучал по тебе. Очень.

– А, к чёрту всё. Иди сюда, паршивец ты этакий.

Влад склонил голову на плечо Стаса, который немедленно обнял брата и крепко прижал к себе.

– Почему паршивец? – тихо выдохнул Влад, утыкаясь носом в такое родное и такое надёжное плечо и с жаром отвечая на братское объятие.

– По кочану. Все принципы мои ломаешь, стервец эдакий! Ведь зарекался же – никаких телячьих нежностей. И вот, пожалуйста. Ещё немного – и разревусь, как кисейная барышня.

– Я не нарочно, – поддержал игру Влад. – Сам-то я – так уже плачу.

Он слегка отстранился, и Стас увидел, что по щекам брата и впрямь прочерчены влажные дорожки.

– Ладно, будет разнюниваться, – смутился Стас. – Давай-ка лучше жажнем с тобой по маленькой. За нашу долгожданную встречу, братишка!

Он достал из потёртого дорожного рюкзака пузатую бутылку, в которой искрилась в бликах заходящего солнца рубиновая жидкость. Затем извлёк два походных пластиковых стакана и протянул один брату.

– Стас... Ты что... – опешил Влад. – Ты же за рулём.

– А, плевать, – отозвался Стас, кинув взгляд на высаженный возле подъездной трассы цветущий куст шиповника, где стояла серебристая «Тойота», на которой приехали братья. – Один раз можно. Только сегодня.

– А что это? – спросил Влад, с интересом и в то же время с сомнением взглянув на бутылку.

– Чёрт её знает. Вроде вишнёвая наливка. Приятель по лётному училищу презентовал по случаю получения диплома и присвоения воинского звания. – Стас покрутил бутылку в руках, внимательно разглядывая этикетку. – Там совсем детский градус алкоголя. Не больше чем в шампанском. Мы по чуть-чуть. Для настроения.

– Ты точно справишься?

– С управлением? Ну, я всё-таки лётчик как-никак. На небе – это тебе не то что на земле. Здесь не опасная трасса. Иначе бы не предложил. Да я скорее тридцать раз в гроб лягу и живьём себя закопаю, нежели рискну твоей жизнью. Сам знаешь. Кроме того, мы уезжаем только завтра. К тому времени от наливки уже и духу не останется.

– Ну ладно, чёрт с тобой, наливай, – согласился наконец Влад. – Но чтобы потом – ни-ни. Особенно после свадьбы. Да я лично тебе руки-ноги повырываю, если обидишь Лиду.

– Тоже мне, защитничек нашёлся, – добродушно усмехнулся Стас, разливая искрящуюся жидкость по пластиковым стаканам. – Да я тебя одной левой уложу. Но ты прав. Лиду не обижу. Даю зарок.

– Ну что, хорошо сидим! – Стас задумчиво разглядывал остатки рубиновой жидкости в своём стакане. – А ты что смотришь – наворачивай давай. Давно небось не пробовал такую вкусноту-то.

– В том-то и прелесть этой еды, что приготовлена она на природе. Особый какой-то в ней вкус.

– Верно. А знаешь, о чём я мечтаю?

– И о чём же? – Влад с любопытством взглянул на брата.

– Хочу когда-нибудь построить дом для наших родителей. На берегу моря. Ну или хотя бы озера. Да хоть бы и здесь, на этом самом месте. И чтобы в доме этом было светло и просторно. Провести туда свет, отопление и всё такое. А ещё лучше устроить в доме русскую печь с лежанкой, чтобы родители могли уютненько развалиться и прогреть больные спины. И чтобы и душ был, и система канализации. И сад при доме устроить. И огород разбить. Ну вроде как на дачном участке. Только воздух чтобы был неповторимый – морской или озёрный. Что скажешь?

– Ты спятил, брательник? Знаешь, сколько будет стоить вся эта красота? На одном только приобретении земельного участка под строительство вконец разоришься.

– А мы на что? Неужто не сможем подзаработать, чтобы обеспечить родителям достойную старость? – Стас смерил брата строгим взглядом.

– Ну, ты военный, у тебя наверняка и пенсия приличная будет, и дотации всякие. А архитектором нынче много не заработаешь.

– Ничего. Ты поможешь иначе. Спроектируешь дом с моих слов. Ну и от себя что-нибудь добавишь, если захочешь.

– И каким же, интересно, ты видишь этот дом?

– В целом, вероятно, подошло бы двухэтажное здание из калиброванного бруса и кирпича, обшитое металлическими панелями снаружи и проложенное утеплителем изнутри в два слоя: между металлом и кирпичом и кирпичом и деревом. Что касается архитектоники самого дома, то, на мой взгляд, идеальный вариант – это здание из двух крыльев, соединённых между собой галереей.

– Погоди-ка. – Влад вынул из своей довольно вместительной борсетки ручку и широкий блокнот. – Попробую сделать зарисовку в микромасштабе. Ты имеешь в виду восточное крыло здания путём симметричного отображения западного крыла?

Ручка резво побежала по бумаге, запечатлевая очень точно выверенные графические фигуры.

– Затем мы соединим крылья галереей с сохранением многоуровневой структуры здания. Вот так?

Фигуры были соединены между собой уверенными параллельными линиями.

Стас глянул через плечо брата и одобрительно кивнул.

– Ну, это уже дворец какой-то получается, – улыбнулся Влад.

– А что, по-твоему, наши родители должны жить в убогой каморке?

– Но зачем всё это нужно? Тебя, наверное, обеспечат жилплощадью, когда назначат в воинскую часть. Сможешь чудесненько устроить и Лиду, и ваших будущих детей. А здесь у нас приличная квартира – нашим родителям вполне подходит. Ну а я... Я много места не займу. Могу и на кухне ночевать, если надо. А днём буду большую часть времени проводить на работе и на улице, чтобы не мешать родителям.

– Не болтай ерунды. Ты тоже рано или поздно женишься и обзаведёшься потомством, – категорично проговорил Стас. – А это, – он кивнул на блокнот, на листке которого был изображён план роскошного здания, – это не прихоть и не каприз. Это, если угодно, мечта всей моей жизни, так что прошу тебя отнестись к ней серьёзно.

Он не стал объяснять Владу, что квартира, в которой они прожили всю свою жизнь, служебная и предоставлена им только на то время, пока их родители работают на базе отдыха, чьим сотрудникам и предусмотрена жилплощадь. Правда, их отец в своё время проживал со своими родителями в муниципальной городской квартире, но потом её оформили в собственность младшей сестре отца.

– Не женюсь, – не уступая брату в решительности, ответил Влад. – И, пожалуйста, давай закроем эту тему.

– Вот, значит, как? – Стас серьёзно поглядел на Влада, словно внимательно изучал каждую чёрточку его лица. – А как же Светлана? Вы же с ней вроде как не разлей вода. Я уже третью неделю как приехал из лётного училища и вижу, что эта девица бежит за тобой, как собачка на верёвочке.

– Мне этого не нужно, – тихо ответил Влад. – Я просто пытаюсь быть с ней вежливым. Не более того.

– И правильно, – неожиданно поддержал брата Стас. – Не нравится мне она. Говоря между нами – она заигрывает не только с тобой, но и с другими ребятами. Сам видел, как эта маленькая стервочка строит глазки ещё двоим.

Влад резко обернулся и пристально посмотрел Стасу в глаза:

– Серьёзно? Она кокетничала с другими? – Стас кивнул в ответ, а Влад задумчиво добавил: – Странно. Света несколько дней назад призналась мне в любви. Представляешь? Первая призналась, что само по себе мне ужасно не понравилось. Конечно, я предпочитаю сам составлять своё мнение о человеке, но ты – один из тех немногих, кому я доверяю безоговорочно. Стало быть, эти слова – такие сильные, что их можно сказать только одному человеку за всю жизнь, – для неё ничего не значат. А впрочем, мне всё равно.

– А что, толково рассуждаешь, братец, – отозвался Стас. – Редко когда парень в твоём возрасте думает головой, а не другим местом. Хвалю.

Влад отвёл взгляд, закрыл блокнот, насадил колпачок на ручку, взял все письменные принадлежности в одну руку, а другой поднял с земли прутик и стал бездумно водить им по земле.

– Любишь её, – неожиданно услышал он где-то над самым своим ухом приглушённый голос Стаса. Это был не вопрос – это было утверждение.

– Кого? – Влад постарался, чтобы вопрос прозвучал максимально равнодушно, но резкие движения прутом по земле выдавали волнение.

– Мою Лиду.

Влад поднял голову и пристально посмотрел брату в глаза:

– Люблю.

– И давно?

– Кажется, всю свою жизнь.

– А вот сейчас мне следовало бы хорошенько врезать тебе, братан. Но я не буду. И знаешь почему? Потому что я готов не задумываясь отдать за тебя всё что угодно. Даже свою жизнь. Я уже говорил тебе об этом, и это не пустые слова. Всё что угодно, но только не Лиду. Она для меня – святое. Так и знай.

– Знаю, – тихо произнёс Влад. – Поэтому я и говорил, что не женюсь. Никогда.

– Послушай, – сказал Стас, положив свою широкую ладонь на угловатое плечо брата. – Я, конечно, не советчик в таких делах. Но, думаю, тебе стоит обратить внимание на Лиду.

– На сестру Лиды?

На этот раз Влад даже не повернулся и не поднял головы. Однако он краем глаза заметил, что Стас кивнул.

– Она хорошая девушка. Симпатичная. Скромная. И очень милая. И вероятно, я не ошибусь, если скажу, что ты ей нравишься. Не только как друг. Хотя она и старается не выдавать своей привязанности.

– С чего ты взял?

– Просто иногда замечаю то, чего не видит мой дорогой братец. Кстати, Лада и Лида просто невероятно похожи.

– Тоже мне новость! Конечно похожи! Они же близнецы. Только у Лиды родинка на левой щеке, а у её сестры – на правой.

– Я говорю не только о внешности.

– Скажешь, они похожи по характеру? Да ни на грамм! Лида серьёзная, целеустремлённая, отзывчивая, а Лада – сущий ребёнок. Неусидчивая, капризная, избалованная.

– Откуда ты знаешь, психолог хренов? Ты что, с ними пуд соли съел? Характер может проявиться в различных ситуациях совершенно непредсказуемо.

– Лада не Лида! – взорвался Влад. – Копия никогда не станет оригиналом.

– Для каждого оригинал свой. Единственный и неповторимый. И подозреваю, братец, что свой ты ещё попросту не разглядел.

– А сам-то ты почему выбрал именно Лиду, а не её сестру?

– Я гляжу, ты меня не слышишь и – что ещё хуже – не хочешь услышать. Дело твоё. Может быть, когда-нибудь поймёшь, о чём я говорю. Ладно, давай сменим тему. А если говорить о тебе, братец, – чего бы ты хотел от этой жизни? Какова твоя главная цель? Ради чего ты живёшь и к чему стремишься?

– Что ж, для тебя это не секрет, – ответил Влад. Он взглянул на брата, и его глаза просияли каким-то странным неземным светом. – Я всю свою жизнь хотел стать лётчиком. Толковым лётчиком. Таким, как ты. Хотел покорять небо и надеялся, что небо когда-нибудь покорится мне. И я всё ещё надеюсь на то, что рано или поздно это случится. Надеюсь, хотя и понимаю, что для меня это настолько же маловероятно, насколько нереально для тебя осуществить твоё желание построить для наших родителей дом твоей мечты.

– Бойся своих желаний, а то они могут исполниться. Слыхал, братан? – полушутя-полусерьёзно произнёс Стас. – То-то же.

– Стас, ты же знаешь, что в моём случае это невозможно. И давай не будем об этом. Прошу тебя.

– А вот теперь запомни, что я тебе скажу, мальчишка, – понизив голос, проговорил Стас. Его серьёзные серые глаза встретились с глазами брата. – Никогда и ни за что не отказывайся от своей мечты. Даже если умом понимаешь, что нет обнадеживающих перспектив. Даже если кажется, что всё и вся непременно обернётся против тебя. Всякое может случиться – в том числе и то, чего порой совсем не ждёшь. Поэтому надо верить: то, к чему ты стремишься, обязательно сбудется. В этом есть главный смысл, в этом есть настоящая жизнь. Если человек не мечтает и ни к чему не стремится – он не живёт. Ты меня понял? Так-то.

Глава 2

На небольшой уютной кухне типичной подмосковной квартиры, расположенной в возвышающейся посреди двора одинокой кирпичной девятиэтажке, сидели две симпатичные девушки, каждая из которых являлась зеркальным отражением другой. По современным меркам их, пожалуй, нельзя было назвать красавицами, но имелось что-то, выделявшее их среди сверстниц, – нечто неуловимое: милое и трогательное. У обеих девушек были миловидные лица с зелёными миндалевидными глазами, нежными, словно бутоны роз, губами и мягкими каштановыми волосами, убранными в незамысловатые причёски. Их руки защищали одноразовые латексные перчатки, а головы покрывали повязанные узлом на затылке ситцевые косынки в цветочек.

Девушки сидели за чешским раскладным столом и самым старательным образом занимались отделкой двух изящных свадебных бокалов.

– Только, пожалуйста, вырезай шаблоны ровнее, Лада, – назидательно проговорила одна из девушек. – Нужно, чтобы сердечки на бокалах получились безупречными.

– Сомневаюсь, что это возможно, – ответила та, кого назвали Ладой. – Ты, сестрица, до того взыскательна, что всегда найдёшь к чему придраться.

Лада внимательно оглядела бумажное сердечко, немного подровняла его маникюрными ножницами, смочила водой и ловко прикрепила к бокалу.

– Не возьму в толк, к чему весь этот бумажно-ленточный балаган? Да сейчас в каждом специализированном магазине «Всё для свадеб» можно приобрести бокалы на любой вкус. Или по Интернету присмотреть и заказать. На худой конец, можно смотаться на рынок и прикупить то, что приглянется, в посудном киоске. Думаю, даже там будут бокалы не хуже, а то и лучше тех, над которыми мы с тобой бьёмся уже который час.

– Ты не понимаешь, – тихо ответила её сестра, старательно обводя по стеклу контур вокруг приклеенного к бокалу сердечка. – У меня задумка такая – декорировать свадебные бокалы вручную и постараться, чтобы их отделка соответствовала по своей цветовой гамме отделке свадебного зала.

– Лид, ты совсем с катушек слетела со своей свадьбой? Да кому нужна эта твоя щепетильность? Люди придут на праздник отдохнуть и расслабиться, немного выпить, потанцевать всласть. Уверяю тебя, никто не станет рассматривать под микроскопом отделку бокалов и размышлять, совпадает ли она по колориту с отделкой зала.

– Ты зря так считаешь, – проговорила Лида, чьи проворные пальцы уже раскладывали по размеру заранее заготовленные стразы для декора. – Стас обязательно оценит наши старания, вот увидишь. Надеюсь, ему и его родным понравится моя задумка. Что до остальных, то, признаться, их мнение меня мало интересует. Угадай, какой цвет будет доминирующим в отделке зала?

– Делать мне больше нечего, кроме как твои idiotские ребусы разгадывать, – беззлобно проворчала Лада. Но всё же почему-то уточнила: – Голубой?

– А вот и нет! – ответила Лида, и её лицо мгновенно просияло совершенно очаровательной улыбкой. – Лазурный! Как будто кусочек неба, в котором летает Стас.

– Голубой, лазурный – не всё ли равно?

– Для меня – не всё. Я хочу устроить в этот день самый лучший праздник для Стаса. Чтобы наша свадьба запомнилась ему на всю жизнь.

– Так запомнится в любом случае. Свадьбы на то и отмечаются с особой помпой, чтобы запоминались. Только для этого вовсе не обязательно прикладывать так уж много усилий. Достаточно просто иметь толстый кошелек, – прагматично заявила Лада.

– Покупное никоим образом не сравнится с самодельным. Особенно если это делалось с любовью, – решительно возразила Лида.

Она взяла лежавший под рукой скальпель для моделирования, счистила с бокала подсохшие точки в контуре сердца и стала аккуратно приклеивать на их место стразы суперклеем.

– Пожалуйста, возьми листок фольги и выложи на него наши розы, – попросила она сестру.

Лада встала, неторопливо подошла к плите, вытащила из духовки закоптелый противень, застелила его фольгой и выложила сверху вылепленные ранее её сестрой из алой флуоресцентной полимерной глины изящные, едва раскрывшиеся бутоны роз, обрамлённые нежными светло-зелёными листочками.

– И что ты собираешься с ними делать? – на всякий случай уточнила она, зная, что от родившейся на пять минут раньше неё сестры можно ожидать чего угодно.

– Они нужны для бутоньерок, – пояснила Лида. – Сейчас мы их запечём, а когда остынут, прикрепим к атласной ленте, а её подвяжем к ножкам бокалов. Мне кажется, должно получиться красиво и оригинально.

– Дай угадаю, какого цвета будет атласная лента, – издав короткий смешок, произнесла Лада. – Лазурного! Как «небеса, в которых летает Стас».

– В самое яблочко! – неожиданно подмигнув сестре, ответила Лида, и обе девушки весело рассмеялись. – И в тон отделки свадебного зала.

– Нет, Лид, ты точно ненормальная, – заявила Лада, отсмеявшись. – Только тебе могло прийти в голову нечто подобное. Скажи на милость, для чего ты учишься в мединституте? Тебе больше подошёл бы какой-нибудь там институт благородных девиц. Или академия, выпускающая образцовых жён. Это как раз для барышень вроде тебя. Фриволите, макраме, бисероплетение, мыловарение, вышивание крестиком, алмазная вышивка, а теперь ещё и лепка из полимерной глины – да у нас скоро вся квартира превратится в склад твоих рукоделий. Но хуже всего то, что ты и меня за собой тащишь.

– Лад, включи погромче радио, о'кей? – попросила Лида, очевидно, пропустив мимо ушей назидательную тираду сестры. – Там Моцарт. «Маленькая ночная серенада».

– Достала ты уже со своим Моцартом! – в сердцах выкрикнула Лада, неохотно пробираясь к радио, чтобы немного прибавить звук. – Ещё с тех пор, как мы девчонками бегали с тобой в музыкальную школу. Все уши им прожужжала. Чем дальше в лес, тем толще партизаны. У нас уже почти на всех телефонах Моцарт стоит. На городском – первые такты Сороковой симфонии, на твоём мобильнике – «Турецкий марш». Сколько ж можно-то, ей-богу?!

Она крутанула рычажок громкости вправо. «Маленькая ночная серенада» лёгким вихрем взметнулась и в считанные мгновения разнеслась по кухне.

– Моцарт – лучшее средство от депрессии, незаменимый катализатор творческого начала, – на несколько мгновений блаженно прикрыв глаза и погрузившись в чарующие и волнующие звуки, пояснила Лида. – Доказано многочисленными психологическими тестами.

– Лучшее средство для нервотрепок и промывания мозгов, вот что такое твой Моцарт, – буркнула под нос Лада.

– Под музыку Моцарта приходят просто восхитительные идеи! – не слушая сестру, продолжала Лида. – Я сделаю нам с тобой украшения из полимерной глины ко дню нашей со Стасом свадьбы. Колёе из глиняных флуоресцентных цветов, серьги в тон для каждой из нас, ну и цветочную диадему для себя и бутоньерку для Стаса. Как считаешь, ему понравится?

– Если даже и нет, он всё равно расцветёт, аки роза на его бутоньерке, как только увидит тебя. Хоть ты приди в костюме морской нимфы, с ног до головы в тине и ракушках, ему по барабану. И чихать ему хотелось на то, что у тебя не все дома. Что ж, как говорится, любовь зла, полюбишь и... Нимфу морскую полюбишь, а ты что подумала?

– Ох и вредная же ты девица, Ладка! – устало отмахнулась от неё Лида и принялась снова внимательно осматривать результаты своих трудов. – И язык у тебя без костей – всё норовишь меня поддеть, да поизощрённое. Ладно, не до твоих колкостей мне. Я вот думаю сейчас, какие подарки мне лучше всего будет сделать для родителей Стаса и для его брата. Хочу подарить Марине Сергеевне алмазную вышивку с изображением храма. Уже думаю, где лучше заказать шаблон и материалы для такого изделия.

– Можно, – неожиданно согласилась Лада. – Марина Сергеевна неплохо рисует и, насколько я помню, лучше всего ей удавались изображения храмов, если не считать её многочисленных пейзажей.

– Да, – задумчиво произнесла Лида. – А знаешь, я хотела бы взять несколько зарисовок храмов её работы для более подробного ознакомления. У меня есть маленькая мечта – слепить нечто подобное из полимерной глины.

– Лепить храмы из глины? Это что-то новенькое. Похоже на замки из песка. Нет, то, что из глины сейчас модно лепить еду и украшения, для меня не новость. Но чтобы храмы? Право же, сестрица: только в твою безрассудную голову могла прийти подобная идея!

– Не только, – живо возразила Лида. – У Марины Сергеевны, как мы знаем, похожие мысли. Надеюсь, ей понравится мой подарок и она не будет иметь ничего против моей задумки – попробовать ваять из полимерной глины храмы, которые она рисует. А если серьёзно, я даже немного завидую своей будущей свекрови и преклоняюсь перед её волей и поразительной целеустремлённостью. Ты ведь, сестрица, должно быть, уже знаешь: Марина Сергеевна начинала как простой маляр – красила заборы, и вот, пожалуйста! Какие шедевры живописи и графики выходят из-под её кисти!

– Да уж, под каждой крышей свои мыши, – тихо пробормотала Лада, но сестра её услышала.

– Лада, я попросила бы, – сказала она, придав своему голосу всю возможную строгость. – Обо мне можешь говорить всё, что твоей душе угодно, но обижать Марину Сергеевну не смей! Ты меня поняла?

– Поняла, конечно, чего же тут непонятного, – проворчала Лада. – А Стасу ты, разумеется, подаришь алмазную вышивку с изображением белоснежного самолёта, только-только выплывшего из небесной лазури?

– Смейся, смейся, сестрица. Если хочешь знать, мне и в самом деле приходила в голову такая мысль. А что, было бы здорово! А как ты полагаешь, какой подарок лучше сделать для брата Стаса?

– Для Влада? О дорогая, боюсь, что это не в твоей компетенции. Больше всего на свете этот парнишка хотел бы поменяться местами с братом. Чтобы иметь возможность реализовать два своих главных желания, которые было дано осуществить лишь Стасу. Так что лучшие подарки для Влада – это возможность оказаться вместо Стаса за штурвалом самолёта и быть рядом с тобой, сестрица. Иного ему не нужно.

– Лад, прошу тебя, не поднимай эту тему, – проговорила Лида, и щёки её слегка порозовели. – Мне очень нравится Влад, но только как друг. И я не могу относиться к нему иначе, чем к брату моего будущего мужа.

– Знаю, – произнесла Лада, мгновенно посерьёзнев. – Вы же со Стасом обручены чуть ли не с колыбели. Уверена, он будет хорошим мужем для тебя, сестрица.

– Дело вовсе не в раннем знакомстве и шуточном обручении. – Лида приклеила к бокалу последний страз и подняла на сестру сияющий безграничным счастьем взгляд. – Просто таких, как Стас, больше нет. Ему не интересны пустые и бессмысленные посиделки, дискотеки, пьянки-гулянки. Он удивительно цельный, самодостаточный человек, у которого есть любимое занятие – можно сказать, дело всей его жизни. Иногда он может быть резким в общении, но

только в тех случаях, когда люди сами нарываються на грубость. Я же вижу, какой он на самом деле. Вижу безграничную доброту Стаса, его открытость, честность, порядочность.

– И в этом он похож на своего брата, – задумчиво проговорила Лада. – Или, если учитывать, кто из них старший, Влад похож на Стаса, – поспешно поправились она, поймав укоризненный взгляд сестры. – Надо отдать должное Марине Сергеевне: она воспитала хороших сыновей. Эх, сестрица, и что они только в тебе нашли?

– Ладно, проехали, – быстро проговорила Лида, потупив взгляд; щёки её заалели ещё сильнее. Она отставила в сторону бокалы и пододвинула поближе подготовленный сестрой противень с выделявшимися на поверхности фольги флуоресцентными розами. Лида долго и придирчиво разглядывала изящные глиняные бутоны, а затем тихо, но решительно произнесла:

– Они никуда не годятся. Нужно будет их переделать. И вообще – мне кажется, что розы на бокалах будут смотреться слишком крикливо и неуместно. Давай попробуем сделать вместо них другие цветы. Голосую за пионы.

– Без меня. – Лада встала, быстро сняла косынку и направилась к кухонной двери. – Достала ты, Лидка, со своими заморочками! – развернувшись к сестре, выпалила она. – В печёнках у меня уже сидят твои рукоделия, твои эскизы викторианских костюмов, которыми ты запостила весь Интернет, твои комнатные розы, которые надо постоянно поливать и опрыскивать и которым ты додумалась дать имена, и притом совершенно идиотские – Алла и Белла. Всё! С меня хватит! Пойду кататься на велике, гулять и отдыхать. Да, забегу к Марине Сергеевне и запишу нас с тобой на завтра в бассейн. Пора приводить себя в форму перед свадебным торжеством. Всё! Чао-какао!

Не дожидаясь ответа, она повернулась к двери и, пристукивая изящными каблучками летних туфель-лодочек, торопливо выскользнула из кухни.

Глава 3

Стас и Влад замечательно провели остаток дня. Они доели рыбу, загасили водой дотлевающие угольки костра, сложили на время палатку, упаковали все свои вещи и остатки еды в багажник машины. А после, захватив с собой рюкзак с предусмотрительно подготовленной верхней одеждой и сменной обувью, пробежались до противоположного берега озера, где взяли прогулочный катамаран. Неторопливо крутя педали, молодые люди плавно заскользили по зеркальной глади озера, время от времени покрывавшегося мелкой рябью от лёгкого ветерка. Над их головами то и дело вились, а затем мягко опускались на воду белоснежные чайки, едва ли не на лету подхватывая кусочки хлеба, которые бросали им братья. Стас и Влад попеременно передавали друг другу рычажок управления, с удовольствием наслаждаясь упоительной свободой и покоем. Лёгкие всплески воды постукивали о корпус катамарана, сплетаясь с гомоном чаек и мерно убаюкивая.

– Знаешь, Влад, вода чем-то похожа на небо, – задумчиво проговорил Стас. – Нет, ощущения совершенно иные, нежели те, что возникают от полёта, и всё же! Есть нечто неуловимое, что можно почувствовать и на воде, и в небе – какое-то совершенно удивительное и непостижимое единение со стихией, словно величественная музыка Природы становится частью тебя. А ты, братец? Ты чувствуешь это?

– Мне не с чем сравнивать, – в голосе Влада звучал оттенок сожаления. – Мне просто хорошо. Хорошо здесь и сейчас. Рядом с тобой.

– Ты хочешь летать. Я понимаю. Хочешь почувствовать, каково это – быть за штурвалом самолёта, ощутить весь тот неповторимый драйв, который человек ощущает лишь в воздухе. Хорошо, на днях я возьму тебя на аэродром, и мы с тобой арендуем частный самолёт.

– Правда?! – Влад даже на мгновение отпустил рычажок управления. Глаза его, спрятанные в данный момент за стеклами очков, засияли поистине безграничным счастьем. – А разрешат?

– Думаю, да. У меня ведь диплом об окончании лётного училища уже на руках, – ответил Стас, легко и плавно перехватив рычажок. – Покажу тебе кабину пилота и её оснащение. Расскажу о назначении всех имеющихся там приборов и средств управления и покажу в действии, как всё это работает.

– Значит, мы с тобой даже полетаем? – В голосе Влада звучало недоверие, сквозь которое уже прорывался едва скрываемый восторг. – Полетаем по-настоящему?

– А почему бы и нет? – Стас заговорщически улыбнулся, весьма довольный произведённым эффектом. – Ладно, открою тебе секрет. У моего хорошего знакомого по аэроклубу, где я тренировался перед поступлением в лётное училище, есть допуск к управлению одним из частных самолётов. Я попрошу его, и он всё устроит. Я ведь в своё время уже обращался к нему с той же просьбой. Только тогда я показывал всё это Лиде. Я хотел подарить ей небо и бесконечно рад, что в какой-то мере мне удалось осуществить это своё желание. А теперь настало время поделиться небом с тобой. Только то, что я тебе сказал, строго между нами. Договорились? – Он серьёзно взглянул в глаза брату.

– Договорились, – улыбнулся Влад. Он нерешительно потёр рукой голову, а затем спросил: – А ты не сможешь на какое-то время передать управление мне? Я буду очень осторожен и беспрекословно выполню всё, что ты мне скажешь. Обещаю.

– Нет, – категорично ответил Стас. – Этот вылет будет исключительно в ознакомительных целях – никак не иначе. Для того чтобы я тебе это разрешил, нужны долгие месяцы, а то и целые годы практики. Мы с тобой ещё молоды. Рановато нам умирать.

– Ты думаешь, у меня не выйдет? – тихо спросил Влад и бросил на брата разрывающий душу взгляд из-под металлической оправы очков. – Считаешь, что я не справлюсь? Из-за моей чёртовой близорукости, да?

– Нет, – понизив голос и серьёзно поглядев в глаза брату, ответил Стас. – Не поэтому. А потому, что у тебя совсем нет опыта и практики в лётном деле. Ничего, со временем это приобретается.

Солнце постепенно клонилось к закату, отбрасывая на воду фиолетово-розовые блики. Как-то незаметно набежали тучи и подул сыроватый ветерок.

– Смотри не замёрзни тут, – Стас вытащил из предусмотрительно захваченного с собой дорожного рюкзака выдавшую виды джинсовую куртку и бережно накиннул её на плечи брата. – Ну всё, пора причаливать, хорошего понемножку.

– Три с половиной диоптрии близорукости на правом глазу и полторы на левом, – сжав кулаки, мрачно отчеканил Влад, словно не замечая ничего вокруг. – При допустимой норме до трёх диоптрий аномалий рефракции для пилота-любителя. Полдиоптрии, пропади они пропадом! Из-за них покорёжена вся моя жизнь! А лазерная коррекция зрения может быть выполнена только после двадцати одного года, и возможность её проведения в моём случае остаётся под большим вопросом. Во всяком случае, так мне сказали члены врачебно-лётной экспертной комиссии.

– А ты в центральную комиссию не пробовал? – Стас участливо взглянул на брата. – Я слышал, один везунчик смог таким образом протиснуться в авиацию со зрением минус четыре диоптрии на оба глаза. Там вроде бы окулист дал положительное заключение, объяснив своё решение тем, что по третьей графе – для тех, кто начинает обучение в лётной школе или в авиационно-учебном центре по программе «Частный пилот», он же «Пилот-любитель», – допускается близорукость до пяти диоптрий до операции, а операция делается по желанию.

– Бесполезно, – Влад с досадой махнул рукой. – У меня ещё нашли... Этот... Как его... Астигматизм вроде бы по минус одной диоптрии на каждом глазу. Ещё выявили «синдром сухого глаза», из-за которого возможность лазерной коррекции ставится под сомнение, а по заключению центральной врачебно-лётной экспертной комиссии, куда я смог-таки прорваться совсем недавно, есть начальная стадия какого-то заболевания роговицы на обоих глазах, которое и вовсе исключает такую возможность. Так что скорректировать моё зрение не получится.

Он тяжело вздохнул и перехватил у Стаса рычажок управления:

– Почти причалили.

– Послушай, – тихо произнёс Стас, мягко положив ладонь брату на плечо. – Мне кажется, ты рано сдался. В Европе вроде бы требования к пилотам менее строгие. И наверняка за границей возможности офтальмологии несравненно шире, чем в России. Тебе стоит подумать о коррекции зрения, скажем, в Германии или в Италии.

– Знаешь, сколько это будет стоить? – горько усмехнулся Влад. – Да мы с тобой за всю свою жизнь столько не заработаем. И потом, как же в таком случае быть с твоей мечтой построить дом для наших родителей?

– А я от своей мечты не отказываюсь. И тебе не советую отказываться от своей. Мало ли как может повернуться жизнь? Может, мы с тобой завтра миллион евро в лотерею выиграем, а? – Стас хитровато подмигнул брату.

– Выиграем, как же, – проворчал Влад, который всё же несколько оживился после шутиливой реплики брата. – Нет, ты что, серьёзно? Насчёт дома на берегу.

– Вполне, – лаконично ответил Стас. Влад пристально поглядел на него и понял, что брат не шутит.

– Расскажи мне, как ты себе представляешь интерьер, – попросил Влад. – Я попробую всё запомнить, а потом сделать эскиз на бумаге.

– Всё очень просто, – охотно ответил Стас. – Одно крыло дома можно отвести под жилое помещение. На верхнем этаже сделать несколько комнат – спальню, гостиную и кухню, а на нижнем устроить художественную мастерскую для матери, чтобы она могла спокойно и с настроением писать свои картины. Там же можно выделить помещение для картинной галереи и соорудить прилегающую веранду. Ну а другое крыло целиком отделать под бассейн.

– Бассейн? В доме, построенном на берегу моря или озера? – с сомнением переспросил Влад.

– Ну да, – беспечно отозвался Стас. – Чтобы у родителей были все удобства и летом, и зимой.

– Скажешь тоже, – улыбнулся Влад. – Ладно, я понял твою идею. Попробуем что-нибудь придумать. Но ведь понадобится оформлять право собственности на землю и на все жилые и подсобные помещения. Помнишь, какая возня с этими делами была у матери Лиды и Лады, когда она оформляла в собственность дачный участок? Здесь будет всё то же самое и даже намного хуже.

– Я в курсе, – ответил Стас. – И хочу, чтобы ты понял: никакие возможные трудности не изменят моего решения и не помешают довести это дело до конца. Так и знай, братец! Ну всё, причалили.

Он снова перехватил рычажок управления у брата и развернул катамаран боком у береговой линии. К ним тут же подбежал паренёк четырнадцати-пятнадцати лет и, ловко накинув цепочку на выступающий из каменной плиты ржавый железный крюк, пришвартовал катамаран к берегу.

– Всё в порядке? – спросил он, потирая натруженные ладони.

– А то! – бодро выкрикнул Стас. – Спасибо, земляк.

– Ну, приходите ещё, – улыбнулся паренёк. – Сегодня прохладно и ветрено. Может, в другой раз больше повезёт с погодой.

– Обязательно придём, правда, братец? – Влад вопросительно взглянул на Стаса, и тот согласно кивнул.

Братья прошли в лесистую зону и снова разложили недалеко от пепелища догоревшего костра походную палатку.

– Холодает. Надо бы снова развести костёр, – тихо проговорил Стас.

– Успеется ещё, – ответил Влад. – Давай пока подышим свежим воздухом.

Стас кивнул и произнёс:

– Переночуем здесь, а завтра на рассвете закинем всё наше добро в багажник и поедem домой.

– Согласен, – ответил Влад. – А когда ты возьмёшь меня на самолёт?

– Потерпи немного. – Стас обнял брата за плечи, одновременно накинув поверх его джинсовой куртки свою ветровку. – Как только договорюсь со своим знакомым, так сразу.

– Скорее бы! – нетерпеливо произнёс Влад. Он рывком, словно заправский фокусник, снял очки, достал из кармана куртки очечник и поскорее убрал их.

– Ты чего? – встревоженно взглянув на него, спросил Стас. – У тебя же нешуточная близорукость и глазки слабые – постоянно слезятся и всё такое. Не думай, я всё замечаю, хоть ты и пытаешься скрыть. Почему ты всё время стараешься снять очки? Ты без них хоть что-нибудь видишь?

– Ерунда, – отмахнулся Влад. – Просто глаза устали. Я вижу достаточно хорошо, не переживай. На левом глазу близорукость совсем небольшая и острота зрения приличная, так что без очков мне даже удобнее. И гораздо свободнее.

– Может, тебя дразнят в твоём институте? – Стас сомкнул пальцы где-то в районе подбородка брата, приподнял его голову и озабоченно заглянул в глаза. – Кто-то из твоих сокурсников обзывается очкариком или отпускает в твой адрес плоские шуточки, и поэтому ты стес-

няешься носить очки, так? Только скажи, кто там у вас такой умный – я эту редиску живо в салат настругаю!

– Да нормально всё, говорю же. – В голосе Влада прозвучала нотка раздражения. – И если бы это потребовалось, я смог бы сам за себя постоять. Ты, видно, меня совсем сопляком и размазнёй считаешь, иначе бы даже не заикнулся об этом.

– Прости, – серьёзно проговорил Стас, отпустив лицо брата, но всё ещё продолжая встревоженно заглядывать ему в глаза. – А может быть, дело в девчонке? Ляпнула какая-нибудь выдра расфуфыренная гадость про твои очки – ты и повёлся?

Влад ничего не ответил, но Стас увидел, что у брата заходили желваки в бессильной ярости.

– Светка, да? Так плюнь ты на неё и разотри миллион раз! Тоже мне, барыня-сударыня! Небось, сама из кабинетов пластических хирургов не вылезает. Всё её счастье заключено в выщипанных бровях, шпильках да лабутенах. Пустая она. Только и думает, что о своей внешности и побрякушках. Хочет, чтобы кавалер ей соответствовал – пусть ищет себе такого же щеголя да пустозвона. А ты не ведись. Зачем тебе такая? Не стоит она тебя.

– О чём ты? – тихо проговорил Влад. – Да не нужна мне даром эта Светка! Только и умеет, что кривляться и задаваться!

Стас вынул из рюкзака оставшиеся распиленные дощечки и хворост и стал заново раздувать костёр. Поленья быстро занялись, и языки пламени в несколько мгновений охватили потрескивающее дерево со всех сторон.

– И правильно, – одобрительно кивнул он. – Встретишь ты ещё толковую девчонку. Ту, которая примет и полюбит тебя таким, какой ты есть. Ту, что не побоится разделить с тобой трудности и невзгоды. И ей будут нипочём ни твои очки, ни расплодившиеся в твоей голове тараканы да заморочки.

– Прекрати! – мягко осадил его Влад и невольно улыбнулся. – Не нравятся Светке очки – ну и фиг с ней. Если бы дело было в этом – я носил бы их не снимая, хотя бы для того, чтобы лишний раз её позлить.

– Вот как? – Стас снова внимательно взгляделся в глаза брата. – Ну так за чем же дело стало?

– Говорю же: мне неудобно. Есть что-то такое, что мешает мне смотреть в очках. Может, из-за астигматизма? Изображение иногда плывёт и двоится, – неохотно признался Влад.

Стас безо всяких церемоний развернул брата за плечи и не отводил от его лица напряжённого взгляда до тех пор, пока не заставил этим своим манёвром посмотреть прямо ему в глаза:

– Давно? – коротко спросил он.

– Не очень.

– Родителям говорил?

– Вот ещё – беспокоить их из-за ерунды!

– Послушай. Тебе необходимо снова показаться врачу. И как можно скорее. Давай поедem в Москву, и ты запишешься на обследование в наилучшим образом оборудованный офтальмологический центр – я постараюсь разузнать на эту тему у своих знакомых и прошерстить Интернет. Там наверняка есть какой-нибудь НИИ глазных болезней. Проконсультируешься у ведущих специалистов, возьмёшь новый рецепт на очки и будешь строго выполнять рекомендации врачей. Да, и родителям придётся сказать в любом случае. С такими вещами шутить нельзя. Иначе можешь забыть о том, что я тебе обещал.

– Ну хорошо, – неохотно отозвался Влад. – Но только для того, чтобы ты уже успокоился и отстал от меня на эту тему. А ещё – чтобы не забывал о своём обещании и поскорее его исполнил. – Он снова мягко улыбнулся и выставил вперёд ладонь: – Замётано?

Стас от души хлопнул по ней и ответил:

– Замётано!

Они ещё немного посидели у костра, поели печёной картошки и покормили её остатками береговых чаек. Затем Стас, снаряжённый точно такой же борсеткой, как и Влад, достал оттуда ручку и широкий блокнот, начертил на листочках схему системы управления самолётом и приборов в кабине пилота, подписал все названия и стал подробно рассказывать брату о предназначении каждого прибора.

Стас старался, чтобы схема получилась как можно более наглядной и показательной, чтобы братишке всё было интересно и понятно и чтобы он ненароком не заскучал. Покончив с общей схемой, Стас начертил каждый прибор по отдельности так, как это выглядело в изображении, приближенном к натуральному, снабдив свои иллюстрации подробнейшими описаниями.

Влад слушал его затаив дыхание. Он старался заучить все названия и запомнить объяснения брата дословно. Перед ним словно бы начал открываться новый мир – неизведанный и прекрасный, полный, как ему чудилось, поистине безграничных возможностей – мир, в котором он хотел бы оказаться больше всего на свете.

– Ну что, не устал ещё? – спросил Стас, озабоченно взглянув на брата.

– Нисколько, – бодро ответил Влад. – Это просто фантастика! Расскажи что-нибудь ещё.

– А что тебе интересно? – Стас улыбнулся и слегка потряс брата за руку чуть выше локтя.

– Абсолютно всё! Что нужно делать, чтобы взлетать и приземляться? Как входить в пике и закладывать виражи? Как выполнять в воздухе пилотажные фигуры – крутить «бочку», уходить в «штопор», проделывать «горку», «спираль», «боевой разворот» и «мёртвую петлю»... ну или как там её называют иначе? «Петля Нестерова» вроде?

– Э нет, брат, так не пойдёт. – Стас постарался, чтобы его голос прозвучал достаточно строго. – Это та самая техника, которая нарабатывается долгими месяцами и годами практических тренировок. Объяснить эти тонкости на словах невозможно, да и не нужно. Со временем ты сам всё увидишь и, будем надеяться, потихонечку освоишь.

– Наверяд ли, – Влад тяжело вздохнул.

– Не «наверяд ли», а «так точно, товарищ лейтенант». Только так и никак иначе, заруби себе на носу! Возражения не принимаются. Ну всё, на сегодня, думаю, достаточно. – Стас закрыл блокнот и убрал его в борсетку. – Когда придём на аэродром, проэкзаменую тебя подробнейшим образом. Проверю, как ты запомнил урок.

– Скорее бы! – протянул Влад, мечтательно прикрыв глаза.

– Да ладно уж, – отозвался Стас, с умилением и гордостью глядя на брата. – Может быть, когда-нибудь я рискну приобрести для нас с тобой подарочный сертификат на разовый полёт на самолёте по программе «Пилотаж». Сейчас как раз появились такие фишки, к примеру, в Коломне или в Кудиново. Ну, знаешь, есть село Кудиново под Малоярославцем в Калужской области? Так вот там, как и в Коломне, да что уж там – даже и у нас, в Шевлино, что недалеко от нашего родного Солнечногорска, есть аэродром малой авиации. Вот на таких небольших площадках как раз и организуются полёты с пилотом-инструктором для всех желающих. Это устраивается именно для молодёжи, которая «болеет небом» – как ты и я. И цены, между прочим, там вполне приемлемые. Мой знакомый, пилот-инструктор, под руководством которого я тренировался в Шевлино перед поступлением в лётное училище, после женитьбы перевёлся в Кудиново, чтобы быть рядом с женой, которая живёт в Калужской области. Так что летать теперь нам с тобой придётся именно там. Нет, конечно, можно купить сертификат и в Шевлино, но с тех пор как я был там в последний раз, немало воды утекло и все мои знакомые перевелись в другие места. А Рустам Борисович – тот, что теперь пилотирует в Кудиново, – человек надёжный. И с ним можно договориться. Сообразим это дело на троих. Главным будет пилот-инструктор, который полетит с нами, да хоть и сам Рустам Борисович или другой лётчик,

которого он порекомендует. Ты сядешь на место второго пилота, а я займу место пассажира и буду за тобой наблюдать, чтобы, в случае чего, быстро тебя сориентировать, не отвлекаясь ни на что другое. Ну, как тебе эта идея? – Стас заговорщически подмигнул братишке.

– Правда? – Глаза Влада широко раскрылись от восторга. – Нет, ты это серьёзно?

– Вполне, – ответил Стас. – Но это как-нибудь потом, когда ты уже потихоньку освоишься в кабине пилота и полетаешь какое-то время как пассажир. К полётам по программе «Пилотаж» допускают только по достижении восемнадцати лет – и это правильно, я считаю. Пока же мы с тобой работаем исключительно в рамках лётной программы «Прогулка». Договорились? – он пристально посмотрел на брата.

– Договорились! – Влад снова открыл глаза и потянулся к своей борсетке. Нашарив там ручку и блокнот, он извлёк их на поверхность, затем достал очечник, надел очки и, шурясь, стал сосредоточенно выводить на листах какие-то линии и контуры фигур.

– Эй, чем это ты занимаешься? – спросил Стас, заглядывая брату через плечо.

– Пытаюсь закончить зарисовку дома твоей мечты, – не отрываясь от своих чертежей, ответил Влад. – Для наших родителей.

Старший брат осторожно, но решительно взял у него ручку и блокнот и категорично произнёс:

– Вот ещё выдумал! Уже поздно и почти стемнело. Подумай о глазах и о своём желании стать пилотом. Хочешь совсем ослепнуть? Знаешь, что ты сейчас делаешь? Отходишь на шаг назад от осуществления своей мечты.

– А как же *твоя* мечта? – Влад растерянно вскинул серьёзные серые глаза на брата. – Я хочу, чтобы она тоже осуществилась.

– Моя мечта никуда не убежит, и для её осуществления мне не нужны жертвы. Этим можно заняться и позже. Будет ещё время.

Стас убрал ручку и блокнот обратно в борсетку Влада, затем развязал стоявший в высокой траве рюкзак и вытащил компактный фотоаппарат.

– Давай сфотографируемся, – предложил он. – На долгую добрую память.

– Давай, – согласился Влад и бросил на брата тревожный взгляд. – Так говоришь, будто бы мы с тобой прощаемся.

– Ерунда, – небрежно отмахнулся Стас. – Просто что-то накатило. Какое-то странное чувство... Или предчувствие... Неважно! Нам с тобой нельзя раскисать, да?

Он взял брата под руку и осторожно вывел его по тропинке к озеру. Порывистый ветер трепал расстёгнутую ветровку Стаса и колыхал ворот джинсовой куртки Влада. Братья подошли вплотную к линии воды и свернули к зарослям камышей.

– Вот здесь. – Стас остановился, обводя рукой близлежащее береговое пространство. – Здесь самая лучшая, на мой взгляд, перспектива. Должна получиться хорошая, качественная фотография. Как считаешь, братец?

– Согласен, – ответил Влад.

Солнце временами просвечивало сквозь тучи, делая озеро тускло-стальным, но тут же пряталось в пыльных горах, которые быстро наливались чёрно-фиолетовым цветом, всё ниже опускаясь к воде.

Стас установил фотоаппарат на таймер и разместил на поверхности большого валуна, одиноко примостившегося на отсыревшей земле. Затем подошёл к брату и осторожно обнял его за плечи.

Влад торопливо снял очки, которые так и остались висеть в его опущенной руке; другую руку он завёл за спину Стаса и мягко обхватил его за плечи.

– Так, всё, смотрим в объектив, – скомандовал Стас. Едва он успел это сказать, как со стороны валуна послышался щелчок, и из фотоаппарата вырвалась серебристая вспышка. – Ну всё, готово.

Стас забрал фотоаппарат, и братья вернулись к костру.

– Что-то не нравятся мне перемены в погоде, – пробормотал Стас. – Ещё с утра было ясно и солнечно, а теперь гляди, как бы ливень не хлынул. – Вот что, – обратился он к брату. – Давай соберём все наши вещи, кроме палатки со спальниками, чтобы быть готовыми к отъезду в любой момент. Надеюсь, нам удастся переночевать без всяких непредвиденных осложнений. Не хочется уезжать прямо сейчас.

– И мне жаль расставаться с этим местом, – вздохнул Влад. – Здесь как-то особенно хорошо. Просторно и привольно. И мы с тобой. Только ты и я. Красота!

– Ладно, хорош болтать. – Стас развязал рюкзак и достал бутылку с остатками вишнёвой наливки. – Давай ещё выпьем по глоточку, чтобы не околеть здесь ночью и лучше заснуть.

Влад с опаской покосился на жидкость в бутылке.

– Может, не стоит? – с сомнением проговорил он. – Вдруг тебе с утра станет нехорошо, а ты как-никак за рулём.

– Ерунда, к утру всё выветрится и духу не останется, а синдромом похмелья я не страдаю. И ты хоть чуть-чуть согреешься и разомлешь, а то сна ни в одном глазу. – Стас разлил содержимое в пару пластиковых стаканов и сунул один в руку брата: – Ну что, за нас?

– За нас.

Братья протянули стаканы навстречу друг другу и легонько соприкоснулись ими.

– И чтобы наши с тобой мечты обязательно сбылись, – торжественно заключил Стас и залпом выпил содержимое своего стакана.

Влад зажмурился, осушил свой стакан в несколько медленных глотков и, не удержавшись, скривился:

– Гадость порядочная, если честно.

– А по мне – так в самый раз. – Стас от удовольствия причмокнул языком. – Просто ты чёртов маменькин сынок. Нежный, как принц голубых кровей. Ну какой из тебя пилот? – Но, увидев расстроенное лицо брата, примирительно обнял его за плечи и тихо сказал: – Ну всё, иди в палатку. Разберёшься там сам со своим спальником? – Дождавшись утвердительного кивка, он добавил: – Я немного покурю и приду. Постарайся заснуть и хорошенько выспаться. Утро будет нелёгким.

Влад покорно пошёл к палатке, а Стас закурил сигарету. Убрав в карман зажигалку, он извлёк оттуда сложенный вдвое чистый почтовый конверт, расправил его, затем достал из своей борсетки ручку и блокнот.

Выдохнув дым и стряхнув пепел, он снова взял в рот сигарету, снял колпачок с ручки и подписал конверт:

«Милому братишке».

Немного помедлив, он сделал чуть ниже приписку:

«От Стаса».

Затем вырвал из блокнота несколько листов, положил их на одно колено поверх конверта и, делая время от времени затяжки, стал быстро заносить на бумагу свои мысли, оформляя их в слова, выведенные уверенным размашистым почерком.

Закончив писать, Стас аккуратно сложил листы в конверт, запечатал его, затушил окурочек и неторопливо направился к палатке.

Посветив фонариком, он увидел, что Влад уже мерно посапывает в своём спальнике.

Стас мягко улыбнулся, бережно подложил брату под голову компактную походную подушку и усталое забрался в свой спальный мешок.

Глава 4

Марина Сергеевна Озерова (в девичестве Лагутина) вела активную и насыщенную жизнь – настолько, насколько это было возможно для женщины её возраста и положения. Она родилась в деревне Солнечногорского района Подмосковья и с ранних лет приобщилась к деревенскому хозяйству. Её родители держали небольшую овчарню и нескольких коз, и маленькая Марина то и дело бегала проводить ягнят и козлят. Особенно нравился ей пушистый молодой козлёнок по кличке Кузя, которого родители девочки норовили поскорее продать, а потенциальные покупатели всякий раз браковали по причине его комолости.

Марине нравилось играть с Кузей, гладить его по великолепной мягкой шерсти. Иногда девочка выводила козлёнка из его стойла на зелёную травку, присаживалась на заранее приоткрытый пенёк или кочку, клала голову Кузи на свои колени, осторожно поглаживая её до тех пор, пока козлёнок не разомлеет, затем тихонько склонялась к голове своего питомца и оставалась в таком положении долго-долго, а иногда даже сладко задрёмывала на мягкой, слегка подрагивающей шейке.

Эта идиллия прервалась, когда на Кузю всё-таки нашёлся покупатель, а Марине настала пора идти в школу. Одна-единственная школа на всю округу находилась километрах в семи от их деревни, и маленькой Марине приходилось чуть ли не каждый день преодолевать этот нешуточный даже для взрослого человека путь для того, чтобы приобщиться к знаниям.

Училась девочка хорошо, и её родители не скупились на похвалы и маленькие сюрпризы или гостинцы всякий раз, как их дочь приносила пятёрку.

После окончания восьмого класса Марине пришлось идти в ПТУ и искать временную работу. Её взяли в бригаду штукатуров-маляров – сначала на испытательный срок с обучением по месту работы, а затем, когда девушка освоила всё, что ей полагалось по новому для неё делу, она вплотную приступила к своим должностным обязанностям. Сначала она работала на полставки, а по окончании ПТУ осталась на том же предприятии и перешла на полную ставку.

Марина работала не покладая рук, её трудовой день был забит до отказа, от постоянного запаха краски и штукатурки нередко раскалывалась голова. Бывало, что девушку в составе её бригады посылали на опасные объекты, ей приходилось работать на приличной высоте, после чего Марина возвращалась в общежитие, в котором она поселилась ещё со времени своего поступления в ПТУ, абсолютно выжатой физически и морально. А ведь ещё надо было готовить еду и наводить чистоту в помещении, отведённом ей и двум другим девушкам.

И тем не менее Марина умудрялась находить время и силы на любимые занятия. Со времени своего устройства на работу она начала проявлять интерес к рисованию. Она тратила половину своей небольшой зарплаты на приобретение книг по художественному мастерству и потихоньку их изучала. В один прекрасный день, только-только отметив своё двадцатилетие и получив некоторую денежную сумму в подарок, Марина на радостях закупила рисовальные принадлежности и стала пробовать применять полученные путём самостоятельного изучения пособий для начинающих художников знания на практике.

Сначала это были скромные карандашные наброски цветов, натюрмортов и незамысловатых узоров, которые ей доводилось видеть на кафельных плитках. Затем постепенно добавлялись краски – по первости робкими мазками, безошибочно выдающими руку начинающего художника-самоучки, но со временем всё более уверенно и осмысленно.

В редкие выходные, если позволяла погода, Марина стала выходить с мольбертом-треногой и красками на природу и пробовала писать с натуры. Из-под её кисти выходили привольные поля и луга, распускались первые весенние цветы, румянились и наливались соком спелые плоды яблонь и груш, соблазнительно алели посреди высокой травы лесные ягоды.

Марине нравилось экспериментировать и пробовать что-то новое. Вскоре она уже испробовала в своих работах весь арсенал художественных средств, какие только могла позволить её скромная зарплата. К незатейливой акварели прибавились нежная сухая пастель, темпера, сангина, уголь, мел, светлая и тёмная сепия. Обычную бумагу порой сменяла тонированная, также в качестве основы для рисунков использовались грунтованный холст и тонированный картон.

На её рисунках уже разливались бурные реки и озёра, возводились старинные и современные мосты, тянулись непроходимые топи болот, насаждались лиственными и хвойными деревьями леса, пышно зацветали сады, в зарослях молодой листвы кустарников резвились птицы, а молодые и нахальные белки, растопырив короткие кривоватые лапы, смешно и неуклюже карабкались вверх по узловатым древесным стволам.

Рисунки Марины были наделены редчайшим свойством – передавать всё разнообразие и полноту жизни. Их прелесть и какое-то удивительное волшебство заключались в умении не просто уловить статичный кадр, но вдохнуть в картину непостижимое движение, одушевить на первый взгляд обычные объекты – как живые, так и неживые, показать их во всех возможных гранях и оттенках.

Несмотря на очевидное художественное мастерство Марины, росшее от картины к картине, в её эскизах и полноценных работах была одна странность: Марина почему-то избегала изображать на своих рисунках людей. В ящиках её рабочего стола громоздились бесчисленные пейзажи и натюрморты, но не было ни одного портрета. Марина и сама не понимала тому причины. Возможно, её в принципе не привлекали человеческие лица, возможно, она попросту не нашла ещё для себя подходящего объекта, который ей захотелось бы отобразить на бумаге или холсте.

Зато Марина находила особую прелесть в рисовании церквей с их яркими золотыми куполами, расцвеченными бликами то появлявшихся, то исчезающих солнечных лучей, и с тонкими шпилями, уходящими в небеса и истаивающими в облаках.

Со своим будущим мужем Вячеславом Николаевичем Озеровым Марина познакомилась на одном из объектов, куда её послали по работе. Он был прорабом-бригадиром-строителем в компании по реконструкции и реновации зданий и сооружений, и Марине поручили отделку внутреннего помещения здания реконструируемой под его началом усадьбы.

Работаящая миловидная девушка сразу приглянулась молодому бригадиру, но он считал недопустимым пользоваться своим служебным положением для того, чтобы привлечь её внимание. Так что ему пришлось мужественно выдержать три недели их совместной работы, прежде чем он решился наконец пригласить Марину на свидание.

За несколько встреч они, казалось бы, переговорили обо всём на свете – настолько похожими оказались их интересы и взгляды на жизнь. Они оба обожали поэзию Есенина и Асадова, любили качественно снятые отечественные и зарубежные фильмы, пешие прогулки и долгие танцы под луной, когда их небольшой подмосковный городок постепенно погружался в царство Морфея, оставляя привольное пространство природы только для них двоих.

Вячеслав был неизменно предупредителен и галантен. Он словно бы предугадывал и заблаговременно исполнял любое желание Марины. Однажды он умудрился достать целую коробку шоколадок-медалек, которые были в то время в большом дефиците. Марина для приличия поотнекивалась, но все же приняла гостинец и устроила для них с Вячеславом незабываемое чаепитие с подаренными шоколадками и восхитительными блинами, приготовленными собственноручно по рецепту её бабушки.

К слову, готовила Марина великолепно. Она без усталости порхала на кухне в неизменно накрахмаленном и безупречно выглаженном белом фартуке и творила из, казалось бы, самых обычных продуктов кулинарные шедевры. Многие сотрудницы по работе, которых Марина приглашала на свой день рождения, искренне недоумевали, как молодой хозяйке удавалось

превратить повседневные блюда в праздничные, и всячески выпытывали у Марины рецепты. Впрочем, успеха в этих своих ухищрениях они не добивались, так как повариха-кудесница предпочитала хранить истоки своего кулинарного мастерства в строжайшей тайне.

Глава 5

За белой полосой по традиционным законам следует чёрная. После успешной сдачи очередного объекта на стройке Марина почувствовала недомогание, в итоге обернувшееся открытой формой лёгочного туберкулёза. Несколько месяцев борьбы за жизнь в тубдиспансере, потеря не слишком хорошо оплачиваемой, но стабильной работы, возвращение в съёмную квартиру, аренду которой она смогла себе позволить совсем недавно. И новость, свалившаяся на хрупкие плечи Марины как гром среди ясного неба. Вячеслав – такой надёжный, такой родной – оказался в реанимации Солнечногорской центральной районной больницы. Несколько месяцев неусыпного ухода за любимой женщиной и сопряжённые с этим переживания довели здорового, цветущего мужчину до приступа пароксизмальной мерцательной аритмии. К счастью, приступ удалось купировать. Как же Марина благодарила за это Бога! Теперь предстояло постепенное восстановление. Неделя постельного режима и – как следствие – потеря работы. Но главное – Вячеслав живёт и дышит в такт дыханию Марины! Остальное – сущие пустяки! Всего лишь временные трудности, с которыми они непременно справятся вместе!

Марина и Вячеслав поженились через пять месяцев после выписки Вячеслава из больницы. Свадьба была скромной – присутствовали только родственники и близкие друзья новобрачных, – и тем не менее молодая пара чувствовала себя самой счастливой на свете.

Один из приглашённых на торжество гостей – приятель Вячеслава, занимавший должность директора небольшой, но замечательно обустроенной базы отдыха под Солнечногорском, всего в пяти автобусных остановках от центра города, сделал молодожёнам поистине королевский подарок, имевший свою предысторию.

Когда-то бригаде, которой руководил Вячеслав Озеров, была поручена масштабная реставрация главного корпуса на территории упомянутой базы отдыха. Директору базы понравилась быстрая и слаженная работа бригады, а также её конечный результат. Он пожелал лично поговорить с бригадиром и поблагодарить от имени руководства компании-заказчика его и его бригаду. Вячеслав и его временный наниматель удивительно быстро нашли общий язык и, когда проект был сдан и одобрен руководством, продолжали поддерживать контакты, а позже и вовсе крепко сдружились.

И вот теперь Вячеслав, который был вынужден уволиться с прежней работы по состоянию здоровья, к своему изумлению узнал, что практически получил официальное назначение на должность заместителя директора некогда отреставрированной его бригадой базы отдыха (для того чтобы назначение вступило в силу, не хватало лишь подписи самого Вячеслава на заранее подготовленном бланке договора). Что же касается Марины, то её ждал похожий договор с назначением на должность администратора находящегося на территории той же базы плавательного бассейна.

Сотрудникам базы отдыха на время их работы предоставлялась скромная, но удобная квартира в многоэтажном доме. Марина и Вячеслав с радостью перебрались в новое совместное жилище и стали потихонечку устраивать там семейное гнёздышко.

Супруги Озеровы строго соблюдали рекомендации врачей. Марина продолжала принимать назначенные антибактериальные препараты и регулярно наблюдаться в больнице. А для своего мужа она даже купила два специальных пластиковых контейнера для лекарств с несколькими отделениями и ежедневно наполняла каждый из них необходимыми утренними и вечерними препаратами, бдительно следя за тем, чтобы он принимал их в должное время.

Наконец наступил день, когда очередной рентгеновский снимок показал, что лёгочная ткань полностью очистилась от бактерий – а это означало безусловную (по крайней мере, на данное время) победу над болезнью.

И тем не менее, помня наставление врача Марины насчёт планирования беременности, супруги Озеровы вынуждены были мужественно выждать положенные три года, пока из организма будущей матери не выведутся сильнейшие антибиотики.

И только четыре года спустя в семье Озеровых родился долгожданный первенец, которого счастливые родители назвали Станиславом, а около трёх с половиной лет спустя после его рождения на свет появился второй ребёнок, получивший имя Владислав.

Марина специально уже заблаговременно подобрала имена сыновьям, чтобы они наилучшим образом сочетались с отчеством «Вячеславович». Отец семейства, хоть втайне и мечтал о девочке, но после рождения сыновей смог выдохнуть с облегчением, потому что если бы у Озеровых родились дочери, то, по задумке Марины, их ожидала незавидная участь носить редкие по современным меркам имена Ярослава и Милослава.

Сыновья достались Озеровым потом и кровью. Это были по-настоящему желанные, выстраданные дети. Их появление на свет, учитывая непростую ситуацию со здоровьем их родителей, долго рассчитывалось и планировалось, а потому они были особенно любимыми.

Перенесённая тяжёлая болезнь со временем дала осложнения на органы репродуктивной системы Марины, так что после рождения младшего сына детей иметь она больше не могла. Тем сильнее проявлялась её поистине сумасшедшая, доходящая до болезненной патологии любовь к сыновьям.

Когда Стас и Влад были ещё маленькими, Марина не отходила от них ни на шаг, словно сердобольная наседка, терпеливо высиживающая птенцов, постоянно возилась и играла с ними.

Вячеслав, хоть и по-доброму ворчал на жену, что она вконец избалует детей, сам нередко с умилением и особой отцовской гордостью наблюдал за их совместными играми, а зачастую, непостижимым для него самого образом, ввязывался в общее веселье и, что называется, оказывался в эпицентре событий.

Ребята росли на удивление смышлёнными и любознательными. Им нравились подвижные игры, но также они были не прочь посидеть возле матери и послушать, как она читает им интересные сказки. Любили мальчишки и просто взгромоздиться на высокие стулья за столом, в центре которого пёстрой трубой возвышалась баночка с наточенными цветными карандашами, а несколько поодаль от неё сбивались в небольшие кучки детские раскраски. Стас и Влад брали понравившиеся им раскраски и с видимым упоением водили по ним карандашами, наполняя форму содержанием, расцвечивая и одухотворяя пустые контуры.

Марина старалась разносторонне развивать своих сыновей. Она с младых ногтей прививала им любовь к поэзии, языкознанию и живописи. Заметив, что Стас и Влад с увлечением занимаются раскрасками, Марина пригласила свою подругу – эксперта в области архитектуры и графического рисунка – оценить их способности.

С Людмилой Марина познакомилась в роддоме в тот год, когда должна была родить своего первенца. Будущих матерей поместили в одну палату, они охотно разговорились и очень быстро нашли общий язык.

К огромной радости Марины, Людмила оказалась выпускницей МАРХИ, утончённой, разбирающейся в искусстве дамой. Она родилась в Москве, где у её родителей была мало-метражная однокомнатная квартира. Жилплощадь полностью оккупировала сестра Людмилы, обзаведясь двумя детьми, но так и не выйдя замуж, и Людмиле по окончании института пришлось искать наиболее интересную и перспективную для неё возможность обустроиться и зарабатывать на жизнь.

К этому времени она познакомилась с заслуженным медработником из Солнечногорска. Валерий был известным в узких кругах врачом-ревматологом. Он длительное время ухаживал

за Людмилой, присылал ей милые и полезные посылки – предметы одежды, принадлежности для рисования и черчения. Людмила сдалась только тогда, когда поняла, что Валерий не преследует далеко идущей цели захомутать москвичку, а столь ненавязчиво и галантно ухаживает за ней потому, что у него к ней действительно есть настоящее, искреннее чувство.

Людмила вышла за Валерия, перебралась в его квартиру в Солнечногорске и открыла в этом сразу же полюбившемся ей тихом городке небольшую архитектурную фирму.

Она общалась в основном с сотрудниками и клиентами и большую часть времени уделяла обустройству нового дома. Институтских приятельниц Людмилы жизнь разбросала по разным местам, и многие старые связи были потеряны. Но, каким бы образцовым человеком и мужем ни был Валерий, как же Людмиле порой недоставало мудрости и особой женской чуткости настоящей подруги!

И вот теперь, познакомившись с Мариной, Людмила словно ожила душой. Она с увлечением рассказывала о своей учёбе в МАРХИ, о бесконечных архитектурных проектах и эскизах и с удивлением отмечала, что собеседница с жадностью ловит каждое её слово и, казалось, понимает её, как никто другой.

Причину такого пылко-го интереса Людмила поняла, когда после выхода из роддома новоиспечённые молодые матери обменялись контактами и начали общаться. Они созванивались и вместе выходили с колясками на прогулки.

У Людмилы была сдвоенная коляска, так как, к их с мужем невыразимой радости, пополнение в семье получилось грандиозным – в назначенный день и час на свет появились очаровательные девочки-близнецы, которых на первый взгляд невозможно было отличить друг от друга. Лишь какое-то время спустя счастливые родители девочек заметили разницу, заключающуюся в месте расположения на лицах новорождённых характерной родинки – у одной из дочерей – той, что появилась на свет пятью минутами раньше своей сестры, родинка красовалась на левой щеке, а у другой – на правой. Старшую девочку решено было назвать Лидией, а младшую – Ладой. Так захотел Валерий, чтобы имена дочерей (во всяком случае, в их коротких формах) были созвучны имени любимой супруги – Люда, Лида, Лада.

– Удивительно, насколько у нас с тобой всё похоже, – сказала как-то Людмила Марине, пока они везли свои коляски по залитому весенним солнцем тротуару. – Даже имена нашим детям и вы с Вячеславом, и мы с Валерием подобрали с особым смыслом.

– Да, – согласилась Марина. – Я вот хочу следующего нашего сына, если Бог нам со Славой его подарит, Владиславом назвать. А этот, значит, Станислав, будущий жених твоей старшенькой. Кто там у нас родился на пять минут раньше? Лидия? – Она шутливо подмигнула подруге и осторожно взяла маленького Стаса на руки. – Ну что, сынок, полетели?

– Мне кажется, Лида не возражает, да, дочунь? – ласково взглянув на девчушку с родинкой на левой щеке, с радостью поддержала игру Людмила. – А Ладусю мы прибережём для Владислава.

– Мы не против, – охотно отозвалась Марина. – Как только он родится, так сразу.

Она мягко опустила сына в коляску и бережно подоткнула ему по бокам одеяльце.

Как-то разговор подруг зашёл о любительских рисунках Марины, и Людмила, заинтересовавшись, попросила показать ей несколько эскизов.

Когда Марина, придирчиво пересмотрев все свои работы, отобрала три-четыре наиболее удавшихся, на её взгляд, рисунка и принесла их на суд подруги, та после долгого, внимательного изучения содержимого Мариной папки подняла просиявший смесью непонятных чувств взгляд.

– Ты утверждаешь, что нигде этому не училась? – В голосе Людмилы звучало явное сомнение.

– Только по пособиям для самоучек, – ответила Марина. – Ну, что скажешь? Тебе не нравится? – Она явно ждала вердикта образованной подруги.

– В некоторых нюансах ещё угадывается рука художника-любителя, – Людмила во всех своих суждениях старалась быть объективной и честной до конца, – но это заметно только при очень пристальном рассмотрении. Что же касается замыслов твоих рисунков, – по крайней мере тех, что я вижу, а также своеобразной самобытной манеры, в которой выполнены эти работы, – Мариш, это грандиозно!

Лицо Марины просияло:

– Тебе правда понравилось?

– Понравилось – не то слово! Тебе бы подучиться немного у профессиональных художников, ну или, на худой конец, у среднестатистического архитектора вроде меня, имеющего в зубах диплом, а за плечами – какие-никакие знания. Но, Марин, правда – у меня нет и десятой доли таких идей и такой самобытности исполнения, как у тебя! Я могу только немного подкорректировать твою технику. Давай попробуем. Покажу тебе кое-какие нехитрые секреты, и – серьёзно – хоть на выставки представляй свои работы! Кстати, могу попробовать организовать выставку твоих картин. Хочешь?

Глаза Марины засветились искренним, неподдельным счастьем, но тут же погасли, сменившись выражением смирения и обречённости.

– Ой, нет, Людочка, – тихо проговорила она. – Выставки не надо. Тебе, конечно, большое спасибо за столь щедрое предложение, но, как говорится, всяк сверчок знай свой шесток. А насчёт того, чтобы поучиться у тебя, то я с большим удовольствием.

– Ох, зря, Мариш! – Людмила сокрушённо покачала головой. – Если уж не тебе выставлаться, то кому же ещё? У тебя такие оригинальные и самобытные рисунки! И темы необычные – церкви. Почему они доминируют в твоих работах?

– Не знаю, – пожала плечами Марина. – Просто нравится рисовать их, и всё.

– Мне кажется, в этом есть какой-то смысл, – задумчиво произнесла Людмила. – Быть может, пока что недостижимый, скрытый от тебя самой. Но, по-моему, это неспроста. У тебя, Марина, особый дар. От Бога.

– От Бога у меня другой дар, – рассмеялась Марина. – Вот он! – Она с нескрываемой материнской гордостью указала на коляску, где мирно посапывал Стас, которому в скором времени должно было исполниться три года. – И кажется, скоро будет ещё один.

– Да ты что? – радостно улыбнулась Людмила. – Неужто мы ждём Владислава?

– Похоже, что так, – подмигнула Марина. – Готовь там свою Ладу.

– Маринка! Здорово! – воскликнула Людмила. – Поздравляю от всей души!

– Поздравлять пока рано, – с некоторой опаской взглянув на подругу, заметила Марина. – Вдруг что пойдёт не так?

Людмила мягко взяла её за руку:

– Не выдумывай. Всё будет хорошо. Я так за тебя рада! А уж как рада Ладусенька! – она окинула нежным взглядом одну из сидящих в новой сдвоенной коляске девочек, на чьей правой щеке красовалась характерная родинка.

– Ну вот, теперь на всех твоих девчоночек женихов хватит, – улыбнулась несколько успокоенная словами подруги Марина.

Людмила стала постепенно открывать Марине технические нюансы художественного мастерства. Когда она приходила в квартиру, где жили супруги Озеровы со своим имеющимся и намечающимся потомством, подруги расставляли перед окном мольберт, раскладывали рисовальные принадлежности и сосредоточенно брались за дело.

– Марин, скажи, а почему ты избегаешь рисовать людей? – спросила однажды Людмила. – У тебя столько зарисовок природы, а также вполне законченных пейзажей и натюрмортов, но

нет ни одного портрета и даже ни одного человеческого лица в отдалённой перспективе. Это что, твой фирменный стиль? Или тебе не нравится рисовать людские лица и фигуры?

– Не знаю, – честно ответила Марина. – Никогда над этим не задумывалась. Скорее всего, и то и другое.

– Странно, – тихо произнесла Людмила. – На самом деле изображения людей призваны оживлять картины. Без них всё должно быть как-то неестественно, неправдоподобно... А у тебя почему-то получается вполне себе естественно и правдоподобно. Вот тебе и парадокс!

– Спасибо, – ответила Марина. – От тебя это звучит как похвала. Но мне самой не нравится. Вероятно, я ещё не созрела как художник, чтобы действительно правдиво изображать людей.

– Вот ещё глупости! – отозвалась Людмила. – Ты замечательный, талантливый и самобытный художник. Не в этом дело.

Марина пожала плечами:

– Возможно, когда-нибудь это умение придёт. Наверное, что-то должно случиться в моей жизни, чтобы это произошло.

– А может, так и должно быть? – предположила Людмила. – Что, если это – одна из своеобразных изюминок твоего стиля? Говорю же – у тебя это получается на удивление естественно и правдоподобно.

– Я так не считаю, – честно призналась Марина. – Но, наверное, тебе виднее.

И вот теперь Марина попросила Людмилу устроить что-то вроде своеобразных тестов по выявлению способностей к рисованию и черчению у своих сыновей.

Марина показала подруге раскраски, заштрихованные цветными карандашами пока что робкими и неумелыми линиями, но Людмила уже с ходу отметила верное цветовосприятие и цветовоспроизведение у сыновей Марины.

Затем мальчикам вручили по простому карандашу с ластиком и по листу бумаги. Людмила вооружилась тем же набором и стала выводить на бумаге простые геометрические фигуры – конус, шар, куб – после чего попросила Стаса и Влада попробовать начертить такие же. Постепенно она усложняла задания – в ход пошли уже цветные карандаши и более сложные графические рисунки по типу разнообразных многоугольников.

– Ну, что скажешь? – спросила Марина, когда проверка была завершена. – Как у них получается?

– Пока что трудно судить, – ответила Людмила. – Для них ведь это первый подобный опыт. Кроме того, дети ещё совсем маленькие для таких серьёзных упражнений, особенно младший. Но способности и у того и у другого мальчика определённо имеются. Если хочешь, могу попробовать с ними позаниматься, посмотрим, что может из этого выйти.

Марина с радостью согласилась, и Людмила стала приходить к Озеровым по два-три раза в неделю. К её визитам всё необходимое для занятий уже было наготове. В пёстрой банке на большом, накрытом цветастой скатертью столе по-прежнему стояли цветные карандаши, рядом в картонной коробочке помещались несколько простых карандашей с ластиками на концах, несколько ластиков лежало отдельно, подле линеек для черчения.

Марина и сама с большим удовольствием присоединялась к занятиям и обращала внимание сыновей на те нюансы, которые упускала из виду Людмила. Всё было устроено так, чтобы мальчики воспринимали эти уроки не как что-то обязательное, а как развлечение, что, несомненно, сказывалось на результатах. Дети корпели над чертежами и рисунками с огромнейшей радостью и энтузиазмом, указывая друг другу на мелкие погрешности и делая это как-то по-доброму, без обид. По квартире то и дело разносился их счастливый смех.

Иногда Людмила брала с собой дочерей. Лида и Лада вели себя как настоящие леди – они тихонько присаживались на предложенные им стулья, брали специально подготовленные

для них листы бумаги и карандаши и послушно повторяли упражнения вслед за взрослыми и мальчишками.

У Стаса и Влада было по отдельному альбому для рисования и черчения, что помогало время от времени отслеживать успехи каждого. Несколько месяцев спустя Людмила уже смогла увидеть и оценить первые стабильные результаты.

– Знаешь, у мальчиков совсем неплохо получается, – сказала она Марине. – Я бы на твоём месте подумала, чтобы развивать их дальше в этом направлении.

– Я с большой радостью, ты же знаешь, – отозвалась та. – Будем потихоньку заниматься с ними, показывать новые техники. Если ты не против, конечно...

– Я не о том, – перебила её Людмила. – Теперь уже очевидно, что твои сыновья пошли в тебя. У них настоящий талант в области графического рисунка. Особенно у Влада. Он схватывает всё на лету и по результатам почти уже догнал старшего брата, а ведь для такого дела у них существенная разница в возрасте. Если у Влада уже сейчас так здорово получается – только представь себе, что может быть через три-четыре года!

– Ты предлагаешь заниматься с ним более серьёзно? – не поняла Марина.

– Мне кажется, будет правильно дать ему классическое образование в этой области. Марин, он прирождённый архитектор. У него, как, впрочем, и у Стаса, есть все данные для поступления в МАРХИ.

– МАРХИ? – Марина взглянула на подругу с явным сомнением. – Ты имеешь в виду обучение в Москве?

– Ну да. А что тебя так пугает?

– Ну, другой город, столица и всё такое. Не хочу, чтобы мой сын жил в общезитии с чужими людьми.

– Так не вечно же ему за материнской юбкой прятаться, – резонно возразила Людмила. – К тому же если с ним будет брат, то и беспокоиться не о чем. Повторяю, у Стаса тоже есть талант – смотри, какая поразительная точность в воспроизведении на бумаге графических объектов: прямо оптический прицел настоящего пилота, честно – так что, я думаю, им обоим стоит попробовать. К тому же в МАРХИ, если на сегодняшний день ничего не изменилось, имеется очно-заочная форма обучения. Ребята могут какие-то дни ездить на лекции, а основной упор сделать на самостоятельное изучение материалов на дому.

– А если они не потянут? – Марина с беспокойством посмотрела на подругу. – Если самостоятельно не справятся с объёмом материалов? Может быть, есть архитектурный институт где-то поближе?

– МАРХИ – самый престижный, – убеждённо произнесла Людмила. – К тому же, если возникнут трудности, я всегда помогу, ты же знаешь. Пока будем их готовить. Обычно поступление в МАРХИ без репетиторов не обходится, а многие – как, к примеру, поступила и я в своё время – идут на подготовительные курсы. Но нам-то, как говорится, и карты в руки! – она подмигнула подруге. – И времени предостаточно – успеем подготовить ребят основательно.

– Ну что ж, звучит заманчиво, – согласилась Марина. – Людок, спасибо тебе, ты у меня незаменимая. И я правда желала бы для Стаса и Влада примерно такого будущего – спокойного и надёжного, как тихая гавань, – без всяких бурь и треволнений. Хотя мне кажется, что мои ребята хотят от жизни совсем другого. По-моему, они всерьёз мечтают стать лётчиками.

Марина задумчиво облокотилась на стол и погрузилась в воспоминания.

Волны памяти уносили её в ясный летний денёк, когда на чистой и безмятежной лазури неба не было ни облачка. Марина с сыновьями шла по мягкому песку, щедро рассыпанному на берегу озера, подставляя ласковому, отражающемуся в зеркальной водной глади солнцу счастливое, смеющееся лицо.

– Мамка, смотри, что это?! – выкрикнул Стас, вскинув голову к небу и указывая на едва различимую движущуюся точку, позади которой прочерчивалась тонкая белая полоса.

Полоса постепенно ширилась, образуя дорожку, убегавшую прямо в лазурную даль небес, словно бы приглашавшую усталых путников пройти по ней и достигнуть обетованного рая.

– Это самолёт летит, сынок, – пояснила Марина.

– Самолёт? – живо переспросил Стас. – А что, он сам вот так и летит? И как, интересно, это у него получается?

– Не сам, – Марина оторвала заворождённый взгляд от отдаляющейся с каждым мгновением светящейся точки и серьёзно посмотрела на старшего сына, – им управляет человек, который сидит внутри, в самолёте.

– А что это за человек? – допытывался любознательный Стас.

– Лётчик.

– Я хочу стать лётчиком! – убеждённо заявил Стас.

– И я! – неожиданно в разговор прорвался задумчивый голосок Влада. Младшенький, высоко задрав голову, с нескрываемым восхищением следил за непостижимым светящимся чудом в небе. – Я тоже хочу стать лёт-ти-ком!

Марина полагала, что мальчики быстро забудут этот короткий эпизод и отвлекутся на что-то другое. Но не тут-то было. Вернувшись домой, Стас первым делом соорудил из бумаги самолётик, и они с Владом стали играть в лётчиков.

Игра давала простор воображению и настолько понравилась братьям, что они возвращались к ней снова и снова, как только выдавалось свободное время. Они с увлечением по очереди выпускали самолётик, и тот, чей черед настаивал заниматься этим ответственным делом, гордо объявлял себя лётчиком.

Постепенно братья стали вовлекать в свои игры родителей. Мать брала на руки то одного, то другого, кружила по комнате, приговаривая: «Ну что, пилот, полетели?» Когда она так делала, счастливчик, оказывавшийся в данный момент в роли «пилота», блаженно зажимивал глаза, и на его личике мгновенно расцветала счастливая улыбка.

Отец вживался в игры сыновей иначе. По их просьбам он рассказывал о жизни пилотов, о том, какой у них распорядок дня, чем они питаются для поддержания крепкого здоровья. Он пояснил, что существуют пассажирские самолёты, один из которых мальчикам как раз и довелось увидеть в небе тем достопамятным днём, когда они изъявили желание стать пилотами, а также – военные самолёты, бороздившие небеса во времена первой мировой и Великой Отечественной войны. Вскоре дело дошло и до бесчисленных видов самолётов в их исторической эволюции – начиная с пресловутых «кукурузников» и заканчивая продвинутыми современными моделями пассажирских авиалайнеров.

Удивительно, но игры в пилотов не отвлекали мальчиков ни от прилежных занятий в школе, ни от практически столь же любимого ими рисования и черчения. А в какой-то мере даже, наоборот, способствовали их наиболее плодотворному всестороннему развитию. Стоило кому-то из них принести из школы хорошую отметку (что случалось практически всегда), отец или мать с гордостью говорили: «Так держать, сынок! Настоящий пилот должен много знать и хорошо учиться!»

Так что Стас и Влад с равным энтузиазмом усердно корпели и над сложнейшими задачами по физике, и над пустяковыми эссе по русскому языку на тему «Как я провёл лето», уже со школьной скамьи упорно и педантично вживаясь в роли «настоящих пилотов».

То же касалось и занятий с Людмилой, которые были для мальчиков ещё и интересными.

Родители рассказали детям, что военные лётчики самоотверженно защищали свою родину и своих близких, а также стояли горой за своих сотоварищей по эскадрильям. Узнав

об этом, Стас незамедлительно взял опеку над младшим братом, старался всегда и во всём уступать ему, подкладывал со своей тарелки лучшие кусочки и, если кто-то ненароком либо намеренно обижал братишку, готов был вступить с обидчиком в бой не на жизнь, а на смерть.

Со временем такое покровительственное отношение укоренилось у Стаса в натуре и вылилось в итоге в какую-то патологическую, самоотверженную привязанность. Когда Влад болел, старший брат превращался для него в лучшую сиделку: регулярно мерил температуру, подавал необходимые лекарства, очень аккуратно смазывал воспалённое горло раствором Люголя и просто тихонько сидел рядом, пока братишка спал.

Если Стас замечал, что брат уже чувствует себя гораздо лучше, он начинал в своей манере беззлобно подтрунивать над ним, а иногда и слегка подкалывать, но никогда не переходил границы между шутливой «шпилькой» и настоящей обидой. Возможно, таким образом он, зачистую безуспешно, старался замаскировать свою доходящую порой до безрассудства братскую любовь.

Он уже понимал, что никакой игрой в героически опекающего брата пилота тут и не пахнет, что все его самоотверженные порывы по отношению к Владу идут от чистого сердца, и как ни старался хотя бы ради приличия ослабить свой неусыпный контроль, ничего не мог с собой поделать.

Стоило Владу ненадолго задержаться в школе или остановиться по дороге домой поболтать с приятелем, Стас тут же скидывал ботинки, забирался прямо на стол, стоящий возле окна, и начинал ещё издали высматривать брата. Успокаивался он только тогда, когда Влад наконец появлялся в поле зрения, и, если с братом было всё в порядке, возвращался к своим делам как ни в чём не бывало, чтобы Влад, придя домой, не заметил его беспокойства. В тех же случаях, когда Стас замечал, что брат, к примеру, прихрамывает либо возвращается с уроков или с прогулки с разбитым коленом, расквашенным носом или другими хоть сколь-нибудь заметными повреждениями, он мгновенно спрыгивал со стола, на ходу напяливал ботинки и быстро выбегал на улицу, чтобы перехватить там Влада. Осторожно, чтобы ненароком ничего не повредить, он обнимал братишку за плечи и заботливо помогал ему дойти до дома.

Главным образом для того, чтобы облегчить жизнь старшего сына в его неусыпной заботе о младшем, родители купили братьям мобильные телефоны. Но едва ли это хоть в чём-то изменило ситуацию – скорее, даже усугубило. Если Влад по каким-либо причинам долго не отвечал на звонок либо оказывался «вне зоны действия сети», Стас буквально начинал сходить с ума от волнения и снова и снова взбирался на заветный стол высматривать брата.

Влад, в свою очередь, просто обожал Стаса. Разница в возрасте между ними была как раз такова, что младшенький смотрел на старшего с открытым ртом, старался во всём ему подражать и брать с него пример. А ещё Влад очень быстро привык к тому, что старший брат, словно по мановению волшебной палочки, неизменно оказывался рядом в трудные минуты. Он уже не удивлялся, что Стас всегда выскакивает перед ним, словно шальной чёртик из табакерки, чтобы своевременно отвести беду. Поначалу Влад ещё немного обижался на старшего брата, когда тот, любя, пытался его «поддеть», но потом понял, что за «шпильками» Стаса скрывается его патологическая привязанность, и научился остроумно, но при этом исключительно деликатно – так, как это удавалось только ему – парировать шутливые выпады.

В школе, куда достаточно подготовленных ребят (равно, впрочем, как и их маленьких подружек – Лиду и Ладу) отдали раньше их сверстников и сверстниц, братья Озеровы уже с самого начала заявили себя прочными хорошистами. Со временем же они подтянули свои четвёрки и редкие тройки, став круглыми отличниками. Поначалу Влад ещё пытался немного сжульничать, время от времени упрашивая старшего брата помочь ему с решением какой-нибудь трудной задачи по алгебре или геометрии, но тот старался вести себя строго и не поощрять его в таких делах. Так что если Стас, в конце концов сжалившись над братом, всё же

брался помочь ему, то, прежде чем записать в тетради Влада нужные ответы, терпеливо и методично объяснял ему принципы решения, а затем отыскивал в его учебнике похожие задачи и заставлял Влада решать их самостоятельно, без подсказок, не отпуская младшенького, пока не получал реального подтверждения, что тот усвоил материал. Поняв, что обмануть Стаса не удаётся, и на одну решённую с помощью брата задачу он получает по три похожих, Влад вскоре предпочёл справляться без такой «помощи».

Марина искренне радовалась успехам сыновей, продолжая с помощью Людмилы готовить их к поступлению в МАРХИ. Поняв, что мальчики тянут на медали, она воодушевилась ещё больше и едва уже не наняла им дополнительных репетиторов по всем предметам. Тем сильнее было её удивление, когда Стас, с круглым отличием оканчивавший одиннадцатый класс, сообщил родителям, что намерен подать заявление в отдел военного комиссариата по месту жительства о своём желании поступить на обучение курсантом в высшее военное авиационное училище в Краснодаре по специальности «Лётная эксплуатация и применение авиационных комплексов», «Применение подразделений военно-транспортной авиации» с присвоением квалификации «Инженер по лётной эксплуатации летательных аппаратов».

Сказать, что родители были потрясены таким решением, – значит не сказать ничего. Если раньше они с удовольствием поощряли игры сыновей в пилотов, то лишь потому, что были убеждены, что всё это обычная, свойственная ребятам их возраста романтика. Марину, правда, иногда пугало, что сыновья, оказавшись на улице, то и дело запрокидывали головы, высматривая самолёты, но она хотела верить, что это обычная блажь, не стоящая внимания, которая со временем пройдёт.

Однако видя, что решение сына вполне себе взвешенное и осознанное, родители не стали ему препятствовать, хотя Марина и пролила тайком немало горьких слёз. Они с Вячеславом сходили в церковь и раздобыли для Стаса небольшой кулон с изображением Николая Чудотворца. Марина подвесила его на серебряную цепочку и надела сыну на шею с материнским назиданием:

– Носи, сынок, и никогда не снимай. Это твой оберег.

Сдав выпускные экзамены в школе на несколько месяцев раньше, Стас стал усиленно заниматься. Он совершал утренние пробежки на ближние и дальние дистанции, изучал различные тематические пособия и тренинги, призванные закалить характер будущего лётчика, его волю к приобретению профессии, как то: тренинг мотивации, тренинг психической саморегуляции, тренинг развития профессионально важных качеств курсанта и многие другие вещи, полезные в лётном деле.

Весной он, как и планировал, подал заявление в отдел военного комиссариата, а в конце июня был вызван из училища для прохождения приёмной комиссии.

До этого времени со дня достижения шестнадцатилетнего возраста, когда молодые люди с согласия родителей официально допускаются к воздушным прогулкам в качестве вторых пилотов, Стас два месяца тренировался с инструктором на базе ближайшего к своему дому аэроклуба под романтическим названием «НЕБО Шевлино». Сам же аэроклуб базировался на территории аэродрома малой авиации Шевлино – в живописнейшем местечке, располагавшемся между деревнями Шевлино и Пятница Солнечногорского района Подмосковья, на берегу Истринского водохранилища.

Поступление далось Стасу с невероятным трудом – но всё же он с честью выдержал вступительные испытания и, к своей невероятной радости, был зачислен курсантом в Краснодарское высшее военное авиационное училище.

Когда начались занятия, Стасу пришлось немало попотеть, поскольку дисциплина в училище была железной, но всё равно он учился с большим подъёмом, так как чувствовал, что практически сбылась мечта всей его жизни.

Единственное, что омрачало его боевое настроение, это безумная тоска по родителям и младшему братишке. В стенах лётного училища нечего было и думать о том, чтобы провести Интернет, поэтому Стас, как только выдавалась такая возможность, отсылал родным письма с фотографиями по обычной почте. Также он периодически старался собирать и отправлять домой небольшие посылки и сувениры, которые каким-то образом умудрялся покупать на получаемое им достаточно скромное, в особенности на первом курсе, денежное довольствие.

Родители и Влад также регулярно высылали ему письма, семейные снимки и посылки на адрес лётного училища.

Влад немного завидовал старшему брату, мечтая в один прекрасный день вот так же дерзко забрать документы из школы и пойти по его стопам, но одновременно невероятно по нему скучал. Едва только продрал глаза, он каждое утро вскакивал с постели, миглом накидывал на себя первую попавшуюся под руки одежду и бежал к почтовому ящику посмотреть, нет ли там письма или извещения о посылке.

Когда Стас получал редкую возможность наведываться домой (это случалось во время полагавшихся ему ежегодных каникулярных отпусков – пятнадцатисуточного зимнего и тридцатисуточного летнего), радости обоих братьев не было предела. За эти короткие дни они, казалось, успевали переговорить обо всём на свете, поделиться всеми своими успехами и неудачами.

За время обучения Стаса в лётном училище Влад успел окончить школу с золотой медалью и, блестяще сдав вступительные экзамены, к невероятной радости родителей, поступил в архитектурный институт.

Однако было и такое, о чём Влад мог поведать только брату. После девятого класса он попытался пройти медкомиссию, чтобы получить добро на поступление в лётно-технический колледж гражданской авиации по специальности «Лётная эксплуатация летательных аппаратов», но был беспощадно «срезан» по заключению окулиста. Так что ему пришлось, стиснув зубы, доучиваться в школе и ждать, пока подвернётся возможность оспорить решение врачей в центральной врачебно-лётной экспертной комиссии.

Ближе к концу второго курса, по достижении восемнадцати лет, Стас заключил контракт о прохождении военной службы, а на четвёртом курсе он, как и полагалось, прошёл перераспределение по родам авиации на внешних факультетах. В числе других курсантов, учившихся по специальностям «Применение подразделений дальней авиации» и «Применение подразделений военно-транспортной авиации», его перебазировали из Краснодара в город Балашов Саратовской области, и с тех пор общаться братьям стало, с одной стороны, проще, с другой – сложнее.

Как образцовый курсант Стас получил привилегию установить ноутбук с Интернетом и, как только выдавалась возможность, пользовался этим преимуществом, чтобы черкнуть брату несколько строк и выслать очередную фотографию. Но к тому времени Влад был завален бесконечным потоком чертежей и графических рисунков, на которые уходили всё его время и силы, и он едва успевал выкроить возможность зайти в Интернет и ответить на послание брата, прикрепив свои снимки, а также фотографии родителей.

Потом братья исхитрились поставить на компьютерах программы для живого общения и не могли дожидаться возможности выйти в Интернет и поговорить по душам.

Военная шлифовка и выправка сделали Стаса чуть грубее и соответствующим образом скорректировали его манеры и поведение. Но хотя его лицо было огрубевшим и загоревшим, в груди молодого пилота-курсанта по-прежнему билось чуткое сердце, наполненное невыразимой братской любовью.

Влад же, напротив, поступив на архитектора, стал ещё нежнее и утонченнее. На него уже вовсю заглядывались сокурсницы и другие девчонки, проживавшие по соседству. Особенно усердствовала Светлана из соседнего подъезда, которая, едва познакомившись с Владом, не

замедлила заявить на симпатичного и скромного паренька свои права. Она то и дело подкарауливала намеченную жертву на улице, а то и, не стесняясь, заявлялась прямо домой к Озеровым, всякий раз по-лишьему глядя на открывавших дверь Марину или Вячеслава, повелительным голосом требовала позвать к ней Влада.

Тот как мог старался быть с девушкой тактичным, но столь назойливое внимание откровенно раздражало. Влад не мог дожидаться той блаженной минуты, когда наконец избавится от навязчивой и даже в какой-то мере вульгарной соседки. Когда же это случалось, он садился за стол, брал присланные из лётного училища письма и фотографии брата и долго сидел с ними, снова и снова перечитывая письма и пересматривая снимки.

По Стасу он скучал невыразимо, и только одно омрачало крепнувшую с каждым днём и закалившуюся в долгой разлуке братскую любовь.

Вернее – одна. Девушка. Лидия, старшая из двух очаровательных дочерей-близняшек Людмилы. Предназначенная ему ещё с колыбели, наречённая невеста Стаса, по которой горячо и беззаветно тосковали оба брата.

Глава 6

– Ну что, соня, кончай дрыхнуть, вставать пора! – Стас склонился над дремлющим в своём спальнике братом и слегка потряс его за плечо.

Влад приподнялся, затем мягко опустил голову, сладко зевнул и снова погрузился в блаженную дрему.

– Эскадрилья, подъём! – не отставал Стас. – Умыться, одеваться и завтракать шагом марш!

– Что? – Влад с трудом разлепил глаза и повертел головой. Он увидел сияющее, как начищенный медный пятак, лицо брата с озорными огоньками в больших серых глазах – точно таких же по форме и разрезу, как и его собственные глаза – и несколько смущённо, но как-то очень мило и искренно улыбнулся в ответ. – Стас?

– Ну как ты, братишка? – Сияющую улыбку на лице старшего Озерова мгновенно сменило озабоченное выражение. – Хорошо поспал? Голова не болит?

– Да нормально всё, – ответил Влад. – Мне как раз снился удивительный сон, будто бы я сижу за штурвалом в кабине пилота и веду боевой самолёт. Но, чёрт, брательник, ты разбудил меня на самом интересном месте! Я, пожалуй, ещё покемарю и досмотрю сон, ага?

Он, на этот раз уже демонстративно, положил голову на компактную походную подушку и поднял сложенные ладони к левому уху.

– Не дури, не спишь ты уже, – с внезапно прорвавшейся в голосе какой-то нехарактерной для него усталостью проговорил Стас. – На улице погода совсем испортилась, тучи сгущаются нехорошие, надо побыстрее собирать манатки и отчаливать. Иначе не поднял бы боевую тревогу, а дал бы тебе, дурачку, вволю отоспаться.

– Серьёзно? – Влад с тревогой встрепенулся и, слегка потягиваясь, сел в своём спальнике. Каким-то интуитивным чутьём он понял, что брат, жалея его, тянул до последнего, прежде чем разбудить. – Тогда что же мы сидим? Надо сматываться быстрее, пока дождь не ливанул!

– Поешь сначала, – тихо произнёс Стас. – Там я тебе оставил бутерброды с сыром и колбасой – ну, помнишь, те, что мы с тобой готовили ещё дома, когда собирались сюда? Вот бери, – он протянул брату один из заготовленных заранее пластиковых контейнеров для еды. – Сейчас чайку тебе налью, ещё с раннего утра заварил для своего братишки.

Стас подмигнул Владу, взял небольшой походный термос, слегка встряхнул его, отвинтил наружную крышку, ловким отточенным движением продавил большим пальцем внутрь специальную кнопку на пробке, пока не послышался характерный щелчок, налил в свободную крышку наваристый ароматный чай и протянул брату.

– Ты чего? – Влад удивлённо взглянул на брата. – Я бы и сам налил. Не маленький. – Он осторожно принял наполненную почти до самых краев крышку из крепких загорелых рук, потянул носом, тихонько пофыркивая и вдыхая терпкий, бодрящий аромат чабреца. С явным наслаждением прикрыв глаза, Влад сделал небольшой глоток. На самом деле ему была бесконечно приятна такая трогательная забота Стаса, сразу же заставившая всплыть в памяти аналогичные эпизоды из далёкого детства. Ворчал он, скорее, по привычке, чтобы лишний раз не казаться старшему брату «маменькиным сынком».

– Для меня – маленький, и не спорь. – Стас невольно улыбнулся, наблюдая за манёврами брата, выдающими его несомненное удовольствие от процесса чаепития.

– А ты? – спросил Влад, поднимая взгляд на Стаса. – Почему ты сам-то не ешь? – он протянул брату контейнер с бутербродами. – Возьми, там на двоих хватит. Всё равно я есть не буду, зная, что ты голодный.

– Я поел уже, – пояснил Стас, невольно поймав себя на том, что всё ещё продолжает до неприличия глупо для офицера улыбаться и заворожённо глядеть на младшего братишку. – Было время, пока ты спал.

Только пристально посмотрев Стасу в глаза и убедившись, что тот говорит правду насчёт еды, Влад достал из контейнера приятно пахнущий бутерброд с колбасой и жадно вцепился зубами в сдобный мякиш.

– Что с тобой? – озабоченно глядя на брата, спросил Влад, закончив трапезничать. – Никогда не видел тебя таким.

– Да ерунда, – небрежно отмахнулся Стас. – Просто сентиментальным идиотом стал. Старую, наверное.

Он порылся в кармане ветровки, достал оттуда кулон с изображением Николая Чудотворца, в торчащее ушко которого была вставлена серебряная цепочка, и протянул брату:

– Вот возьми, – произнёс он, очень серьёзно глядя в точно такие же пугающе серьёзные и умные серые глаза.

– С ума сошёл! – поражённо выдохнул Влад. – Это же твой оберег! Ещё вчера видел его на твоей шее!

– Не имеет значения, – в голос Стаса снова прокралась столь нехарактерная для него усталость, – теперь будет твой.

– Не возьму, – тихо, но твёрдо ответил Влад. – По правде говоря, ты пугаешь меня, брат. Это может быть очень опасно.

– Наклони голову. – Голос Стаса звучал мягко, но в нём внезапно прорезалась стальная, не терпящая возражения интонация. Влад не шелохнулся, в глазах его вспыхнул вызов. Стас вздохнул и без лишних слов и телодвижений ловко нацепил кулон на шею брата.

– Зачем? – Влад обеими руками вцепился в ворот ветровки старшего брата, продолжая смотреть на него полными ужаса и нескрываемой тревоги глазами, в которых уже блеснули алмазинки слёз. – Зачем ты это сделал, братишка?

Произнеся последнее слово, Влад вдруг замер, как мраморное изваяние, неожиданно осознав, что в первый раз в жизни обратился к старшему брату в уменьшительной форме. Именно так, братишкой, нередко называл его Стас.

– Хочу, чтобы он защитил тебя, – продолжая всё так же серьёзно и внимательно глядеть на брата, пояснил Стас. – Предчувствие у меня какое-то... Нехорошее... Ещё со вчерашнего вечера...

– А как же ты? – только и смог одними губами произнести Влад, растерянно и потрясённо глядя на старшего брата.

– А я... Я обойдусь как-нибудь.

Не говоря больше ни слова, Влад спешно расстегнул замок, сорвал с себя кулон и попытался было быстро и незаметно надеть его на шею Стаса, но тот как-то удивительно ловко, по-кошачьи, увернулся, и оберег, беспомощно звякнув, повис на ладонях у Влада.

– Я всё равно отдам его тебе! – с какой-то упрямой злостью не то на брата, не то на самого себя выкрикнул Влад. – Отдам сразу, как только подвернётся подходящая возможность!

– Можешь не стараться, не возьму. – В голосе Стаса звучала невольно пробиравшая до дрожи безысходность. – Я больше не смогу носить его до тех пор, пока не перестану о тебе беспокоиться. А этому не бывать, покуда я жив. Так что отдаю его тебе насовсем. Оберег выручал меня неоднократно в самых, казалось бы, безнадёжных ситуациях. Надеюсь, сумеет защитить и тебя.

– Я не могу, – пробормотал Влад, стирающий указательными пальцами рук всё-таки выступившие на глазах предательские слёзы. – Не могу забрать его у тебя. Да ты хоть понимаешь, что сейчас со мной делаешь? Душу наизнанку выворачиваешь!

– Можешь, – тихо, но твёрдо произнёс Стас. – И никогда не вздумай себя за это корить. Я сам так захотел. – Он тяжело вздохнул и добавил: – Да, и вот ещё что. – Стас снова сунул руку в карман ветровки, извлёк оттуда небольшой запечатанный конверт и передал его Владу. – Возьми вот это. Думал отдать тебе позже, когда доберёмся до дома, но что-то мне подсказывает, что лучше сделать это сейчас.

Влад взял конверт и взглянул на короткую, выведенную размашистым почерком надпись: *«Милому братишке»*.

И чуть ниже:

«От Стаса».

– Что... это? – запинаясь, спросил Влад, держа конверт дрожащей рукой.

– Вскроешь его только в том случае, если в твоей жизни настанет такой момент, когда тебе придётся особенно тяжело, – произнёс Стас, очень серьёзно глядя в глаза брату. – Если будет пересечена та переломная черта, после которой к человеку обычно приходит понимание, что для него в этой жизни ничего уже не важно. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Стас... С тобой всё в порядке? – Влад приложил дрожащую руку ко лбу брата. – Ты не заболел?

В его вопросе не было ничего хотя бы отдалённо похожего на обыкновенно скрытую за подобными словами язвительную «шпильку». Было лишь невыразимое беспокойство за старшего брата и какой-то растущий с каждым мгновением непостижимый страх.

– Ладно, вставай уже, пора собираться, – тихо вздохнув, произнёс Стас. – Надо успеть упаковать в машину все наши вещи, пока не разразилась гроза.

Братья быстро сложили и бегом перетаскали в машину вещи, так как уже начинал накрапывать противный мелкий дождик, грозящий вот-вот перейти в ливень. Сложили палатку и, накрывшись ею как щитом, утрамбовали на задние сиденья, так как багажник «пикапа» был уже переполнен, а затем и сами с ходу заскочили в салон машины.

– Фу-у! – с явным облегчением выдохнул Влад, усевшись на переднее сиденье по левую сторону от старшего брата и громко захлопнув свою дверь. – Кажется, успели!

Едва эти восклицания сорвались с его губ, как по крыше и стеклам машины забарабанил сильнейший дождь с градом, впереди сверкнула ослепительная вспышка молнии, за которой спустя несколько секунд последовал мощнейший раскат грома.

Стас молча завёл машину, проверил, закрыты ли в салоне все окна, и запустил «дворники».

Машину Стас получил в подарок от родителей около трёх лет назад во время летнего каникулярного отпуска в конце второго курса по случаю своего восемнадцатилетия, которое он отмечал весной незадолго до каникул. По такому случаю отец продал свою старую «восьмёрку», родители добавили к вырученным деньгам ещё некоторую сумму, и в назначенный день и час Стаса прямо у подъезда ждала роскошная серебристая «Тойота» с типичным для таких моделей японских машин правосторонним управлением.

– Не совсем привычно тебе, наверное, сынок, что руль расположен справа, – ворковал семенявший рядом довольный отец. – Но уж больно хороша ласточка, да и удобная. «Пикап», сиденья раскладываются вперёд так, что в салоне вполне можно устроиться на ночёвку, даже зимой. Прогрел её хорошенько изнутри – и вуаля! А то, что правосторонний руль – так это практически у всех японских моделей такие. Зато эти машины действительно добротные и качественные. Надеюсь, со временем привыкнешь, ты же у нас пилот.

– Да нормально всё, батя, спасибо огромное! – счастливо улыбнулся «одарённый». – Нет, правда, спасибо – тебе и мамке! Эх, что бы я без вас делал?

Стас с невыразимой благодарностью по очереди обнял своих родителей и братишку. Заметив, что Влад, хоть искренне за него рад и неустанно нахваливает машину, всё же как-то поник, старший брат, заглянув ему в глаза и положив загоревшую сильную руку на угловатое плечо, ободряюще подмигнул:

– Эй, братишка, отставить вешать нос! Будет тебе восемнадцать – ещё лучше машину тебе сообразим!

Влад знал, что это не просто слова утешения. Если старший брат что-то ему обещал, то всегда выполнял свои обещания. Помешать этому могли только, как это называется в сводках новостей и юридических договорах, «обстоятельства непреодолимой силы». Поэтому Влад моментально выпрямил спину и широко улыбнулся:

– Честное офицерское?

Стас легонько потрепал его по плечу и улыбнулся в ответ:

– Не офицер я ещё. Так что давай-ка мы пока что с тобой обойдёмся «честным курсантским».

В тот день Стас от души покатал родителей и братишку по всему их скромному, но бесконечно красивому городку с его величественными соснами и постепенно просыпающимися после зимней стужи лиственными деревьями.

Стас слегка дал задний ход, собираясь вырулить на узкую трассу.

– Может, стоит переждать? – тихо спросил Влад, с опаской оглядываясь по сторонам. – Льёт как из ведра и ничего не видно.

– Бессмысленно, – ответил Стас. – Я знаю небо. Тучи собирались ещё со вчерашнего вечера, а сегодня с утра стало понятно, что гроза обещает быть грандиозной. Эта напасть на несколько суток. Не меньше.

Влад кинул на брата встревоженный взгляд.

– Поэтому я и надеялся успеть до того, как зарядит ливень, – пояснил Стас. В его голосе послышалась горечь и безысходность – состояния, настолько нетипичные для старшего Озерова, что напугали его брата ещё сильнее.

– Это я виноват, – тихо промолвил Влад. – Надо было меньше дрыхнуть.

Он снова оглянулся на старшего брата и, к своему немалому изумлению, увидел, что тот словно мгновенно очнулся от своих невесёлых мыслей и неожиданно мягко улыбнулся:

– Ну, сон младшего братишки – это святое. Ради этого можно и потерпеть. Ну что, по коням?

Стас снова взялся за руль, но вдруг отпустил его, повернулся к брату и впился тревожным взглядом в его лицо:

– Где оберёг? – тихо спросил он.

Влад порылся в кармане джинсовой куртки и извлёк кулон на серебряной цепочке.

– Надень его, – не терпящим возражения тоном потребовал Стас.

– Не могу, – решительно ответил Влад. – Он твой.

– Надень. И без разговоров. Иначе не сдвинемся с места.

Влад обречённо вздохнул, поняв, что спорить бесполезно:

– Ну хорошо. Но только сегодня. Чтобы ты успокоился.

Он нацепил кулон на шею, застегнул замок цепочки и накрыл воротом куртки.

– Так. Теперь пристегни ремень безопасности, – продолжал напутствовать его Стас.

На этот раз Влад подчинился беспрекословно, хотя и попытался вывести брата из какого-то особого подчёркнуто-тревожного состояния и перевести всё в шутку:

– Эй, ты чего? Это всего лишь машина. Не самолёт.

– На самолёте я в своей стихии, – неохотно признался Стас. – Там мне как-то спокойнее. Небо – мой друг и союзник. Здесь, на земле, всё иначе.

– Боишься? – неожиданно даже для самого себя подколот его Влад. – Тоже мне, пилот!

Это был первый и последний раз, когда он позволил себе подобную дерзость в отношении старшего брата. Такие шутки были, скорее, в духе Стаса. Влад успел привыкнуть к ним и почти уже не обижался на брата, зная, что за грубоватыми язвительными манерами скрывается чуткое любящее сердце. Но на этот раз Влад, видя тревогу брата, которая словно тянула из того все жилы, нарочно попытался задеть его побольнее, чтобы вывести из этого по-настоящему страшного состояния любой ценой.

Он ожидал, что Стас, который никогда и никому не позволял по отношению к себе подобного поведения, вскинется на него и, может быть, прибьёт на месте, зато очнётся наконец от своих мрачных мыслей и вернётся к привычному рациональному настрою. Но тот, вопреки его ожиданию, казалось, погрузился в них ещё сильнее и ответил на полном серьёзе:

– Нет. Не боюсь. Просто как никогда в жизни чувствую свою ответственность. За тебя.

– Хочешь, я сам сяду за руль? – примирительно улыбнулся Влад. – Домчу нас с тобой до дома. С ветерком.

И только вот эта, на сей раз больше серьёзная, нежели шутливая реплика, возымела наконец тот самый эффект, на который так надеялся Влад.

– Ещё чего! – Напряжённое и сосредоточенное лицо Стаса озарила привычная покровительственно-снисходительная улыбка. – Да у тебя и прав-то нету. Поехали!

Он с неожиданной лёгкостью вырулил на узкую трассу, постепенно прибавляя скорость.

– Ремень-то пристегнуть не забудь! – назидательно проговорил мгновенно повеселевший Влад.

– Непременно! – отозвался Стас, чьё лицо уже обрело прежнюю серьёзность и сосредоточенность. – Когда посчитаю нужным.

Дождь, перемежавшийся с градом, продолжал нещадно молотить по крыше, стекая по лобовому стеклу сплошными потоками, мгновенно мутнеющими и размывающими изображение от работы «дворников». Бесконечные вспышки молний слепили глаза молодого водителя, но серебристая «Тойота» продолжала вопреки всем погодным катаклизмам упрямо и целенаправленно мчаться по узкой трассе.

Глава 7

– Как всё-таки здорово, когда вся семья в сборе!

Вячеслав сидел на высоком стуле за кухонным столом и читал газету, время от времени прихлёбывая жасминовый чай из большой фарфоровой кружки, оживлённой изображением роз. Окно было распахнуто настежь, и в кухню врвался терпкий запах недавно распустившихся цветов шиповника с дикого кустарника, разросшегося возле самого подъезда.

Марина на корточках сидела возле духовки, только-только отправив в её разверстую утробу большой противень с картошкой, порезанной мелкой соломкой. На ней был лёгкий домашний халат, поверх которого она повязала накрахмаленный белоснежный фартук, а на ногах красовались изящные бирюзовые туфли-лодочки.

В отличие от большинства домохозяек, Марина не признавала мягкие тапки и всегда ходила по дому в специально подобранной для этого летней обуви. Она часто говорила, что женщине нельзя распускаться и превращаться в «домашнюю клушу-наседку», и старалась держать себя в форме во всём, что касалось её внешнего вида. Причём делала она это не только и не столько ради мужа, сколько из-за сыновей. Не было случая, чтобы кто-то из них видел её больной и подавленной, какой она была много лет назад, когда лежала в тубдиспансере.

– Да, – ответила Марина на реплику мужа. – У меня прямо сердце разрывалось, глядя на Влада: он так скучал по старшему брату!

Покончив с картошкой, Марина взялась разделять рыбу.

– Хочу сделать приятный сюрприз для сыновей, – пояснила она. – Подготовить к их приезде любимое блюдо обоим – треску под маринадом.

Она стала ловко орудовать ножом, вычищая внутренности трески, затем как следует помыла нож и принялась нарезать филе на тоненькие кусочки.

– И поэтому встала ни свет ни заря? – спросил тихим голосом Вячеслав. – Боюсь, когда-нибудь ты просто загонишь себя. Ты очень мало спишь и слишком много работаешь по дому. Мариш, так нельзя. Надо и о себе подумать.

– О себе ещё успеется, – улыбнулась Марина. – Как-никак пенсия не за горами.

– Очень молодая и симпатичная пенсионерка, – ввернул изящный комплимент Вячеслав.

– Дай бог, скоро и бабушкой стану, – поддержала его шутливый тон Марина. – Стас вот-вот женится, да и Влад, я думаю, не отстанет.

– Да, шустрая эта девица... Как бишь её?

– Светлана, – подсказала Марина.

– Вот я и говорю. Светлана. Вчера, когда ты уходила забирать свадебный костюм для Стаса, она явилась сюда во всеоружии – одетая с иголки, при «боевой раскраске» – и долго требовала позвать к ней Владислава. Еле выпроводил настырную. Хорошо, что Влада на самом деле не было дома, иначе бы так легко не отделались.

– Ой, и не говори! – вздохнула Марина. – Мне и самой, если честно, ужасно не нравится эта Светка! Но это уж как Влад решит. Какой бы выбор ни сделал наш сын – я со своей стороны поддержу его в любом случае.

– Что ж, мудрое решение, – согласился Вячеслав. – Именно так мы с тобой поступили в своё время, когда Стас сделал главный выбор в своей жизни. А что касается Влада и того, о чём мы говорили... Мне кажется, он пока даже не думает о женитьбе. Да и рановато ещё в его возрасте.

– Дело не в возрасте, – возразила Марина, отложив нож и взяв большую стеклянную банку с мукой. – А в том, чтобы столь серьёзное решение, как вступление в брак, было взвешенным и осознанным. Эх, Славка! – добавила она, вытряхнув немного муки на разделочную

доску. – Ты не представляешь, как я рада, что вернулся Стас! И Влад заметно повеселел, да и вообще... с приездом Стаса жизнь стала потихонечку налаживаться и входить в нужное русло.

– Верно, – отозвался Вячеслав. – Со Стасом как-то оно спокойнее и... надёжнее, что ли. Взрослым он стал у нас, Мариш, да и руки, слава богу, на месте. Вон уж и ламинат постелил по всей квартире сам, без посторонней помощи. А ведь едва минуло две недели, как он получил свой диплом и приехал в отпуск! Я ему предлагал помочь с ламинатом – так он и слушать не стал. Сиди, говорит, батька, и отдыхай. Гордый он у нас.

– Скорее, заботливый, – поправила мужа Марина, и лицо её тотчас озарилось мягкой улыбкой любящей матери. – Сам всю тяжёлую работу по дому делает, а тебе не даёт. Знает, что ты нездоров, вот и жалеет.

– Это я-то нездоров? – Вячеслав повернулся к жене. – Скажи на милость, Мариш, что у меня болит? Молчишь? То-то. Я вот что тебе скажу, жена. Давненько мы с тобой не танцевали, а?

От столь неожиданного поворота разговора Марина аж всплеснула перепачканными в муке руками:

– Славка... Ты что? Сдурел, что ли, на старости лет?

– А что? Мы с тобой ещё очень даже ничего! Давай тряхнём стариной? Помнишь, как мы упоительно кружились в молодости под лунным светом?

– Ты что... В самом деле серьёзно? – Марина растерянно посмотрела на мужа. – Кажется, это было сто лет назад, а ведь действительно – вроде как вчера!

– Вот я и говорю, – подхватил Вячеслав. – Сын самостоятельно постелил ламинат! Я думаю, грех его не «обновить».

– Как бы этим «обновлением» всё не испортить, – вздохнула Марина. – Наследим тут своей обувью, да у меня к тому же ещё и каблучки, поцарапаю ими ламинат – все труды сына насмарку!

– А мы босиком, – не отставал Вячеслав. – В одних носочках. Как эти... Как их там? Эльфы и феири, что ли? Ну давай же, Мариш! Решайся!

– Ну хорошо, – наконец согласилась Марина, и на её щеках незамедлительно появился очаровательный румянец смущения. Она едва не прыснула со смеху, услышав от обыкновенно серьёзного, степенного мужа об эльфах и феири. – Подожди только. Я переоденусь.

Марина сполоснула руки и торопливо, с изяществом пантеры выскользнула из кухни.

Вячеслав тем временем достал с антресолей запylённый магнитофон, порылся в своих давнишних записях и извлёк кассету с любимым ещё со времён молодости танго, вставил её в выдвинувшийся после нажатия соответствующей кнопки отсек и стал терпеливо ждать жену.

Она вошла в роскошном платье из великолепного чёрного шёлка, с ниспадающей копной длинных, тщательно расчёсанных каштановых волос, сколотых на затылке изящной серебряной заколкой. От её шеи и волос исходил тончайший аромат французских духов, который много лет назад так нравился Вячеславу.

– Давай пойдём в комнату, – предложила Марина. – Начнём оттуда и постепенно пройдемся по всему ламинату.

– А ты у меня хулиганка! – отозвался Вячеслав, не отрывая от жены восхищённого взора.

– Только закрой окно, – попросила она. – Видишь, дождик уже зарядил и, кажется, гроза собирается. – Марина тяжело вздохнула. – Эх, и как там наши мальчишки? Как они поедут домой в такую погоду? Не случилось бы чего!

– Ну что ты. – Вячеслав мягко обнял её за плечи одной рукой, а другой торопливо закрыл окно. – Они у нас ребята толковые. Не волнуйся, всё будет хорошо. Идём.

Вячеслав и Марина протанцевали около часа или больше, но, казалось, ничуть не устали. Они словно мгновенно перенеслись во времена своей молодости, и это было поистине восхитительное ощущение.

...Потом Марина готовила для сыновей роскошный обед, делая это с той же самоотдачей, какая была вложена в её танец. Она повязала накрахмаленный белоснежный фартук прямо поверх своего струящегося и облегающего стройную фигуру шелкового платья и стала готовить маринад для рыбы, а Вячеслав, взявшийся помогать жене, продолжал следить за ней восхищённым взглядом.

И тут идиллию неожиданно нарушил бесцеремонно ворвавшийся в квартиру настойчивый телефонный звонок.

Глава 8

Этот звонок расколол жизнь Озеровых на до и после.

Впрочем, Марина уже догадывалась. Она почувствовала неладное, как только заметила, что стала портиться погода, и изо всех сил старалась отогнать от себя приходившие ей в голову ужасающие картины. Но они упорно вставали перед её внутренним взором, не давая ей опомниться, не позволяя дышать.

Она готовила для сыновей, она самозабвенно танцевала – лишь для того, чтобы любой ценой удержать и как можно дольше продлить мгновения, которые ещё относились к тому самому «до». То, что могло быть «после», ей было страшно даже себе представить. Она попросту стремилась изо всех сил уцепиться за ту жизнь, которой уже не было и не могло быть. Эта жизнь была ещё вчера, ещё сегодня с утра, но не теперь, не в данный момент.

И вот это неотвратимое «после» ворвалось в её отлаженные счастливые будни, к которым она шла так долго через множество невзгод и испытаний, страшным чёрным смерчем вместе с проклинаемым ею и Вячеславом телефонным звонком.

Как будто из долго и методично заполняемой супругами Озеровыми Книги Жизни, из всего, что они создавали вместе долгими кропотливыми трудами, беспощадным движением вычеркнули и выдрали самые важные страницы, отправив никому не нужную опустошённую обложку в помойное ведро.

Звонок был с мобильного телефона Стаса – и это вселило в Марину последнюю надежду, что всё ещё может быть хорошо. Однако вместо ожидаемого родного глубокого баритона в трубке зазвучал неприятный лязгающий мужской голос с лёгким кавказским акцентом.

Остальное было для Марины как в тумане – казалось, этот страшный кошмар происходит не с ней. Потому что того, что сказал этот ненавистный мужчина, быть не могло. Просто не могло.

Звонивший, по смутным воспоминаниям Марины, представился сотрудником ГИБДД, вроде бы уточнил, действительно ли он дозвонился в квартиру Озеровых – Марина что-то бормотала в ответ, стараясь заглушить звенящую в висках бешеную пульсацию.

Словно из какого-то другого мира Марина слушала этот противный лязгающий голос, сообщавший о ДТП, произошедшем на Тимоновском шоссе возле озера Сенеж. По предварительным данным ГИБДД, гнавшая по встречной полосе фура, очевидно, из-за неприемлемых для управления наземным транспортом погодных условий на повороте трассы на максимально возможной скорости врезалась в серебристую «Тойоту», в которой, помимо водителя, находился один пассажир.

– В ДТП двое погибших, – бесцветным монотонным голосом, словно читая очередную опостылевшую ему лекцию, сообщил сотрудник ГИБДД. – Водитель фуры и водитель «Тойоты». В карманах одежды погибшего водителя «Тойоты» были найдены документы – удостоверение личности военнослужащего и водительское удостоверение на имя Станислава Вячеславовича Озерова.

Глава 9

Ну вот и всё. Ноги Марины в один момент стали ватными, тело словно налилось свинцом, и она тяжело осела прямо на ворсистый ковёр, бережно покрывавший настиленный Стасом в коридоре ламинат.

Она ещё не успела осознать, что сына больше нет – и, вероятно, не осознает этого никогда. По всей квартире развешаны его вещи, на которые Марина теперь будет постоянно натываться, и от их вида у неё всякий раз станет сжиматься сердце. В ванной рядом с полотенцами Влада висят его полотенца, в коридоре стоит его сменная обувь, которую он не наденет больше никогда, а в высоком шкафу в комнате дожидается своего часа великолепный костюм – белоснежная рубашка, безупречно выглаженные классические чёрные брюки и чёрный пиджак. Этот костюм, купленный для свадьбы Стаса, теперь словно бы оказался предназначен для его похорон.

Марина не выдержала и завывала в голос. Она отказывалась верить в этот кошмар. Может, это какая-то ошибка? Просто случайное совпадение? Что, если речь идёт совсем о другом Станиславе Озерове, а сюда позвонили просто по недоразумению? И тут, словно предательское копье, в сознание врезалась мысль: звонок был с телефона Стаса. Её Стаса. Её обожаемого первенца, к рождению которого она тщательно готовилась в течение четырёх бесконечных лет.

– Это ваш сын, да? – безудержные рыдания Марины растопили даже, казалось бы, ледяное сердце сотрудника ГИБДД, заговорившего со сломленной горем женщиной не по уставу.

Ответа не последовало – рыдания усилились.

– При нём был найден включённый мобильный телефон. Наши сотрудники даже удивились – такая серьёзная авария, машина практически всмятку, а телефон не пострадал. В нём много номеров входящих и исходящих звонков – очевидно, у вашего сына было достаточное количество друзей и знакомых, но в памяти телефона, как и в памяти активной SIM-карты, отражалось всего три номера в алфавитном порядке: «Братишка», «Дом» и «Лиду-сенька». Судя по всему, именно эти номера были для него самыми важными. Мы набрали телефон записи «Дом» и попали на вас.

«Братишка»! Это слово въелось в сознание Марины, и её тут же накрыла новая волна непостижимого ужаса – ведь в машине вместе со Стасом находился Влад! Её любимый и выстрадавший младший сын – последняя ниточка, сцепляющая её с этой жизнью. Как он?! Что с ним?! Неужели он тоже...

– С-скажите, – запинаясь и захлёбываясь слезами, произнесла Марина. – Что с другим... с пассажиром «Тойоты»? – она с трудом подбирала слова. – Он жив? Где он? В каком он... состоянии?

– Я же сказал: в ДТП погибли только два водителя, – отозвался сотрудник ГИБДД. – Пассажир «Тойоты» выжил, что, учитывая масштабы аварии и место столкновения легкового автомобиля с фурой, просто непостижимо. Мы будем подробнее выяснять и максимальным образом восстанавливать детали катастрофы, но, судя по расположению тела водителя «Тойоты»... Вашего сына... Он в последний момент заслонил собой пассажира, на которого, учитывая правостороннее расположение руля в автомобиле, должен был прийти основной удар.

«Влад жив! – мгновенно пронеслось в сознании Марины. – Мой маленький сыночек... Он жив! Стас... защитил его... как и всегда... Только на этот раз – ценой собственной жизни».

– Чудом выживший пассажир «Тойоты» потерял сознание и был доставлен в Солнечногорскую центральную районную больницу, – доносился до неё, словно из небытия, голос сотрудника ГИБДД. – По предварительным данным, его состояние на момент поступления расценивалось как тяжёлое, но к настоящему времени стабилизировалось. Более подробную информацию вы узнаете в больнице. И ещё... Вам нужно приехать... на опознание.

Тяжёлый вздох. Пауза. И долгий-предолгий провал в бесконечность.

Глава 10

Супруги Озеровы, затаив дыхание, заглядывали в узкий проём приоткрытой двери палаты сына. Из обстоятельного разговора с лечащим врачом выяснилось, что у Влада сломаны два ребра, а также имеется перелом голени правой ноги. В принципе, травмы не очень серьёзные, так как по счастливой случайности внутренние органы не были задеты. Какое-то время Владу пришлось провести в отделении реанимации и интенсивной терапии из-за длительной потери сознания. Но, к счастью, кризис миновал, и Влада уже перевели в обычную палату. Теперь он спал под действием укола, но его родители знали, что самое неприятное для сына ещё впереди. В результате аварии у Влада выявились сильные повреждения обоих глаз. И так как в травматологическом отделении больницы не было подходящего диагностического оборудования, пришлось вызвать специалиста-офтальмолога с бригадой ассистентов. Возможно, Владу предстояло обследование и лечение в условиях офтальмологического отделения. Пока же об его глазных травмах ничего определённого сказать не могли.

Марина прижалась лбом к приоткрытой двери палаты сына, из последних сил заставляя себя дышать ровнее. Врач категорически запретила посещение пациента, но разрешила убитым горем родителям ненадолго увидеть сына с порога палаты. Марина была невыразимо благодарна Богу за эту возможность.

Только разметавшаяся по желтоватой подушке густая каштановая шевелюра указывала на то, что этот молодой человек с перебинтованным туловищем и с ужасающими хирургическими повязками на глазах – её обожаемый Влад.

Тревожный взгляд Марины скользнул по бледному лицу, задержавшись на мгновение на скрытых за стерильными пластырями глазах. Марина поспешила отвести взгляд от неистово терзавшего материнское сердце зрелища и обмерла: на открытой груди Влада покоился кулон с изображением Николая Чудотворца, подвешенный на серебряной цепочке. Заветный оберег Стаса!

Марина встретила взглядом с Вячеславом, удостоверившись, что муж тоже увидел оберег и понял, что это означает. Никогда ещё между супругами не происходило столь напряжённого бессловесного диалога, как в эти минуты. Здесь было всё: невосполнимая боль утраты и одновременно – светлая надежда на что-то хорошее, что должно произойти в сломленной и опустошённой жизни Озеровых.

Глава 11

Этот день, казалось, тянулся бесконечно. Марине всё-таки удалось упросить врача пустить их с Вячеславом к Владу, когда он проснётся. Она не могла уйти, не поговорив с сыном, не прикоснувшись к нему и не узнав от него лично, как он себя чувствует.

– Ну хорошо, – после продолжительных уговоров уступила врач. – Но только ненадолго. Пациенту нужен покой, к тому же должен подойти специалист-офтальмолог для первичной консультации, он может появиться в палате вашего сына в любой момент. Дежурная медсестра время от времени проверяет парнишку, она даст вам знать, когда он проснётся.

Марина поблагодарила врача, и они с Вячеславом снова направились к палате Влада. Супруги Озеровы устроились на обтянутом кожей выцветшем, обшарпанном диване в коридоре и стали терпеливо ждать известий от дежурной медсестры.

Наконец, цокая каблучками бирюзовых туфель, к ним подошла симпатичная чернявая девушка в белом халате, сообщив, что пациент из девяносто четвёртой палаты проснулся. Получив разрешение ненадолго пройти к сыну, Марина и Вячеслав тяжело поднялись и поспешили в его палату.

Оказавшись рядом с кроватью Влада, Марина не могла отвести взгляда от его бледного лица с залепленными хирургическими пластырями глазами. Вячеслав придвинул ей стул, и Марина тихонько присела, продолжая заворожённо смотреть на сына, жадно прислушиваясь к его дыханию.

– Ну как ты, сынок? – негромко спросила она, мягко взяв Влада за руку.

Влад ничего не ответил, но было слышно, как участилось его дыхание.

– Ни о чём не беспокойся, милый, – продолжала Марина, которая сама еле сдерживала слёзы. – Мы с тобой. Мы обо всём позаботимся и сделаем всё, что нужно. Ты только отдыхай и поскорее выздоравливай.

Она нежно поцеловала бледную кисть руки, перетянутой бинтом у локтевого сгиба – очевидно, после анализов крови из вены.

– Да, сынок, – поддержал жену Вячеслав. – Не волнуйся и ни о чём не думай. Всё будет хорошо. Мы рядом.

Влад продолжал молчать. Он попытался отвернуться к стене, но это неосторожное движение заставило его вскрикнуть от боли.

– Не двигайся, родной мой, тебе пока нельзя, – проговорила Марина и осторожно вернула сына в прежнее положение. – Может быть, ты хочешь чего-нибудь вкусненького? – заботливо спросила она. – Только скажи – я куплю и приготовлю всё, что ты пожелаешь.

Учащённое дыхание Влада перешло в тихое сопение, усиливавшееся с каждым мгновением. Марина чувствовала, что от жалости и неизбывной материнской нежности у неё вот-вот разорвётся сердце.

– Больно тебе, да? – в её мягком голосе звучало беспокойство. – Потерпи немного, сыночек, скоро пройдёт. Доктор сказала, что ты обязательно поправишься и всё будет хорошо.

Влад глухо застонал и наконец слабым голосом произнёс:

– Зачем вы пришли сюда? Идите лучше к Стасу. Ему сейчас очень темно. И холодно.

Марина замерла на месте. От этих по-настоящему страшных слов её мгновенно прошиб холодный пот. Она беспомощно взглянула на Вячеслава, как бы спрашивая совета. Когда они встретились взглядами, в его глазах читались откровенное изумление и тревога.

Сын обо всём догадался! Как ни старались они с мужем этого избежать, как ни бодрились в присутствии Влада – всё напрасно. Сыночек сейчас даже ничего не видит. Он только чувствует. Чувствует сердцем. А любящее сердце не ошибается.

– Сынок, – тихо произнёс Вячеслав. – Ты не один. Мы с тобой, и мы тебя любим. Просто знай это.

– Уходите, – глухо отозвался Влад. – Мне никто не нужен. Слышите? Никто.

Марина и Вячеслав снова переглянулись между собой. Вячеслав положил руку жене на плечо и взглядом указал на дверь.

Марина еле слышно вздохнула и снова осторожно поцеловала сына руку:

– Мы ещё придём, дорогой, – нежно проговорила она. – Поправляйся.

Расстроенные и вконец сломленные родители нерешительно направились к выходу, и, когда они уже подошли к самой двери, до них донёсся негромкий, но отчётливый голос теперь уже единственного сына:

– На его месте должен быть я.

Марина и Вячеслав снова уселись в коридоре, дожидаясь, когда к Владу придёт врач-офтальмолог. Они намеревались подробно расспросить его обо всём, обговорить в деталях всё, что касалось зрения сына, и по возможности узнать прогноз врача на будущее.

Глава 12

К невыразимому облегчению Марины, ей сообщили, что экстренной операции по удалению глазного яблока не потребовалось, и Влада пока вернули в палату. Тем не менее лечащий врач подчеркнула, что положение серьёзное и Марине лучше всего поговорить с офтальмологом.

Она попросилась к сыну, но её не пустили, объяснив, что эта ночь для него была не из лёгких и Владу требуется отдых.

И вот теперь она сидела в обшарпанном, но идеально чистом коридоре офтальмологического отделения и с замиранием сердца ожидала вызова в кабинет врача.

Марина, казалось, полностью погрузилась в свои невесёлые мысли и не замечала ничего вокруг. Она очнулась только тогда, когда почувствовала на своём плече робкое прикосновение чьей-то руки. Марина подняла глаза и, к своему немалому изумлению, увидела, что над ней склонилась запыхавшаяся длинноволосая девушка с характерной родинкой на правой щеке.

Марина тотчас узнала её – это была Лада, одна из дочерей Людмилы. Одежда на Ладе была строгой и, вопреки обыкновению этой девушки носить модные вещи, выдержанной в тёмных тонах. Правда, ботинки были фирменными и идеально вычищенными, выделяясь из общего чёрного тона одежды лишь своими золотистыми застёжками и ободками, но в данный момент всю эту красоту закрывали надетые сверху синие бахилы.

– Тётъ Марин, извините, – скороговоркой произнесла Лада, всё ещё продолжая тяжело дышать. – Прибежала, как только смогла. Как он?

– Лада? – Марина не сумела скрыть удивления. – Что ты здесь делаешь, девочка? Ты же сейчас должна быть со своей сестрой... Помогать ей...

– Ничего. С Лидой сейчас отец. Он справится. А я... Я не могу больше сидеть без дела и истерить на пару с сестрой. Я должна быть там, где я больше всего нужна. Вот пришла узнать, как сейчас Влад, и чем я смогу быть полезной ему и вам на данный момент.

Марина снова взглянула на девушку с миловидным, тонко очерченным лицом со слегка выступающими вперёд скулами и подбородком, выдающими такие свойства характера, как решительность и целеустремлённость. Сейчас как никогда нужна была поддержка – любая, пусть и от юной девчонки – ведь отныне она, Марина Озерова, оказалась в этом кошмаре совсем одна. Даже Вячеслава не было рядом, и совершенно некому было сказать слова утешения и ободрения.

А теперь возле неё оказалась вот эта милая хрупкая девушка, готовая разделить с Мариной самые трудные минуты в её жизни. А ведь Лада не является невестой её сына – она даже, как это принято у молодёжи выражаться, не «его девушка». Марина горько вздохнула, когда ей вдруг пришло на ум, что увивавшаяся за Владом во времена благоденствия Озеровых Светлана ни разу за всё это время не соизволила не то что появиться в больнице, но хотя бы позвонить!

Лада тем временем присела на диван рядом с Мариной и участливо поинтересовалась:

– Что говорят врачи?

Марина вкратце передала девушке разговор с лечащим врачом Влада. Та неожиданно мягко улыбнулась и сказала:

– Ничего, тётъ Марин. Будем жить.

Марина несколько поколебалась, решая, говорить ли Ладе о том, что тревожило её сильнее всего, но потом тихо произнесла:

– Он всё понял. Про Стаса. Нам даже не пришлось ничего говорить. Он сам это сказал.

Лада мягко положила свою миниатюрную кисть – ухоженную, с безупречным маникюром – на руку Марины.

– Он справится. Постепенно. Дайте ему время, и он примет это. Мы ему поможем.

Марина взглянула на неё с изрядной долей удивления и сомнения:

– Зачем это *тебе*? – спросила она. – Нет, ты не подумай, я ни в коем случае не хочу тебя обидеть, но... Это наши дела. И наша забота.

Лада снова улыбнулась:

– Некорректный вопрос, тётъ Марин. Ну да ладно. Считайте, что я ничего не слышала, – она немного помолчала и добавила: – Давайте сделаем так. Я пойду к офтальмологу вместе с вами. Узнаем получше, как обстоят дела, возьмём выписку из истории болезни Влада и рекомендации. Потом я зайду к его лечащему врачу и разузнаю всё поподробнее о его общем состоянии. Всё-таки я медик, и мне будет легче представить картину его болезни со слов врача.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Марина, слегка сжав миниатюрное запястье девушки. – И извини, если что.

– Да ничего страшного, – отмахнулась Лада, соорудив при этом милую гримасу – специально, чтобы подбодрить Марину. – С ваших слов уже понятно, что там всё довольно-таки неплохо. Справлялись и не с таким. Вот только его глаза... – Девушка на мгновение задумалась, прежде чем продолжить. – Ведь Влад и так видел неважно. Я имею в виду – до аварии.

– Ну да, – ответила Марина. – Я знаю. Он носил очки. Иногда. По правде говоря, меня это беспокоит. Влад показывал мне выписку от офтальмолога, но я, к своему немалому стыду и огорчению, совсем не разбираюсь в офтальмологической терминологии. Я поняла только по цифрам, что у него небольшая близорукость на обоих глазах. Там, в выписке, было много всего, что меня смутило. Я спрашивала об этом у Влада, но он только отмахивался, мол, ерунда, не бери в голову. – Марина вздохнула и добавила: – Подозреваю, что Стас... на эту тему знал больше. Влад доверял старшему брату, как никому другому. Только теперь... его уже не спросишь.

Она на несколько мгновений отвернулась, промокнула глаза чистым носовым платком, достала из миниатюрной дамской сумочки другой носовой платок, побольше, и тихонько высморкалась. Дыхание Марины резко участилось, и ей пришлось снова неоднократно воспользоваться платками, прежде чем она нашла в себе силы успокоиться и вновь повернуться к своей юной очаровательной собеседнице.

Лада смотрела на неё внимательно и как-то не по возрасту серьёзно. Она терпеливо ожидала, пока у Марины схлынет первая волна отчаяния, всякий раз накатывавшего при воспоминаниях о погибшем сыне. Наконец девушка тихо произнесла:

– Тётъ Марин... Даже не знаю, что сказать. Я не умею выражать сочувствие и, честно говоря, не представляю себе, что значит для матери потеря сына. Но я знала Стаса. Знала, каким он был человеком. И я вам вот что скажу: такие, как он, живут не напрасно.

– Да он и пожить-то толком не успел! – Марина снова всхлинула. – А ведь был таким молодым, сильным, здоровым! Казалось бы – живи да радуйся!

– А вот здесь, вы уж меня извините, тётъ Марин, но вы неправы, – ответила Лада. – Пожить Стас как раз успел. И не просто пожить. Он по-настоящему ЖИЛ. Жил хорошо. Со смыслом. Летал на самолётах. И сделал в жизни столько, сколько, быть может, не дано никому из нас. Одно то, что он защитил Влада, спас его от гибели, дорогого стоит. – Лада немного подумала и добавила: – Считается, что Бог первым делом забирает к себе лучших. Если это утверждение имеет смысл, то понятно, почему из всех нас он выбрал именно Стаса.

Марина взглянула на эту, на первый взгляд, хрупкую, но не по годам мудро рассуждающую девушку, и в глазах её отразилась благодарность. Она обняла Ладку за худенькие плечи, по которым разметались выпавшие из причёски длинные каштановые пряди волос, и растроганно прошептала:

– Спасибо, моя девочка.

– Ну что вы, тётъ Марин, – смутилась Лада. – Теперь у нас с вами есть Влад. Да? – Марина молча кивнула. – И мы сделаем для него всё, что от нас зависит. А дальше уж как Бог даст.

– Знаешь, – после некоторых колебаний призналась Марина, – у Влада есть оберег. Кулон с изображением Николая Чудотворца. Когда-то мы с Вячеславом приобрели его для Стаса. Ведь он выбрал для своей жизни рискованное дело. Мы просили сына никогда и ни при каких условиях не снимать оберег. И вот теперь, придя сюда, нашли этот кулон на шее у Влада.

– Вот как? – Большие зелёные глаза Лады округлились. – Наверное, это неспроста. Мне кажется, это говорит о том, что с Владом всё будет хорошо.

Марина кивнула:

– Возможно, это знак свыше. Когда я впервые увидела оберег у Влада, у меня сердце едва удержалось в груди. Я поняла, что Стас каким-то образом передал кулон брату. Возможно, Стас почувствовал недоброе и решил таким образом защитить Влада, возможно, он сделал это по каким-то иным соображениям. Но, обнаружив оберег у Влада, я испытала странное двойное чувство. С одной стороны, у меня сжалось всё внутри от невыносимой боли за Стаса. С другой же – я почувствовала невероятное облегчение и уверенность в том, что мой дорогой Влад будет жить.

В глазах Лады отразилось уважение:

– Какой же всё-таки молодец у вас Стас! А вы говорите – не пожил. Да он знал о жизни, может, больше, чем мы все, вместе взятые! Да-а... Не зря моя сеструха так по нему сохнет! – Она взглянула на лицо Марины и, смутившись, поспешно прибавила: – Ой, извините, это у меня жаргон такой. Молодёжный. Не обращайтесь внимания.

– Ну а ты? – спросила Марина напрямик. – Тебе разве не нравился мой Стас?

– Да ещё как! – Щёки Лады мгновенно окрасил милый и невероятно трогательный нежный румянец. – Признаюсь, я даже была влюблена в него... одно время. Но потом поняла, что он герой не моего романа, и успокоилась – в отличие от моей сестры. Вы уж простите меня, бога ради, тёть Марин, – поспешила оправдаться девушка, задним числом осознав, что своими излишне рациональными рассуждениями невольно причинила невыносимую боль матери, потерявшей сына. – У меня другой принц.

Последняя фраза вырвалась у Лады как-то спонтанно, помимо её воли. Это была её личная тайна, прятая в том закутке сердца, в который не было доступа никому. До сегодняшнего дня. Видя всю глубину отчаяния Марины, Лада, быть может, неосознанно поделилась с ней сейчас чем-то очень личным, сокровенным. Но на этом – всё. Дальше она ни в коем случае не станет развивать эту тему.

– Да? – Марина, сделав над собой невероятное усилие, постаралась улыбнуться. – И кто же он?

– Секрет! – ответила Лада и поспешила перевести разговор в другое русло.

Они ещё немного посидели и поговорили по душам. Наконец погасшая над дверью офтальмологического кабинета лампочка возвестила о том, что можно идти.

Глава 13

У Влада были выявлены поверхностное травматическое повреждение роговицы левого глаза и глубокая проникающая травма всех основных структур правого глаза. Ему назначили интенсивную антибактериальную и противовоспалительную терапию стероидными препаратами местного действия, а также противоглаукомные средства для предотвращения повышения внутриглазного давления. Лечение пока можно было проводить в условиях травматологического отделения под строгим наблюдением врача-офтальмолога.

На правом глазу вправили радужку, наложив швы в процессе обработки проникающей раны. Также наложили сквозной шов на всю толщу роговицы. В перспективе здесь требовалась сложная операция при условии, что глаз сохранит способность отличать свет от темноты. Тогда, по словам врача, можно будет рассчитывать на сохранение остаточного зрения.

Левый глаз пострадал в аварии меньше, но и здесь было благополучно далеко не всё. Пока на этот глаз установили временную контактную линзу для лучшей герметизации раны, так что состояние глаза на данный момент не позволило провести детальное диагностическое обследование, но ведущий Влада офтальмолог уже теперь заподозрил серьёзное заболевание роговицы, называемое кератоконусом.

Как объяснил врач, кератоконус в своей начальной стадии, вероятно, имелся у Влада на обоих глазах ещё до аварии. Это заболевание коварно тем, что таким пациентам очки, как правило, доставляют значительный дискомфорт: изображение в них нередко плывёт, двоится, предметы меняют свою форму.

Врач пытался успокоить Марину и Ладу, сказав, что пока наличие у Влада кератоконуса – всего лишь предположение, не подкреплённое данными детальных обследований. Но Марина припомнила, что Влад то и дело норовил снять очки, так как ему что-то мешало в них смотреть, и материнским чутьём поняла, что злополучная болезнь у её сына всё-таки есть.

Врач обещал провести полную диагностику после того, как будет пролечен воспалительный процесс, попросив Марину принести результаты предыдущих обследований Влада, какие у неё имеются. Марина как сквозь гулкий набат слышала дежурные фразы о том, что не стоит отчаиваться раньше времени, что, даже если диагноз подтвердится, можно будет принять все надлежащие меры, чтобы наилучшим образом скорректировать зрение Влада, а позднее – и укрепить ему роговицу с помощью специальной операции. Конечно, этому вальяжно развалившемуся на стуле мужчине в белом халате легко говорить. Ведь Влад её сын. Не *его*.

Дальше было всё как в тумане. Врач что-то говорил о соблюдении режима закапывания глазных капель, об ограничении физических и зрительных нагрузок. И если бы Лады не было рядом, если бы Марина каждой своей клеточкой не чувствовала её поддержки, она, вероятно, не выдержала бы и разрыдалась прямо в кабинете.

Марина смутно помнила, как сквозь окутавший её сознание липкий туман поблагодарила врача, как взялась за ручку миниатюрной сумочки, собираясь уходить, но врач остановил её, спросив о месте учёбы и основном роде занятий Влада. Услышав в ответ, что Влад учится на архитектора, врач, понизив голос, произнёс:

– Я вас понял. Сожалею, но, очевидно, профессию молодому человеку придётся сменить. Архитектурное проектирование сопряжено с колоссальными зрительными нагрузками, которые в его ситуации противопоказаны и могут в итоге привести к полной потере зрения.

Марина и Лада спустились в буфет и заняли свободный столик возле окна, где открывался обзор территории больницы, которая, в полном диссонансе с настроением Марины, вовсе не казалась такой уж унылой и безотрадной. По периметру здания тянулись аккуратные клумбы, где были высажены слегка прибитые к земле недавней непогодой тигровые лилии.

Теперь цветы словно проснулись, скинули своё привычное за последние несколько суток оцепенение и потянулись к безмятежно светящему солнцу.

Марина всё порывалась зайти к Владу, но ей ясно дали понять, что посещения больных откроются не раньше чем через час-полтора, и Лада настояла на том, чтобы по возможности где-нибудь перекусить. По подсказке дежурной медсестры Марина и Лада отыскиали буфет, оказавшийся небольшим, но, к удивлению Лады, достаточно уютным для больницы помещением.

Ассортимент блюд был ожидаемо небогатым. Лада заняла очередь и старалась присмотреть что-то более-менее приличное из предлагаемого меню. Взяв в итоге два бифштекса с рисом и два компота, девушка притащила поднос к столу, где её ждала Марина, и проворно расставила принесённые тарелки и стаканы.

Марина сидела, уставившись в одну точку и не замечая ничего вокруг. Лада отнесла обратно пустой поднос, вернулась, встала позади уставшей, измождённой заботами и убитой пережитым горем женщины и мягко положила ладонь ей на плечо:

– Надо поесть, тётъ Марин.

Марина автоматически кивнула, вяло взяла вилку и только тут заметила в руках у Лады довольно внушительный полиэтиленовый пакет, который та уже быстро разворачивала, доставая завернутый в хрустящую бумагу герметичный пластиковый контейнер. Девушка открыла крышку контейнера, и изнутри потянулся изумительный запах свежей выпечки.

– Вот, – произнесла Лада, понизив голос. – Слоёные пирожки с сёмгой. Испекла специально для вас. И... для Влада.

Её щёки заалели от смущения под вопрошающим взглядом Марины.

– Просто я представляла себе, что, даже если повезёт найти здесь что-то перекусить, еда будет довольно паршивой, – торопливо пояснила девушка, пытаясь скрыть всё больше и больше одолевавшее её смущение. – Это ещё хорошо, что здешний буфет оказался совмещённым с больничной столовой. Иначе даже не нашлось бы тарелки более-менее приличного второго. Но всё равно это ведь не очень вкусно, верно? – она кивнула на тарелку с дымящимся бифштеком и горькой желтовато-бурого риса. – Вот я и подумала...

– Спасибо, – растроганно проговорила Марина, пододвигая поближе контейнер с пирожками. – Выглядят аппетитно. Можно я возьму всё для Влада?

– Съешьте хотя бы парочку, – голос Лады звучал убеждающе, – вы наверняка теперь не готовите. Значит, практически ничего не едите. А для Влада я ещё напеку. Мне не сложно.

Девушка мило улыбнулась, и на её щеках (на правой стороне – прямо над самой родиной) появились прелестные ямочки.

– Хорошо, – сдалась наконец Марина. – Раз ты так старалась, я не могу тебя подвести.

Она выдавила из себя некое подобие улыбки и взяла самый маленький из всех пирожков.

– Вкусно, – оценила Марина, откусив небольшой кусочек. – А ты, оказывается, кулинарная мастерица.

– Да, мы с сестрой любим готовить, – просто, без тени жеманства ответила Лада. – Ну и кушать тоже любим, разумеется. – Она подмигнула Марине, и та снова улыбнулась – на этот раз вполне искренно.

– Кстати, как там Лида? – произнесла Марина, просто чтобы что-то сказать.

– Ой, тётъ Марин, лучше не спрашивайте! – Лицо Лады сделалось вдруг непроницаемо серьёзным. – Сами небось догадываетесь.

Марина внимательно поглядела на девушку и вдруг, сама того не заметив, мягко накрыла ладонью её запястье:

– Прости, – тихо произнесла она. – Лида очень любила его, я знаю. Но поверь – мне не легче. Я всё-таки мать. – Марина тяжело вздохнула и отложила на свободное блюдечко надкусанный пирожок, изо всех сил стараясь снова не разрыдаться прямо здесь, за столом. Её мало волновало, что подумают люди, пришедшие в буфет подкрепиться. Просто она запретила

себе распускаться, решив, что, какие бы кошки ни скребли у неё на душе, пора уже взять себя в руки. Ведь самое тяжёлое – похороны сына – было ещё впереди. Иначе она туда не дойдёт. Просто не сможет.

– Тётъ Марин, а возьмите-ка несколько пирожков домой, – неожиданно предложила Лада. – Ваш муж, наверное, совсем голодный. Пускай поест. Да и вы сможете подкрепиться, когда захотите. Смотрите-ка, их тут много!

Девушка достала из пакета другой герметичный пластиковый контейнер, битком набитый небольшими румяными пирожками.

– Ого! И когда это ты умудрилась столько напечь? – Марина изо всех сил старалась, чтобы её голос звучал бодро.

– Было дело, – ответила Лада и тихо вздохнула. Марина пристально вгляделась в лицо девушки, всё ещё окрашенное румянцем смущения, и поняла, что та сначала намеревалась утаить от неё второй контейнер с пирожками, очевидно, припрятав его для Влада.

– Ты сама хотела их ему передать, верно? – вырвалось у Марины, и Лада в ответ едва заметно кивнула.

– Спасибо, – искренне поблагодарила её Марина. – Спасибо тебе за всё. За эти замечательные пирожки, за твою потрясающую чуткость и неоценимое участие. Если бы не ты, я не выдержала бы в кабинете того врача и пяти минут и, конечно, не смогла бы сформулировать и десятой части тех важных вопросов, которые обязательно было необходимо ему задать.

– Вам не за что меня благодарить, тёть Марин. – Лада подняла на собеседницу лучистые зелёные глаза очень красивой формы и разреза. – Мы же с вами практически одна семья и помогаем друг другу как можем. Да, и вот ещё что. – Голос девушки приобрёл неожиданную решительность. – Я поищу в Интернете информацию о кератоконусе и обо всём, что говорил доктор, и обязательно вам сообщу, если найду что-то важное. Также постараюсь найти лучшие офтальмологические центры и врачей, специализирующихся на тех проблемах по зрению, которые есть у Влада. Надеюсь, общими усилиями мы справимся.

– Странно, – произнесла Марина, внезапно задумавшись. – Мне всегда казалось, что из вас двоих более серьёзная и ответственная девушка – это Лидия. Ты же производила впечатление более юной, беспечной... Ну, не знаю, как ещё выразиться.

– На самом деле мы очень похожие по характеру, наверное, – Лада мягко улыбнулась. – У нас одинаковые привычки и увлечения, схожие взгляды на жизнь. Просто по отношению к разным людям, а также в тех или иных ситуациях ведём себя по-разному. Ну и у Лиды много заскоков, конечно. Но с другой стороны – у кого их нет? Ой, простите, тёть Марин, – произнесла девушка, опомнившись. – Наверное, не следует так говорить про сестру.

– Не следует. Но ничего страшного. – Марина снова улыбнулась, сама того не заметив, уже безо всяких усилий. – Ты же любя. Скажи лучше вот что. – Марина с каким-то безотчётным и необъяснимым чувством, похожим на материнское, наблюдала, как девушка резво взялась за рис. – Ты только сегодня решила зайти к Владу или намереваешься посещать его... время от времени?

Лада оторвалась от еды и снова устремила на Марину взгляд зелёных миндалевидных глаз:

– Почему только сегодня? – Вид у девушки был такой, словно она даже не поняла сути вопроса. – Я бы хотела приходить к нему каждый день... Ну, в смысле, когда это будет возможно. Если вы не против.

– Вот уж не знаю, стоит ли тебе это делать. – В голосе Марины слышалась какая-то странная, невыносимая горечь.

– То есть как это – не стоит? – не поняла Лада.

– Влад только что потерял брата, – сказала Марина, понизив голос; лицо её при этом сделалось очень серьёзным. – Ещё одной потери он не переживёт.

– В смысле... – Лада сначала растерялась, но потом поняла, что имела в виду Марина. – Ах, вот вы о чём, – она грустно улыбнулась. – Ну, на этот счёт можете быть спокойны: я его совершенно не интересую. Ну то есть как девушка.

– Откуда ты знаешь? – спросила Марина, продолжая всё так же пристально глядеть на свою юную очаровательную собеседницу.

– Ну, это же видно невооружённым глазом. – Лада отложила в сторону вилку, отпила немного компота и тихо произнесла: – Он без ума от моей сестры.

– Влад может привязаться к тебе, если ты будешь к нему приходить, – проговорила Марина очень серьёзно. – И не спорь – я знаю. Особенно – учитывая его положение. У него ещё не было настоящего чувства к девушке, ему только кажется, что он влюблён в твою сестру, я не сомневаюсь. Если он когда-нибудь полюбит, то один раз и на всю жизнь. Как Стас. Так что если тебе этого не нужно, если тобой руководят жалость, сочувствие, бескорыстное желание помочь или же любой другой сиюминутный интерес, а потом ты вильнёшь хвостом и бросишь моего сына, то лучше не навещай его. Прощу тебя как его мать.

– Тётя Марин, давайте я сама решу, что мне нужно, а чего не нужно, хорошо? – тихо, но твёрдо ответила Лада.

– Ладочка, ты очень хорошая девочка, – Марина решила сменить тактику. – Но пойми: у Влада серьёзные проблемы. Неизвестно, как он будет видеть после аварии и будет ли видеть вообще. Если ты решишь остаться с ним из сострадания, он обязательно это почувствует. Очень сомневаюсь, что ты хотя бы отчасти представляешь себе, какой может быть теперь его жизнь.

– Счастливой, тётя Марин. Я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы это было так. Обещаю.

– Ответь мне, – попросила Марина, – как ты относишься к Владу? Представляешь ли ты, что на себя берёшь? Готова ли разделить с ним свою жизнь, несмотря на все его проблемы?

Лада улыбнулась:

– Из всех ваших вопросов я могу ответить только на первый. Ответ таков: я всё ещё надеюсь. И если случится чудо и моя надежда осуществится, остальные ваши вопросы отпадут сами собой, не так ли?

Марина долго и пристально смотрела на Ладу, а потом встала и крепко обняла её за худенькие плечи:

– Спасибо, моя девочка.

– Ладно, давайте кушать, – засмушалась Лада. – А то сейчас всё остынет.

– Ты права. – Марина мягко отпустила хрупкие плечи девушки и снова села за стол.

– Только никому не говорите, – Лада очень серьёзно посмотрела Марине в глаза. – Особенно Владу. Обещаете?

– Обещаю, – с готовностью ответила Марина. – Мм-м, какие же вкусные у тебя пирожки! Пальчики оближешь!

– Не смейтесь, – обиделась Лада. – Это был мой секрет. Просто вы очень... Настырная.

– Точно. – Марина впервые после гибели сына почувствовала, как у неё улучшилось настроение. – И любознательная. Был твой секрет – теперь будет наш. Ладно, кушай, детка, и пойдём к Владу.

– Вы идите, – ответила Лада. – Я зайду попозже. Сначала хочу поговорить с его лечащим врачом.

– Хорошо, – ответила Марина, собирая опустевшие тарелки и стаканы. – Я буду ждать тебя у Влада.

Когда она вернулась к столу, Лада упаковывала контейнеры с пирожками. Бережно обернув их в бумагу и положив в полиэтиленовый пакет, девушка протянула это добро Марине со словами:

– Вот, тёть Марин, возьмите. Один контейнер для вашего мужа и для вас, другой – для Влада. Попробуйте угостить его, пока они ещё тёплые, а если он не захочет... В его палате есть холодильник?

Марина неуверенно кивнула.

– Положите контейнер туда, чтобы пирожки не испортились. Может, вы сумеете дать их ему позже... Что с вами, тёть Марин? – озабоченно спросила Лада, увидев, что лицо женщины стремительно помрачнело. – Хотите, я провожу вас к Владу, а сама пойду к его лечащему врачу и потом вернусь?

– Да так, – ответила Марина. – Ничего особенного, не обращай внимания.

Она снова взглянула на встревоженное личико девушки, увидела светившееся в её глазах искреннее участие и сопереживание и тихо сказала:

– Ты права. Помимо всех наших проблем есть ещё одно серьёзное обстоятельство, которое меня беспокоит. Я расскажу тебе после. А сейчас нам надо спешить.

Марина приняла из рук Лады пакет, и они вдвоём направились к выходу.

Глава 14

После бесконечного невыносимого ожидания Марину всё-таки пустили к Владу.

Она вошла в палату и огляделась. Было видно, что в палате делались значительные перестановки. Кровать её сына заменили твёрдой кушеткой. Под голову Влада положили небольшую подушку, по которой разметалась копна его каштановых волос. Глаза по-прежнему были закрыты хирургическими пластырями. Одна его нога была на вытяжении, руки неподвижно покоились поверх одеяла.

Марина на цыпочках подошла к сыну, стараясь никоим образом не потревожить его, если он спит. Она опустилась на низенький стул и тихонько прислушалась. Казалось, Влад почти не дышал. Его худенькое тело застыло в какой-то неестественной, неподвижной позе, и только изредка вздымавшаяся и опускавшаяся грудная клетка выдавала, что её мальчик дышит.

Марину охватила паника. Она судорожно взяла Влада за руку и уже намеревалась нажать на кнопку экстренного вызова, когда холодные и влажные пальцы Влада едва ощутимо сжали её кисть.

– Сыночек, что? – в слезах прошептала Марина. – Как ты себя чувствуешь?

Ответом ей было душашее своей неопределённостью устрашающее молчание.

– Посмотри, что я тебе принесла, – продолжала судорожно шептать Марина, задним числом осознав, что «посмотреть» он как раз и не мог.

Она поспешно вытащила из пакета контейнер, развернула уже промаслившуюся бумагу, открыла крышку и, предварительно положив на ладонь бумажную салфетку, достала с её помощью самый большой, аппетитно пахнущий пирожок. Дрожащей рукой женщина поднесла лакомство ко рту сына, но тот даже не шелохнулся и не разомкнул плотно сжатых побледневших губ.

– Поешь, сынок, – уговаривала его Марина. – Это очень вкусный пирожок с сёмгой. Ты же любишь сёмгу.

Никакого результата. Марину захлестнула волна отчаяния. Уже ничего не соображая, она обхватила запястье сына, разогнула скрюченные – очевидно, от боли – пальцы и попыталась засунуть ему в руку обёрнутый в чистую салфетку пирожок. Но, к её ужасу, рука Влада безвольно свесилась с кушетки.

Марина вскочила со стула и потянулась было рукой к кнопке экстренного вызова, но тут заметила стоящую позади себя тихонько проскользнувшую в палату Ладу. Девушка делала Марине предупреждающий жест, поднеся указательный палец к губам, очевидно, прося таким образом не выдавать её присутствия. Лада поманила Марину в коридор, и та с большой неохотой отпустила руку сына и последовала за своей юной спутницей.

Выйдя из палаты, Лада огляделась по сторонам и, убедившись, что их никто не слышит, наклонилась к уху Марины и негромко произнесла:

– Не волнуйтесь, тёть Марин. С ним всё нормально.

– Ты уверена? – Марина взглянула на девушку с явным сомнением. – Он такой бледный... Ничего не ест и, по-моему, едва дышит.

– Успокойтесь, – Лада положила свою изящную кисть Марине на плечо. – Я знаю, что говорю. Он в порядке. Я вижу это по его дыханию.

– Слава богу! – Марина с облегчением вздохнула и грустно улыбнулась. – Я чуть с ума не сошла! Как всё-таки хорошо, что вы с сестрой пошли в медицину!

Лада кивнула в ответ и предложила:

– Давайте вместе вернёмся в палату. Только, прошу вас, ничего ему не говорите. Ну, в смысле не выдавайте моего присутствия.

– Хорошо, если ты так хочешь, я ничего не скажу, – согласилась Марина.

Они снова зашли в палату. Марина села на прежнее место, а Лада встала позади неё. Марина долго с любовью глядела на сына, заворожённо наблюдая, как мерно вздымается и опускается его грудная клетка, затем обернулась к девушке и увидела, что та, затаив дыхание, неотрывно смотрит на Влада с такой милой, застенчиво-очаровательной улыбкой и трогательными ямочками на щеках, что у Марины защемило сердце от неизбывной нежности – и к сыну, и к этой хрупкой, но такой славной и обаятельной девчужке.

Женщина снова повернулась к сыну, мягко взяла его за руку и тихо проговорила:

– Сыночек... дорогой мой... Мама рядом и любит тебя. Очень.

Она услышала, что дыхание Влада заметно участилось, счастливо улыбнулась и продолжила:

– Ты только поправляйся, мой хороший. Ты моё самое бесценное сокровище, слышишь?

Дыхание участилось ещё сильнее, нос характерно засопел, и плотно сжатые губы разомкнулись.

– Мама с тобой, мой родной, – произнесла Марина и мысленно продолжила: «И не только мама, но и замечательная девушка. Она тоже любит тебя. Пожалуйста, поправляйся, дорогой мой, и живи счастливо – настолько, насколько ты это сможешь. Хотя бы ради неё».

Глава 15

– Что сказал его лечащий врач? – спросила Марина, когда они с Ладой свернули на зали-
тую солнцем тропинку к воротам больницы.

– Примерно то же самое, что сообщили мне вы, – ответила Лада. – Не волнуйтесь, тёть
Марин. Всё будет хорошо.

– Дай-то бог, – Марина вздохнула и расправила плечи. – Всё-таки с ним оберег Стаса...
Теперь уже это оберег именно его, Влада.

Лада немного помолчала, очевидно, что-то обдумывая, и, когда они уже выходили с тер-
ритории больницы, робко спросила:

– Тёть Марин... А что вы хотели мне рассказать? Помните, там, в буфете? Вы были чем-
то огорчены и обещали, что скажете мне потом. Что-то случилось?

Она устремила на Марину выжидающий взгляд.

– Да... – неуверенно ответила Марина. – То есть пока что нет. Но...

Она замолчала и пристально посмотрела на Ладу. Эта девушка поделилась с ней сегодня
самым сокровенным – тем, о чём не рассказывают никому. Конечно, это произошло не без её,
Марины, настояния и даже, быть может, прямого давления с её стороны, но тем не менее. И
теперь она почувствовала, что в свою очередь готова поделиться с Ладой тем, что беспокоило
их с Вячеславом все последние месяцы и о чём она пока не рассказывала даже сыновьям...
Одному из них уже не расскажет никогда.

– Хорошо, – вздохнула Марина. – Я тебе расскажу. Ты ведь доверила мне свою тайну.
Надеюсь на твоё понимание и молчание.

Марина снова смерила Ладу оценивающим взглядом, как бы прикидывая, способна ли
эта совсем ещё юная хрупкая девушка понять то, чем она собиралась с ней поделиться. Наконец
Марина втянула голову в плечи, словно приготовившись к сокрушительному удару, и негромко
произнесла:

– Не исключено, что мы с Вячеславом можем в скором времени лишиться работы.

– Как?! – выдохнула поражённая Лада.

– Вот так, – произнесла Марина с какой-то обречённостью. – Базу отдыха, где мы рабо-
таем, выкупает один очень богатый частный предприниматель. Насколько нам известно, уже
оформлен договор и внесён задаток. В течение полугода, максимум – года здание и террито-
рия базы отдыха будут отделяться и обустраиваться под нужды будущего владельца. Так что
приблизительно этот срок мы ещё сможем работать. А дальше уж и не знаем, как быть. Оче-
видно, придётся каким-то образом устраиваться на другую работу и снимать квартиру. Сокра-
щение и выселение ожидают нас в любой момент.

Марина снова бросила на свою юную спутницу торопливый взгляд, та перехватила его
и мгновенно поняла всё то, что осталось невысказанным. Владу предстояли дорогостоящие
операции на глазах, возможно – повторные и длительный курс реабилитации. Кроме того, он
потерял профессию, и теперь, если ему достанет сил и мужества учиться чему-то ещё, он смо-
жет это сделать лишь на платной основе. И где его родителям достать такие деньги, если ко
всем их трудностям прибавится ещё и необходимость оплачивать аренду жилья? К тому же
после разговора с лечащим врачом Влада девушка, к своему глубокому огорчению, поняла,
что у него могут возникнуть и другие проблемы со здоровьем, о которых она пока решила
Марине не говорить.

– Мы с Вячеславом, когда узнали об этом от его хорошего друга – директора базы отдыха,
который, как и все мы, останется не у дел, решили пока не расстраивать наших детей и ута-
ивать от них правду так долго, как только сможем. Стас к тому времени только-только вер-
нулся домой с дипломом об окончании лётного училища и в воинском звании лейтенанта –

счастливый, полный энтузиазма, планов и надежд. Сразу взялся обустраивать наше временное жилище: заменил сантехнику, постелил ламинат... готовился к свадьбе. Разве ж можно было ему сказать? Да и Владу тоже... Мы ещё надеялись, что всё наладится. Стас был мастером на все руки и соображал так, что дай бог каждому – умел находить выход из любой ситуации. С ним бы точно не пропали. А теперь...

Марина тяжело вздохнула и ещё больше втянула голову в плечи, сразу же как-то неуклюже ссутулившись и поникнув.

Они свернули за больничную ограду и вышли на залитый солнцем пыльный тротуар, по одну сторону которого тянулась длинная клумба с рассеянными по ней пёстрыми брызгами соцветий флоксов.

– Тётъ Марин, – открытое добродушное лицо Лады сделалось вдруг не по возрасту серьёзным; она не знала, как покорекнее предложить помощь, чтобы ненароком не обидеть женщину, которая стала для их семьи почти родной, – послушайте, у меня есть идея. Почему бы вам не пожить у нас... какое-то время, пока не обустроитесь? Вы же знаете, мы несколько лет назад произвели удачный обмен, и теперь у нас хоть и скромно обставленная, но уютная четырёхкомнатная квартира. Родители живут в одной комнате, а мы с сестрой запросто можем потесниться. Лида планировала, что, пока Стаса не назначат в воинскую часть, они с ним какое-то время поживут в её комнате после свадьбы. А третья комната пока занята под мамину и нашу с сестрой мастерскую, а также – под склад Лидиногo интернет-магазина полимерной глины.

Лада растерянно взглянула на Марину, которая, очевидно, еле сдерживалась, чтобы в очередной раз не разреветься. Девушка злилась на себя – и какой чёрт дёрнул её за язык снова упомянуть о погибшем сыне Марины и связанных с ним надеждах и планах, которым уже не суждено сбыться?

– Ой, нет, Ладочка, спасибо, мы как-нибудь сами, – поспешила отказаться Марина. Она понимала, что девушка предлагает помощь искренне и бескорыстно, но уже в самом факте такого предложения было нечто для Марины противное и унижительное. К тому же Лада даже не подумала посоветоваться с родителями и с сестрой, прежде чем принять столь ответственное решение. А уж в их-то планы наверняка не входит размещение в своей квартире пусть и не совсем посторонних, но всё же явно лишних людей.

– Напрасно вы так говорите, тётъ Марин. – Лада посмотрела на свою спутницу очень серьёзно и внимательно, словно старалась проникнуть взглядом в её мысли. – Родители не будут против, я не сомневаюсь. Мама просто обожает вас, дядю Славу и Влада. К тому же они с отцом часто и подолгу живут на даче. Отец уже на пенсии, и у него теперь только иногда бывают частные пациенты. А маме лучше работается на природе, где пахнувший травами ветерок гуляет среди грядок и палисадников. Так что в вашем распоряжении будет практически вся квартира. Мы с Лидой чудесенько разместимся в одной комнате и по возможности перетащим туда часть нашей мастерской. Вы с дядей Славой спокойно можете занять другую комнату – выберете любую на ваш вкус. А отдельную комнату отведём для Влада. Ну же, тётъ Марин, соглашайтесь!

Эта девочка говорила так легко и убедительно, что первая волна сопротивления Марины отхлынула, обнажив мягкий, обволакивающий песок какого-то иного чувства – возможно, умиления, смешанного с невыразимой благодарностью к этой юной, возможно – слегка наивной, а возможно – бесконечно доброй, отзывчивой и совершенно бескорыстной девушке.

– Ну не знаю, – наконец произнесла Марина. – Тебе, конечно, огромное спасибо за твоё щедрое предложение и трогательную заботу о нас и Владе. Но ты же даже не спросила у родителей и сестры, что они могут сказать на эту тему. Я уверена, им не захочется, чтобы их что-либо стесняло.

– Я обязательно поговорю с ними, – пообещала Лада, воодушевившись тем, что Марина уже сопротивляется не столь отчаянно, как вначале. – Но и вы не спешите отказываться. Обещайте подумать.

– Что ж, хорошо, – сдалась Марина. – Я подумаю. Но окончательное решение приму только тогда, когда твои родные узнают о твоём намерении нам помочь. Кстати, хотела спросить, – она решила сменить неприятную тему. – Ты сказала, что у твоей сестры есть интернет-магазин полимерной глины. Это правда? Я ничего об этом не знала.

– Ну, магазин открылся только недавно, – Лада смущённо улыбнулась. – Буквально пару недель назад. У нас вся квартира загромождена Лидиными работами. Да и моими тоже. На первых порах мы продавали наши поделки и украшения из полимерной глины частным покупателям – естественно, чисто формально, за небольшие деньги. Но раз уж мы всё равно продолжаем лепить – помногу и взахлёб, – то и решили на этом подзаработать. Не пропадать же всему добру, которое у нас скопилось.

– Странно, – задумчиво произнесла Марина. – Вы же учитесь в мединституте. Собственный магазин – это большая ответственность. Отчёты, бухгалтерия, сборка и отправка заказов – ими ведь нужно серьёзно заниматься. И потом, это же ваш, пусть и небольшой, но всё-таки частный бизнес. Вы должны зарегистрироваться в налоговой инспекции, чтобы избежать серьёзных неприятностей в дальнейшем.

– Так мы и зарегистрировались, – пояснила Лада. – Говорю же, магазин официально открылся пару недель назад, когда была пройдена его регистрация и все другие подготовительные этапы. Просто мы пока решили не афишировать это начинание. Вдруг у нас ничего не получится? Хотели сначала посмотреть, как это будет, поднабраться опыта. А что касается мединститута – мы ведь с сестрой уже на последнем курсе, фактически остался только госэкзамен. Это ведь не так сложно. Ну и ординатура потом, конечно. Но пока мы не работаем, вполне можем попробовать совместить учёбу с нашим увлечением так, чтобы извлекать из этого какую-то прибыль.

– Ты рассуждаешь прагматично, но в то же время несколько наивно, – сказала Марина. – На деле ведь всё не так просто. Кто будет вести бухгалтерию, следить за отчётностью и так далее?

– Мы надеялись, что со всем этим справимся сами, – тихо произнесла Лада. – А если у нас не получится – что ж, тогда придётся закрыть магазин.

Она отвернулась и тяжело вздохнула. Марина невольно затронула болезненную тему. Интернет-магазин стал теперь для Лады источником основного беспокойства, если не считать её переживаний за Владислава. У девушки язык не повернулся признаться Марине, что идея создания интернет-магазина для их с Лидой поделок и украшений, равно как, собственно, и её реализация, целиком и полностью принадлежала Стасу.

Видя, как Лида и Лада кропотливо трудятся над своими поделками, Стас решил создать для них собственный магазин. Причём обустроить всё дело так, чтобы это был не просто магазин украшений, но и магазин материалов и фурнитуры, чтобы девушки могли покупать полимерную глину и другие необходимые для их творчества материалы по оптовой цене, а часть материалов продавать в интернет-магазине.

Идея вынашивалась не один год, прежде чем Стас решился-таки взяться за её воплощение. На последних курсах обучения в лётном училище он создал и полностью разработал сайт интернет-магазина, занимаясь этим на протяжении длительного времени в периоды каникулярных отпусков и редких увольнений. Когда сайт был полностью готов, Стас и Лида стали искать оптовых поставщиков. Деньги для предварительной небольшой закупки материалов частично взяли с продаж украшений и поделок Лиды и Лады частным покупателям, но основную сумму внёс Стас. Девушки не знали, откуда он взял такие деньги, но были искренне благодарны ему за бесценную помощь.

Наконец они дождались основного отпуска Стаса, предоставляемого военнослужащим в соответствии с «Положением о порядке прохождения военной службы» Законодательства Российской Федерации по окончании военно-учебного заведения, и прошли регистрацию в налоговой инспекции. Оформили частное предпринимательство на имя Лиды (поскольку Стас, согласно седьмому пункту десятой статьи Федерального закона «О статусе военнослужащих», не имел права заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы; кроме того, он хотел, чтобы это стало собственным делом Лиды, её безраздельной вотчиной), а все технические вопросы – бухгалтерию, отчёты, общение с поставщиками, сборку и отправку заказов, денежный оборот и прочие нюансы – взял на себя Стас. Несмотря на всю свою занятость по военной службе, он собирался каким-то образом выкраивать на это время и силы и помогать Лиде и Ладе неофициально, чтобы те смогли полностью, не отвлекаясь ни на какие посторонние вещи, погрузиться в любимое занятие.

Никогда в своей жизни Лада не забудет, каким непостижимым внутренним светом озарилось лицо Лиды, когда прибыла долгожданная первая оптовая поставка материалов для работ девушек и интернет-магазина. Если в этом мире существует подлинное, безмятежное счастье, то именно это состояние отразилось на лице Лиды в тот момент и не сходило с него всё то время, пока они с Ладой, уютившись на небольшой, но уютной кухне в их квартире, разбирали всё это богатство по коробочкам.

И как им быть теперь? Стаса больше нет, и девушкам предстояло выпутываться из всего этого самим. У Лады и Лиды не было никакого опыта в ведении частного бизнеса, впрочем, этого не было и у Стаса, зато у него были золотые руки и поистине незаменимые мозги. Теперь же сёстры остались в этом вопросе без основной помощи и опоры. Они должны были сами думать, как выплыть из той зыбучей финансовой трясины, в которой они, по воле рокового стечения обстоятельств, оказались.

Глава 16

– Можно? – Лада робко постучала в комнату сестры, держа в одной руке широкую керамическую кружку, над которой стояло облако ароматного пара.

Никто не отозвался. Лада тихонько толкнула дверь и проскользнула в комнату.

Лида сидела на полу, поджав под себя ноги. Перед ней стоял широкий табурет, по застеленной бумагой поверхности которого она методично раскатывала глину, покачиваясь в такт каждому своему движению, словно маятник. На полу возле Лидиных ног в несколько рядов громоздились коробки с разноцветными брикетами глины, инструментами и фурнитурой. Куски глины валялись повсюду: на паркете, окружая Лиду разноцветными флуоресцентными звёздами, лепестками, а то и просто чем-то бесформенным, на стуле и даже на её кровати.

Помимо этого буквально по всей комнате были разбросаны уже вылепленные изящные пушистые цветы и нежные бутоны. Они валялись везде: вокруг Лиды в хаотичном чередовании с кусками пластика, на кровати и под ней, выстраивались рядами на подоконнике между горшками с комнатными розами и на шкафу.

Для человека, обычно следящего за своей внешностью, одевавшегося скромно, но со вкусом и отличавшегося чуть ли не маниакальной аккуратностью во всех её проявлениях, Лада выглядела ужасно. Кожа на её лице побледнела, щёки покрылись нездоровыми пятнами, как будто она всё время плакала, глаза заплыли и покраснели. Длинные каштановые волосы, обычно заплетённые в тугую косу, свалились так, что на голове смело можно было устраивать воронье гнездо.

– С каких это пор ты спрашиваешь разрешения, а не врываешься в комнату свалившимся с неба метеоритом? – процедила Лада с какой-то совершенно не свойственной ей злостью.

– Прости, – Лада посмотрела на сестру с сочувствием. – Я подумала, может, ты спишь, и не хотела тебя... потревожить.

Под уставшими, с лопнувшими капиллярами глазами Лиды залегли тёмные тени, поэтому Лада, намеревавшаяся сказать «не хотела тебя разбудить», осеклась и выразилась иначе, усомнившись, что сестра за несколько дней прилегла хоть на минуту. Об этом красноречиво свидетельствовала Лидина кровать, сплошь заваленная вылепленными цветами и ошмётками полимерной глины. Впрочем, вполне вероятно, что Лада иногда «вырубалась» прямо здесь, за этим импровизированным столиком, потому что столько суток не спать просто невозможно. Но даже если она на какое-то время и «отключалась», то всё равно, как только продирала глаза, продолжала упрямо лепить из глины однообразные цветы и бутоны.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила Лада выцветшим, охрипшим и безмерно уставшим голосом.

Лада присела возле сестры, одной рукой обняла её за подрагивающие худенькие плечи, а другой протянула ей дымящуюся кружку:

– Вот возьми. – Голос Лады был тихим и серьёзным. – Это чай с ромашкой. Заварила специально для тебя.

Лада машинально приняла кружку из её рук и отпила солидный глоток. Лада не предупредила её, что вода только что вскипела, и теперь с ужасом ожидала, что сестра заорёт от боли и опрокинет весь кипяток на себя. Но та даже не поморщилась – просто небрежно поставила кружку на табуретку и устремила на Ладку остекленевший взгляд.

– Всё ещё лепишь свои пионы? – спросила Лада, с тревогой разглядывая горы громоздившихся повсюду глиняных цветов и бутонов.

– Конечно, – монотонно ответила Лада. – Я делаю их для Стаса. Для нашей с ним будущей свадьбы. Надеюсь, они ему понравятся.

Лада робко погладила сестру по спине. Она как никто другой чувствовала, что происходит с Лидой. Стаса похоронили пять дней назад. Увечья, полученные им в аварии, оказались настолько тяжёлыми, что хоронить его пришлось в закрытом гробу. Проститься с ним пришли многие его друзья и приятели по лётному училищу, а также представители командного состава, чтобы воздать погибшему боевому товарищу полагающиеся в подобных случаях почести, но лишь для нескольких самых родных и близких людей случившееся стало настоящей трагедией. Марина Сергеевна потеряла сознание как раз в тот момент, когда гроб с телом её сына опускали в могилу. А Лида в страшном истерическом припадке прыгнула прямо в разверстую яму и орала до хрипоты, прося зарыть её вместе со Стасом. Валерий, Вячеслав, Людмила и Лада крепко держались, – лишь для того, чтобы было кому поддержать двух безутешных женщин, одна из которых потеряла сына, другая – любимого человека.

И теперь сестра, очевидно, переживала первую из пяти стадий потери близкого человека – стадию шока и отрицания¹. Нельзя было сказать ей, что Стаса больше нет. Нельзя было даже намекнуть ей на это – Лида просто игнорировала такую информацию, она её не воспринимала.

Когда они с сестрой проходили эту тему в институте в разделе психологии личности, Лада на всю жизнь запомнила приведённый учителем страшный пример. Им рассказали о матери умершей при родах молодой женщины, чьего ребёнка также не удалось спасти. Лишившись и дочери, и внука, рождения которого она с нетерпением ждала, пожилая женщина стала гулять по улице с пустой коляской. Подумав, что она «сошла с ума», наблюдавшие за ней соседи подходили и просили показать ребёнка, но она не хотела показывать. Такое поведение преподаватель на лекции объяснял тем, что горящая мать и одновременно несостоявшаяся бабушка на первых порах, вероятно, была не в состоянии встретиться в полном объёме с реальностью, разрушившей все её надежды, и пыталась смягчить удар тем, что иллюзорно проживала желаемый, но несбывшийся вариант развития событий. По прошествии некоторого времени женщина перестала появляться на улице с коляской.

Теперь нечто подобное, очевидно, происходило и с Лидой. Она пока была просто не в состоянии принять смерть любимого человека и отпустить его.

Лада снова сочувственно посмотрела на сестру и тихо предложила:

– Давай поставим что-нибудь из Моцарта.

– Зачем? – Лида в упор поглядела на Ладу; взор её был по-прежнему остекленевшим и безразличным ко всему на свете, но в нём отразился намёк на удивление. – Ты же его на дух не переносишь.

– А вот и неправда! – отозвалась Лада. – Мне очень даже нравится его музыка. Просто я хотела позлить тебя, потому что ты уж слишком фанатично увлекаешься произведениями этого композитора, вот и говорила, что не люблю его. Но сегодня у меня как раз такое настроение, что я с удовольствием послушаю его музыку. Вместе с тобой, конечно, если ты не против.

Лида ничего не ответила, и Лада, посчитав это хорошим знаком, неторопливо поднялась, подошла к стоящему в специальном отсеке немецкого шкафа музыкальному центру и стала перебирать компакт-диски сестры. Наконец она выбрала один и с нарочитой торжественностью объявила:

– Вот. Вольфганг Амадей Моцарт. Ария Дон Жуана с шампанским из оперы *Don Giovanni*. Исполняет Георг Отс.

¹ В психологии различают пять стадий перенесения потери близкого человека или пять стадий принятия неизбежного (*five stages of destiny*) по психологической концепции Элизабет Кюблер-Росс (нем. Elisabeth Kübler-Ross, 1926–2004): стадия шока и отрицания; стадия гнева и обиды; стадия вины и навязчивостей; стадия страдания и депрессии; стадия принятия и реорганизации. Многие психологи изучали эту модель и пришли к выводу, что исследования носили скорее субъективный характер, не все проходят через каждую из пяти стадий, у некоторых может нарушиться порядок их следования или какие-то стадии отсутствуют вообще.

Лада неспроста сделала такой выбор: Георг Отс, в своё время сыгравший несравненного Мистера Икс в одноименной кинокартине Юзефа Хмельницкого, был второй слабостью Лиды после Моцарта или вернее – третьей, если считать, что первой и самой главной слабостью сестры навсегда останется Стас.

Бравурная музыка смело и радостно ворвалась в комнату, и бархатистый баритон исполнителя, уверенно сметая на своём пути все преграды, проникал прямо в сердца разомлевших девушек. Лицо Лиды, всё последнее время остававшееся суровым и безучастным ко всему на свете, впервые за эти пропитавшиеся невыносимой болью дни волшебнейшим образом преобразилось и озарилось непостижимым внутренним светом.

– Замечательная музыка, – тихо сказала она. – Стас тоже её любит. Она вдохновляет его... перед полётами.

Когда музыка стихла, Лада снова подошла к музыкальному центру, вытащила компакт-диск и убрала его на место. Кинув случайный взгляд на подоконник, она обнаружила, что две некогда роскошные комнатные розы, неизменные любимицы Лиды – алая и белая, – в иное время дававшие на каждом побеге по десятку бутонов и одновременно по три-четыре цветка на кусте, сейчас зачали и уныло опустили побуревшие листочки.

Лада молча направилась к подоконнику и взяла в руки большую пластиковую лейку, намереваясь поменять застоявшуюся воду и полить цветы.

Лида словно в тумане проследила взглядом за её действиями и тяжело встала. Её повело в сторону, но она сумела удержаться на ногах и, неуверенно ступая, направилась к сестре, перехватила лейку, недовольно буркнув:

– Дай сюда. Я сама их полью. Не инвалид.

С этими словами она, слегка покачиваясь, направилась на кухню заменить в лейке воду. Спустя какое-то время Лида вернулась и обнаружила, что Лада сидит на полу по-турецки и, открыв свою косметичку, красит тушью ресницы.

– Ты чего? – спросила Лида, мимоходом бросив на сестру и тут же отведя в сторону отрешённый взгляд. – На свидание собралась?

Лада отвела от глаза руку, держащую щётку с тушью, и повернулась к сестре:

– Лид, – тихо сказала она. – Владу сегодня снимут с глаз хирургические пластыри. Я собираюсь навестить его. Хочешь пойти со мной?

– Ты о чём? – Лида заморгала, непонимающе уставившись на неё. – Разумеется, я не пойду. Я его ненавижу! – Лида цедила слова сквозь зубы, непроизвольно сжав руки в кулаки.

– За что, интересно? – спросила Лада, вернувшись к наведению марафета.

– А то ты не понимаешь! – взъерилась Лида. – Это он виноват. Из-за него... погиб Стас.

Она осеклась. Было видно, каких невероятных усилий над собой ей стоило это выговорить.

– Это не так, – возразила Лада, придирчиво оглядев в зеркальце, вделанном с внутренней стороны косметички, результат своих трудов.

– Машина была с правосторонним управлением, – Лида будто бы отмеряла и безжалостно вдалбливала молотком каждое слово. – Фура ехала по встречной полосе. Стас сидел с другой стороны. Этого мало?

Лада как будто не слушала сестру – она как ни в чём не бывало перевела щётку к другому глазу и стала основательно водить ею по ресницам. Снова посмотревшись в зеркальце и, очевидно, удовлетворившись результатом, она закрыла тушь, кинула её в косметичку и вновь взглянула на Лиду.

– Ты неправа, – сказала она совершенно спокойным голосом. – И ты это знаешь.

– В чём, интересно, я неправа? – Лида не унималась. – В том, что Стас отдал свою жизнь для того, чтобы защитить своего драгоценного брата?

– Нет, – терпеливо, словно малолетнему ребёнку, объясняла Лада. – В том, что Влад виноват. Он этого не хотел.

Она встала, перехватила лейку у оторопевшей сестры и сама полила цветы.

– Аллу и Беллу поливаю и подкармливаю только я, – машинально проговорила Лида.

– Алла и Белла устали ждать, когда ты обратишь на них внимание, – парировала Лада.

Закончив поливать цветы, Лада поставила лейку на прежнее место и повернулась к сестре:

– Владу сейчас очень плохо, – сказала она. – Во много раз хуже, чем нам с тобой.

– Говори за себя, – процедила Лида. – Ты понятия не имеешь о том, что чувствую я.

– Ошибаешься, – ответила Лада. – Я вполне способна это понять.

– Тогда почему ты так его защищаешь?

– Потому, что его вины в этом нет. Он виноват не больше, чем мы с тобой.

– То есть? – Лида смотрела на Ладу с открытой враждой – почти с ненавистью.

– Это был не его выбор. Стас сам так решил. Не сомневаюсь, что он поступил бы так же, если бы на месте Влада сидела ты.

– Но там сидел именно он. Бесценный братик Стаса.

– Не язви. Это всего лишь случай. Стас точно так же мог погибнуть и при любых других обстоятельствах. У него было опасное для жизни занятие, сопряжённое со всякого рода рисками. И потом ответ: тебе было бы легче, если бы на месте Влада оказалась ты либо я, либо кто-то другой?

Лида молчала, потупив взор.

– Так ты пойдёшь со мной? – Лада смотрела на сестру каким-то особым взглядом. Это был не просто вопрос или просьба – глаза Лады умоляли Лиду согласиться.

– Я же сказала, что нет! – Лида была крайне раздражена. – Пусть ты и не считаешь его виноватым, я думаю иначе. И ничто меня в этом не переубедит.

– Жаль, – тихо ответила Лада. – Ты даже представить себе не можешь, что происходит сейчас с Владом. Если кто и способен совершить чудо и вытащить его из этого по-настоящему страшного состояния, то только ты.

Она снова умоляюще взглянула на сестру, но та была непреклонна.

– Хотя... погоди-ка, – Лада направилась к рабочему столу, взяла коричневый фломастер, снова открыла косметичку и достала оттуда маскирующий карандаш и пудреницу. Она села за стол, установила косметичку так, чтобы было удобно смотреться в зеркальце, взяла в руку фломастер и стала сосредоточенно рисовать что-то на левой щеке.

– Что это ты делаешь? – спросила Лида.

– А ты не видишь? Пытаюсь нарисовать родинку. Как у тебя.

– Ты что... Собираешься выдать себя за меня? – ошеломлённо спросила Лида.

– А что мне ещё остаётся, раз ты не хочешь к нему идти?

– И поэтому ты решила действовать обманом, – заключила Лида. – А ты не думаешь, что он всё поймёт? Он, кажется, парень неглупый. Вполне может тебя раскусить.

Лада закончила рисовать родинку, взяла со стола приготовленный заранее маскирующий карандаш и стала закрашивать свою собственную родинку на правой щеке. Затем слегка запудрила место, где работал маскирующий карандаш, и снова придирчиво посмотрела в зеркальце:

– Ну вот. Теперь уже на что-то похоже. Надеюсь, Влад ничего не заметит. Впрочем, – произнесла она с печальным вздохом, – не факт, что он вообще меня увидит. Не говоря уже о том, чтобы разглядеть детали моего лица.

Лада на всякий случай очертила чёрным грифелем края верхнего и нижнего века, нарисовала во внешних уголках между ними «стрелки», щедро нанесла на веки зелёные тени под цвет своих глаз, покрасила губы яркой рубиновой помадой с перламутровым блеском, тщательно обвела их контурным карандашом и посмотрела на Лиду пристально и серьёзно:

– Ты ведь меня не выдашь, сестрёнка? Очень тебя прошу!

– Да ладно уж, – наблюдая за стараниями сестры, Лида смягчилась. – Когда это я была предательницей?

– Спасибо, – искренне поблагодарила Лада, подошла к сестре и чмокнула её в щёку. Затем опустилась подле неё на пол, сложила ноги по-турецки и, несколько поколебавшись, тихо произнесла:

– Лид?

– У, – безучастно промычала та.

– Давно хочу тебя спросить. Ты извини, – поспешила добавить Лада, и её щёки зарделись от смущения. – Если мой вопрос покажется тебе некорректным, можешь не отвечать.

– Не юли, – Лида начинала терять терпение, – спрашивай уже.

– У тебя что-нибудь было... со Стасом?

Румянец на щеках Лады стал ещё заметнее, и она поспешила отвернуться, чтобы скрыть смущение.

Лида быстро передвинулась со своего места и в упор взглянула на сестру, продолжая таким образом смотреть на неё до тех пор, пока та не осмелилась поднять на неё взгляд.

– Зачем тебе это? – коротко спросила Лида.

– Ну, просто, – замялась Лада, – мне интересно, вот и всё. Ты же знаешь, что у меня никогда ни с кем ничего не было. И у меня нет от тебя секретов. Если бы это произошло со мной, я бы с тобой поделилась.

– Ясно. Но пойми: я не хочу говорить об этом. Не сейчас, по крайней мере.

– Ну хорошо. Прости. – Лада разочарованно вздохнула, поняв, что даже если сестра что-то скрывает, этой тайны из неё не вытащишь никакими клещами. – Просто мне очень хотелось бы узнать, как это может быть... с Владом.

Лида от неожиданности всплеснула руками:

– Что? Ты вообще о чём? – она растерянно заморгала.

– Лид. – Лада мечтательно подняла голову и устремила взгляд к потолку. Пушистые накрашенные ресницы распахнулись и застыли; зелёные миндалевидные глаза светились в их мягком обрамлении, словно две яркие флуоресцентные звезды. – Мне нравится Влад. Очень нравится.

– С ума сошла! – поражённо выдохнула Лида. – Надеюсь, ты шутишь.

– Понимай как хочешь. – Лада опустила голову. В том состоянии, в каком она находилась минуту назад, она казалась слишком прекрасной, но основная прелесть этого состояния была как раз в том, что удержать его надолго было невозможно.

– Но он же совсем ещё мальчик! – не удержалась Лида. – Ему нет и восемнадцати!

– Да, я и забыла, что я для него старуха, – огрызнулась Лада. – Спасибо, что напомнила.

– Прости, – Лида робко положила руку на хрупкое, выглядывавшее из-под узкой бретельки чёрного сарафана плечо сестры. – Я не хотела тебя задеть.

– Три с половиной года – не такая уж большая разница, – сказала Лада, словно убеждая саму себя. – Если людям хорошо и комфортно друг с другом.

– Да это вообще не разница. При условии, правда, что старшим является парень. – Лида растерялась. Такого признания сестры она явно не ожидала.

– Ну, если уж на то пошло, Стас тоже был моложе тебя, – Лада примирительно поглядела на сестру. – На целых четыре часа.

– Да. – Лицо Лиды стремительно помрачнело. – Раньше я любила наш общий день рождения. Теперь, наверное, буду его ненавидеть.

– В этот день родилась ещё и я, – напомнила Лада. – И я тебе запрещаю ненавидеть *мой* день рождения. Это понятно?

Она говорила серьёзным тоном, но уголки губ предательски загибались кверху, норовя расплыться в очаровательнейшей улыбке.

– Выходит, что мы с тобой обе немножечко старше наших мальчишек. – Лида обеими руками легонько обхватила голову младшей сестрёнки и бережно прижала её к груди. – Так, – сказала она назидательным тоном, взглянув на старательно накрашенное лицо Лады. – Стирай-ка ты всю эту красоту!

– Что? – не поняла Лада.

– Тебе действительно нравится Влад? – задала встречный вопрос Лида.

– Лид, – взгляд Лады сделался необыкновенно серьёзным и осмысленным, – я собираюсь менять выбранную нами специальность. Хочу учиться на офтальмолога.

Услышав это, Лида даже присвистнула:

– И как, интересно, ты себе это представляешь?

По окончании девяти классов Лида и Лада пошли в школу-экстернат, где в течение трёх месяцев сдали выпускные экзамены за два года вперёд и получили аттестат о среднем общем образовании (это были годы, когда система ЕГЭ ещё только начинала вводиться в некоторых регионах и не являлась единственной формой выпускных экзаменов в школе и основной формой вступительных экзаменов в высшие учебные заведения). Теперь сёстры последний год доучивались в мединституте по госстандарту в рамках специальности «Лечебное дело» и усердно готовились к продолжению обучения в ординатуре на кафедре клинической иммунологии и аллергологии. Так решил их отец, который, будучи известным врачом-ревматологом, часто сталкивался с иммунологическими проблемами у своих пациентов и надеялся, что дочери, освоив эту специфическую область медицины, со временем станут его незаменимыми помощницами.

– У Влада серьёзные проблемы со зрением, – ответила Лада. – Он фактически потерял всё, что было ему дорого. Стас был для него не просто братом – он был его лучшим другом, советчиком, во многих вопросах чуть ли не заменял ему отца. Для Влада эта потеря невосполнима. Не уверена, что он вообще сумеет её пережить. А теперь он может лишиться ещё и своей профессии, а также своей главной мечты – стать пилотом. Я очень хочу помочь ему, понимаешь? – Она смотрела на сестру с каким-то несвойственным ей упорством, граничащим с безумием. – Хочу сделать так, чтобы он не потерял своей основной опоры – веры в себя. Чтобы смог продолжать вести тот образ жизни, к которому он привык, и имел реальный шанс осуществить свою мечту. Самое большое моё желание заключено в том, чтобы когда-нибудь увидеть его за штурвалом самолёта, полным сил и надежд. А для этого необходимо сделать всё возможное и невозможное, чтобы сохранить ему зрение. Хотя бы в той мере, в какой это достижимо. И если я продолжу обучение на кафедре офтальмологии, то смогу реально ему в этом помочь. Понимаешь?

Лида кивнула, в её до того безучастных ко всему глазам засветилось нескрываемое уважение и сестринская гордость.

– Я тебя поняла, – тихо ответила она. – Не буду спрашивать, как ты всего этого добьёшься, но знай: я на твоей стороне. Чёрт! Как бы я хотела иметь хотя бы призрачную надежду сделать нечто похожее... для Стаса!

– Если ты вместе со мной каким-то образом поможешь Владу – считай, что ты сделала Стасу самый большой подарок. Ведь для него здоровье и благополучие младшего братишки было превыше всего на свете.

– Что ж, тогда первым моим советом тебе будет то, о чём я уже говорила, – Лида тихо вздохнула. – Марш в ванную смывать свою ужасную «боевую раскраску»!

Лада посмотрела на неё с недоумением, и Лида пояснила:

– У тебя серьёзное и глубокое чувство к Владу, верно? А раз так, нельзя начинать с обмана. Смой всё это безобразие и прежде всего – сотри фальшивую родинку. Если ты покажешься ему на глаза в таком виде, я перестану с тобой разговаривать.

– Жаль, – произнесла Лада огорчённо. – Влад так хочет видеть *тебя*... Именно *тебя*, а не *меня*, понимаешь? Уверена: это для него было бы лучшим лекарством.

– А ты добейся того, чтобы он хотел видеть не меня, а *тебя* и только тебя, – отозвалась Лида.

– К сожалению, пока это невозможно. – Лада обречённо вздохнула, но тут она поняла, что сестра смягчилась настолько, что уже не держит на Влада обиды (ну или почти не держит), и её лицо просияло: – Лид, а может, ты всё-таки зайдёшь к нему?

Она устремила на сестру робкий взор, в котором светилась немая мольба.

– Ну хорошо, – наконец сдалась Лида. – Но только не сейчас. Как-нибудь в другой раз. Когда... буду к этому готова... Ладно, беги умыться. Я подожду тебя здесь, и, если захочешь, помогу тебе заново сделать макияж, чтобы он был лёгким и культурным, а не смотрелся крикливым убожеством. Запомни: если ты хочешь завоевать расположение парня, если хочешь понравиться ему по-настоящему, без дураков, то даже не думай выдавать себя за другую. Но раз уж ты намеревалась это сделать, то знай, что я бы ни в жизнь так не накрашилась. Так что давай-ка ты не будешь меня позорить – никогда и ни перед кем. Договорились?

– Ага, я сейчас! – быстро проговорила Лада, очевидно, пропустив мимо ушей последние наизидания сестры. На её лице появилась милая, застенчивая улыбка, природное очарование которой на данный момент безжалостно перечёркивал вычурный макияж.

– Маленькая ты у меня ещё, – вздохнула Лида, глядя, как босые пятки сестры засверкали по полу по направлению к двери. – И как, интересно, ты намерена осуществить свою по-настоящему взрослую и поистине грандиозную задумку?

Она перевела взгляд на свою новую двуспальную кровать, купленную специально ко дню свадьбы, по пушистому покрывалу которой были рассыпаны бесчисленные глиняные пионы, и тихо, но твёрдо добавила:

– Ну ничего. Я тебе помогу. Хотя бы ради светлой памяти Стаса. Не сомневаюсь: он бы нас с тобой одобрил и безоговорочно поддержал. В конце концов, ведь речь идёт о его братишке, а для Стаса всё, что касается Влада, – это святое.

Она снова тяжело вздохнула и мысленно заключила:

«Эх, и везёт же тебе, сестрёнка! У тебя всё только начинается. Какое же это замечательное время, когда можно биться за своё счастье, вгрызаться в него всеми зубами, впиваться всеми ногтями и вытаскивать у судьбы. А вот к *моему* счастью обратной дороги уже не будет».

Лида села на пол и, пока Лада не вернулась из ванной, воспользовалась этой благодатной передышкой, чтобы беззвучно, но от души поплакать.

Глава 17

После того как сёстры закончили с Ладиным макияжем, Лида, сославшись на усталость и недомогание, осталась в комнате, а Лада убежала на кухню. Она надела фартук, повязала на голову косынку и, напевая себе под нос фрагменты недавно прослушанной в комнате Лиды арии Дон Жуана, достала из морозилки курицу для бульона и принялась её чистить.

Она была безмерно благодарна сестре за то, что та, несмотря на своё по-настоящему страшное горе, проявила исключительное понимание и тактичность в отношении Ладиной сердечной склонности. Впрочем, в этом была вся Лида – как бы больно ни было ей самой и как бы это ни отражалось на её отношении к другим людям (вот и Влада Лида обвиняла в случившемся, причём действительно имела для этого веские основания), она всегда умела справиться со своими эмоциями и не дать им взять верх над подлинными человеческими ценностями и тем, что по-настоящему справедливо.

Кроме того, Лада отчётливо понимала, что только Лиде могла доверить свой секрет без всякой боязни, что её наградят сочувственным взглядом, а то и выскажут открыто демонстрирующее полное моральное невежество и недалёкость своего изъяснителя умозаключение, что, мол, негоже «молодой и здоровой девушке» связывать свою судьбу с «инвалидом». Лада почему-то не сомневалась, что любой другой недочеловек непременно брякнул бы ей подобную гадость. Даже мать Влада сначала недвусмысленно намекнула на это – правда, лишь потому, что хотела уберечь сына от жестокого разочарования и неизбежно связанной с ним душевной травмы. Однако же не факт, что у всякого, кто, не задумываясь, объявил бы Влада «калекой», могли бы быть к этому столь же искренние побуждения таким образом его защитить. Лиде же, несмотря на всю её вполне объяснимую неприязнь к Владу, достало деликатности вообще не затронуть этот щекотливый вопрос: сестра ограничилась лишь указанием на разницу в возрасте между Ладой и её избранником, ни единым словом не выдав унижительной для Лады и Влады жалости и сочувствия. Лада знала, что так и будет, поэтому без опаски могла доверить сестре свою сердечную тайну.

Продолжая увлечённо напевать понравившуюся арию, девушка как следует промыла очищенную курицу, положила её в большую эмалированную кастрюлю, залила водой и поставила варить.

Покончив с предварительными приготовлениями, Лада уселась за стол в ожидании, когда вода в бульоне забулькает и можно будет снимать первую пену, и, устало облокотившись на спинку стула, задумалась. Лечащий врач Влада ещё в первое её посещение, когда она спрашивалась о его здоровье, была не на шутку встревожена его психологическим состоянием. Она сказала, что пациент упорно отказывается принимать пищу, и, если так пойдёт дальше, процесс его выздоровления существенно затянется. Врач намекнула, что организм Влада может перестроиться до такой степени, что начнётся процесс отторжения любой пищи, и тогда придётся перейти на искусственное питание парентеральным способом. Всё это в конечном счёте грозит осложнить восстановление пострадавшего в результате травм организма настолько, что Влад, окончательно ослабнув, не сможет вставать с постели, что неизбежно приведёт к атрофии мышц и, как следствие, начнут появляться пролежни. Не говоря уже о необратимых изменениях в центральной и периферической нервной системе, что может закончиться полной потерей трудоспособности и в итоге инвалидностью.

Услышав всё это, Лада встревожилась не на шутку, но всё же не решилась сказать об этом матери Влада, чтобы раньше времени не причинять и без того убитой горем женщине лишних беспокойств, которые, как искренне верила девушка, вполне могли оказаться беспочвенными.

Как медик, Лада знала, что лучшим средством для наиболее быстрого и верного восстановления сил является свежесваренный куриный бульон с кусочками белого мяса. И теперь

она как раз и занималась тем, чтобы обеспечить для Влада такое питание. Она понимала, что Влад, скорее всего, откажется от её скромного, но в данных обстоятельствах исключительно полезного приношения, и придумала на этот случай одну маленькую хитрость, которая, как она надеялась, должна была непременно убедить Влада попробовать сваренное специально для него лакомство.

Когда бульон подоспел, Лада сняла в последний раз накипь, вынула курицу с заранее счищенной кожей и аккуратно порезала белое волокнистое мясо грудки на мелкие кубики. Затем достала подготовленную заранее литровую стеклянную банку, скинула в неё ножом с разделочной доски нарезанное куриное мясо и налила до самого горлышка прозрачной посуды янтарного бульона.

Старательно навинтив крышку, девушка бережно завернула банку с бесценным содержимым в два скрещённых между собой бумажных листа, которые тут же немного пропитались куриным жиром, убрала всё это добро в целлофановый пакет, завернула, завязав сверху узел, и уложила в хозяйственную сумку.

Покончив с этим, Лада быстро помыла руки, скинула фартук и косынку, заново причесалась, накинула поверх сарафана строгую тёмно-синюю блузку, надела туфли, снова расчесала и уложила волосы, в последний раз придиричиво посмотрелась в зеркало и направилась в больницу.

Дверь в палату Влада была приоткрыта. Девушка осторожно распахнула её чуть пошире, с какой-то безотчётной тревогой пригляделась и прислушалась.

Влад, по-прежнему весь в бинтах и с приподнятой на вытяжке ногой, лежал на спине, безучастно устремив взгляд к потолку. Его глаза уже не были скрыты за внушавшими некий трепетный ужас хирургическими пластырями, но состояние Лады, мысленно приготовившейся увидеть на месте больших и лучистых серых глаз Влада всё что угодно, легче от этого не стало. Она тихонько приподнялась на цыпочки и постаралась сфокусировать взгляд на этих бесконечно милых и обаятельных, но беспощадно истерзанных глазах.

Склеры были все красные и заплывшие. Несмотря на то что Лада была готова к такому зрелищу, кровоподтёки на белках и, судя по всему, внутренние кровоизлияния в радужных оболочках обоих глаз её ужаснули. Но девушка постаралась взять себя в руки, подавить рвавшийся наружу крик отчаяния и сконцентрировать внимание на том, как отражается в покалеченных глазах паренька дневной свет, чтобы иметь возможность оценить, может ли он хоть что-то видеть.

Так ничего и не поняв, Лада обречённо вздохнула и, тихонько постучавшись, робко вошла в палату, держа в правой руке довольно тяжёлую хозяйственную сумку.

– Здорово, дружок, – сказала она нарочито бодрым тоном и приветливо улыбнулась.

Влад не пошевелился – он продолжал всё так же отрешённо глядеть в потолок.

Лада осмотрелась вокруг и невольно удивилась сама на себя. Она до такой степени была поглощена этим бедным парнишкой, настолько беспокоилась о его состоянии, что только сейчас заметила его мать, примостившуюся на краешке низенького стула и склонившуюся к сыну.

– Ой, тётъ Марин, здрасьте, – Лада растерянно заморгала. – Извините, я вас не заметила. Ну, как у вас дела?

– Да так. Потихонечку, – ответила Марина, взглянув на Влада с нежностью и одновременно – с плохо скрываемым беспокойством. – Слава недавно приходил – ушёл минут пятнадцать назад. И Стас обещал зайти сегодня. Ждём с минуты на минуту.

Лада от неожиданности вздрогнула. Растерянно открыла рот. Потом закрыла и изумлённо уставилась на Марину. Та ответила ей предостерегающим взглядом.

– А-а, – протянула Лада. – Ну да. Конечно.

Девушка подошла к столу с почерневшей и потёртой в нескольких местах полировкой, постелила на него бумажные салфетки и вытащила из сумки свой бесценный свёрток. Лада

ловко развязала узелок, достала из пакета приятно согревающее пальцы содержимое, торопливо развернула бумагу и отвинтила крышку банки.

По палате мгновенно поплыл изумительный запах свежесваренной курятины.

– Вот, – сказала она, снова устремив встревоженный взгляд на Влада и стараясь разглядеть его глаза. – Тебе подарок. От Лиды. Самый вкусный на свете куриный бульон. Она сама его приготовила. Специально и исключительно для тебя.

Услышав имя Лиды, Влад чуть подался вперёд, но тут же занял прежнее положение и закрыл глаза.

– Вот что, – сказала Лада, аккуратно поправляя под головой Влада подушку и одновременно стараясь как-то усадить его на кушетке. – Давай-ка мы с тобой пообедаем.

Девушка зачерпнула заранее приготовленной ложкой немного наваристого янтарного бульона и небольшой кусочек мяса и поднесла ложку ко рту Влада.

Но тот, к несказанному огорчению Лады и неотрывно наблюдавшей за её бессмысленными манипуляциями Марины, даже не шелохнулся, не открыл глаз и не разомкнул губ. Влад просто повис на руках у оторопевшей Лады, словно безвольная тряпичная кукла.

Лада повернулись к Марине, и их взгляды встретились. Девушка и женщина смотрели друг на друга с нескрываемым ужасом и отчаянием.

– Сынок... – произнесла Марина, её голос заметно дрожал. – Ты лежи пока. Мы выйдем... ненадолго. Не скучай, мы скоро вернёмся.

Она неуверенно направилась к двери и взглядом поманила за собой Ладу. Та вернула Влада в прежнее положение, снова поправила ему подушку и, тихо вздохнув, последовала за ней.

– Тётъ Марин, – тихо произнесла Лада, когда они оказались за дверью палаты. – Я, конечно, всё понимаю, но зачем вы солгали ему... Про Стаса?

– Ой, Ладусь, я в полном отчаянии! – Марина горько вздохнула. – Сегодня его лечащий врач мне сообщила, что Влад с самого первого дня своего пребывания здесь и до сих пор отказывается от еды. Если так пойдёт дальше, мы можем... потерять его. А я этого не переживу. Я уже лишилась одного сына и могу с уверенностью сказать – этой боли мне хватит на всю мою жизнь. А что касается Влада... Да ты и сама всё видишь.

– Да, – устало призналась Лада. – Я знала, что Влад ничего не ест. Мне сказала об этом его лечащий врач... несколько дней назад.

Она немного помолчала и тихо добавила извиняющимся тоном:

– Я видела, в каком вы находились состоянии, и решила вас не огорчать... раньше времени. Надеюсь, что всё образуется.

Они прошли по коридору и присели на чёрный, обтянутый потрескавшейся кожей диван. Марина серьёзно и внимательно поглядела на Ладу и негромко спросила:

– Ты поэтому принесла ему куриный бульон, да? – женщина продолжала изучать взглядом миловидное лицо своей юной собеседницы с неброским макияжем. – Небось сама приготовила, а сказала на сестру.

Лада снова кивнула и пояснила:

– Это была моя небольшая уловка. Я надеюсь, что так он хоть что-то поест.

– Вот видишь, ты тоже его обманула, – вздохнула Марина. – И, так же как и я, сделала это из лучших побуждений.

– Да, но сказать ему про Стаса... Что он сейчас придёт... Мне кажется, это уже слишком. И потом, вы же мне говорили, что Влад всё понял. Что сам сказал вам о том, что брата больше нет. Или я что-то не так поняла?

– Да нет, ты всё поняла верно, – печально отозвалась Марина. – Но мне почему-то на данный момент захотелось, чтобы он поверил в то, что это не так. Чтобы хоть как-то вернуть его к жизни... Пробудить желание что-то поесть. Ну, не знаю, как тебе объяснить.

– Я понимаю, – отозвалась Лада. – Но, честно говоря, мне думается, что это не лучшая идея. Нельзя же постоянно поддерживать в нём ложную надежду. Вы убеждаете Влада, что Стас придёт, а его всё нет и нет. Вы не подумали, насколько жестоко Влад может разочароваться? И тогда он до такой степени замкнётся в себе, что уже ничего нельзя будет с этим сделать.

– Да, – согласилась Марина. – Наверное, ты права. Такого больше не повторится. Обещаю.

– Но Влад *уже* всё поймёт, – резонно возразила Лада. – Поймёт, что брат не пришёл, и просто перестанет вам доверять.

– Так же, как и тебе, – отозвалась Марина. – Ты ведь тоже солгала ему. Про куриный бульон.

– Да, но моя ложь не так жестока. – Лада устало вздохнула и добавила: – Впрочем, вы правы. Я больше никогда ему не солгу.

Она немного помолчала, а потом устремила на Марину взгляд, исполненной потаённой надежды, смешанной с невыразимым беспокойством, и спросила:

– Как вы думаете, он что-нибудь видит?

– Я так этого и не поняла, к сожалению. Надо будет сегодня же переговорить с офтальмологом.

– Я пойду с вами. Тёть Марин, обязательно попросите отдать вам выписку с результатами осмотра и рекомендациями. А я постараюсь забрать себе дубликат и буду подробно его изучать. Да, и помните, офтальмолог просил вас принести результаты предыдущего обследования Влада? Вы принесли?

Марина кивнула.

– Отлично. Нужно будет снять с этих бланков ксерокопии. Я также возьму их домой и сравню с сегодняшними результатами. Врач обещал нам объяснить всё подробно, рассказать, какие изменения произошли с глазами Влада с тех пор. Но мне бы хотелось самой всё посмотреть. Хорошо?

Марина пожала плечами:

– Конечно. Если ты так хочешь.

– Эх, если бы Влад хотя бы малейшим намёком дал понять, что он что-то видит! – с жаром произнесла Лада.

– Да где уж там! – огорчённо отозвалась Марина. – Он так тоскует по брату, что это его состояние заглушило в нём даже насущные потребности. Впрочем, я его понимаю. Понимаю как никто другой. Не знаю, сумею ли я сама когда-нибудь оправиться от этого горя. Чего уж говорить о Владе? Они с братом жили душа в душу.

– Мне кажется, дело не только в этом, – сказала Лада, немного подумав. – По-моему, его изрядно накачивают транквилизаторами... Если не чем-то похуже. Вот что, – её глаза решительно сверкнули, – если моя догадка верна, то так больше продолжаться не может. Я сейчас же пойду к его лечащему врачу и всё выясню. И если это то, о чём я думаю, нужно будет настоятельно потребовать отменить эти назначения. Немедленно.

Лада встала, намереваясь пойти к лечащему врачу Влада, но Марина поймала её за руку и слегка притянула к себе:

– Подожди. Ты прямо вот так и собираешься уйти? Даже не попрощавшись с Владом?

– Конечно же нет! – Лада смутилась. – Просто я непременно должна выяснить, чем они его пичкают, и положить этому конец. А потом я обязательно зайду к Владу и посижу с ним хоть целый день, – её губы тронула мягкая улыбка, – я сегодня никуда не тороплюсь.

– К лечащему врачу я пойду с тобой, – сказала Марина тоном, не допускающим возражений. – Если ты считаешь, что они дают ему какой-то недопустимый препарат... или даже несколько препаратов, мне тоже необходимо выяснить, что происходит. Но это можно сделать и позже. При нас же они всё равно ничего ему не дадут и не вколют. Влад знает, что мы здесь, и он нас ждёт. Нельзя его подводить.

– Да. Вы правы, – отозвалась Лада. Она подошла к стоящему в коридоре кулеру для воды, вытащила из стопки прикрепленных к аппарату пластиковых стаканов один, налила в него чуть тёплой прозрачной жидкости и протянула Марине. – Вот возьмите, попейте.

Марина приняла у Лады стакан и искренне поблагодарила.

– Не за что, – отмахнулась Лада, взяла другой стакан и налила ещё порцию. – Я, пожалуй, тоже попью. Что-то во рту пересохло. – Она пригубила немного воды и сказала: – А ещё стакана четыре мы нальём для Влада. Пусть они стоят у него в палате на случай, если ему захочется попить.

– Я принесла полуторалитровый термос, – сообщила Марина. – Но ты права. Там горячая вода, а Владу наверняка захочется попить воды комнатной температуры. К тому же в его состоянии он просто не сможет налить воду из термоса. Так что ты предложила более удачное решение. Спасибо тебе.

Лада кивнула, допила воду, выбросила свой стакан в стоявшее рядом ведро и стала наполнять водой новые стаканы для Влада. Они с Мариной взяли по два стакана и поспешно вернулись в палату.

Когда они вошли, Влад продолжал всё так же неподвижно лежать на кушетке. Его покалеченные, в сплошных кровоподтёках глаза снова были открыты и неотрывно смотрели в потолок. И только по изредка вздымавшейся и опускавшейся грудной клетке можно было понять, что он ещё дышит.

– Сыночек, милый, хочешь попить водички? – ласково обратилась к нему Марина. – Мы с Ладочкой принесли целых четыре стакана и, если нужно, возьмём ещё – столько, сколько ты захочешь.

Ответом ей было раздирающее душу звенящее молчание.

Лада придвинула ещё один находившийся в палате ободранный стул, поставила его рядом со стулом Марины, присела, слегка облокотившись на спинку, и внимательно оглядела хрупкую фигурку Влада, прикрытую больничным одеялом. И тут её взгляд случайно упал на покоившуюся поверх одеяла правую руку, сжимавшую включённый, судя по всему, мобильный телефон.

– Тётъ Марин, смотрите! – воскликнула Лада. – Что это у него?

Она перехватила взгляд Марины и кивнула в сторону лежавшего в руке Влада устройства. Затем осторожно наклонилась, протянула руку и мягко дотронулась до запястья Влада. Оно было ледяным, но девушка всё равно почувствовала, что, как только она к нему прикоснулась, всё её тело словно бы мгновенно пронзило мощнейшим разрядом электричества.

Лада невольно подивилась сама на себя. Вот чёрт! Нет, с этим надо срочно что-то делать – иначе у неё реально снесёт крышу! Неужели этот неподвижно лежащий в бинтах паренёк с покалеченными глазами и изувеченной жизнью настолько глубоко волнует её сердце и мысли, что её вот так пробирает от одного прикосновения? Она очень бережно разогнула пальцы Влада, вытащила мобильный телефон и поднесла его на уровень глаз.

На подсвеченном зеленоватым светом дисплея отражался текст открытого SMS-сообщения. Лада пробежала его глазами. Её тонкие пальцы нервно сжали корпус телефона и легонько задрожали.

– Что там? – взволнованно спросила Марина, заглядывая через плечо девушки. Она сама несколько дней назад принесла сыну его телефон и положила на прикроватную тумбочку. Лада

молча передала ей трубку, и Марина увидела высветившиеся на зелёном фоне тёмно-коричневые буквы:

«Прости. Прощай.

Светлана».

Вот так. Просто и лаконично. Всего три слова. Но Лада вдруг ощутила такую жгучую боль за Влада, что чуть было не расплакалась прямо в палате.

– Вот же выдра болотная! – воскликнула она и с досады стукнула миниатюрным кулачком с безупречным перламутровым маникюром на маленьких ноготках по своей острой коленке. Марина взглянула на Ладу, и этот взгляд был проникнут подлинным материнским теплом. Впервые в жизни оно было обращено не к её сыновьям.

Лада улыбнулась. Она уже выявила для себя одну весьма любопытную, бесконечно приятную и обнадеживающую деталь, на которую Марина пока ещё не обратила внимания.

– Мне интересно другое, – задумчиво произнесла Марина. – Как эта девица узнала номер его телефона? Влад как-то обмолвился, что никогда ей его не давал.

Лада безразлично пожала плечами и предположила:

– Возможно, Влад когда-то позвонил ей с него по рассеянности, номер отобразился в памяти её мобильного, и она его сохранила и обозначила в своей телефонной книжке. Но разве это важно? Важно другое!

Лицо девушки озарилось безмятежнейшим счастьем, и она пояснила:

– Если Влад смог открыть и прочесть это сообщение – значит он видит! Понимаете, тётё Марин? Влад видит! И не просто различает свет, а может читать!

– А ведь и правда! – Марина счастливо улыбнулась. – Сыночек, миленький, ты же видишь, да? Ну хоть чуть-чуть?

Голова Влада продолжала неподвижно лежать на подушке. И вдруг увлечённые своим потрясающим открытием девушка и женщина услышали очень тихий, но глубокий голос – слегка хриловатый, красивого тембра:

– Прошу вас, заберите отсюда этот аппарат. Он мне больше не нужен. Я держал его только ради звонков и весточек Стаса. А он уже не позвонит... И никогда ничего не напишет и не пришлёт.

В палате мгновенно воцарилась оглушительная пустота, в которой можно было задохнуться... Сгореть... Разбиться в кровавую лепёшку... И эта пустота стремительно и неотвратимо перекрывала собою робкие побеги тех светлых надежд, что ещё несколько мгновений назад поселились в чутких сердцах Марины и Лады.

Глава 18

– Ну что сказать? – Врач-офтальмолог погрузился в изучение лежащих перед ним бумаг. – Диагностика по-прежнему затруднена. Отчасти это объясняется наличием посттравматической гифемы в передней камере обоих глаз, отчасти – упорным нежеланием пациента идти на контакт.

– Гифема? – голос Марины звучал встревоженно. – А что это, доктор?

– Кровоизлияние в переднюю камеру глаза, – ответил врач. – В данном случае, как я уже сказал, мы имеем дело с гифемой обоих глаз. Причём в правом глазу, травмированном в большей степени, чем левый, к сожалению, начала прокрашиваться кровью роговица.

– Доктор, это опасно? – Пальцы Марины нервно теребили ручку миниатюрной дамской сумочки. – С этим можно что-то сделать?

– Разумеется. Назначим для левого глаза кровоостанавливающие, сосудокрепляющие и рассасывающие препараты. По правому, очевидно, не обойтись без оперативного вмешательства.

– Операция? – Марина запаниковала.

Врач кивнул и пояснил:

– Удаление крови из передней камеры глаза хирургическим путём. Это несложная операция. Такая мера в данном случае необходима, так как кровь в передней камере свернулась и образовался сгусток, который едва ли поддаётся медикаментозному лечению. Кроме того, здесь начала прокрашиваться кровью роговица, а это однозначное показание к хирургическому вмешательству.

– А можно обойтись без операции и всё-таки попробовать пролечить кровоизлияние с помощью капель?

– Вы не хотите лишнего вмешательства, – врач устало взглянул на неё. – Что ж, понимаю. Попробуем где-то в течение недели лечить по той же схеме, что и левый глаз. Если гифема к тому времени не рассосётся, то оперировать придётся в обязательном порядке.

– Спасибо, – тихо поблагодарила его Марина. – А что вы можете сказать по результатам проведённых обследований? Вы ведь обследовали Влада после того, как сняли с его глаз хирургические пластыри?

– Насколько это было возможно, – врач вздохнул. – Я ведь уже говорил, что пациент отказывается идти на контакт и помогать нам, а это во многом затрудняет диагностику.

– Влад отказывается идти на контакт? – переспросила сидевшая рядом с Мариной Лада. – Простите, но это неудивительно. Влад только что потерял старшего брата, которого он очень любил. Вы должны понять, что его поведение вполне естественно.

– Я понимаю, – ответил врач, переведя усталый взгляд с Марины на Ладу. – Но поймите и вы. Пациент упорно молчит, когда его просят назвать буквы таблицы Сивцева, что полностью исключает возможность диагностики остроты зрения. Кроме того, он отказывается фокусировать взгляд в тех позициях, в которых это требуется для осмотра глазного дна. И что мы, по вашему, можем сделать в таком случае?

– Но ведь есть же какие-то тесты, которые можно провести без активного задействования пациента? – терпеливо продолжила свои расспросы Лада. – И наверняка их немало. Вы проводили ему такие обследования?

– Само собой, – ответил врач. – Но без помощи пациента этого далеко не достаточно.

– И всё-таки, – не отставала Лада, – что вы скажете по тем тестам, которые смогли провести? Для нас это очень важно.

– Что ж, в общем и целом картина такова: на текущий период времени говорить о сохранении предметного зрения при условии соответствующей очковой коррекции или коррекции с

помощью контактных линз можно лишь на левом глазу. Правый глаз, очевидно, пока способен только различать свет и темноту.

– То есть... Вы хотите сказать... Правый глаз моего сына практически ослеп? – Марина почувствовала, что находится на грани обморока.

– При таких травмах подобное состояние вполне закономерно, – врач глубже втиснулся в своё обитое чёрной кожей узкое кресло. – Я предупреждал вас об этом ранее.

Марина понимала, что он прав, и тем не менее оказалась не готова встретиться со столь неприглядно обнажённой устрашающей реальностью лицом к лицу.

– Поскольку рефрактометрия правого глаза, которая в числе прочих показателей уточняет количество диоптрий по сфере и по цилиндру, не определялась, мы произвели проверку в затемнённом помещении при освещении глаза ярким световым пучком, наводя на глаз пучок света с разных направлений – сверху, снизу, справа, слева. Таким образом мы проверили, как сохранилась способность отдельных участков сетчатки воспринимать свет. Это было единственное обследование, где мы всё же добились от пациента неохотных ответов, которые указали на правильную проекцию света, что говорит о том, что светоощущение глаза не утрачено.

– Влад видит свет... Но что толку! – в отчаянии воскликнула Марина. – Это всё равно, что ничего не видеть.

– Вы неправы, – голос врача звучал убеждённо, – причём неправы в корне. Во-первых, такое положение вещей касается только правого глаза, на котором сильно повреждена роговица и произошёл вывих хрусталика в стекловидное тело. Поэтому в данном случае иного ожидать не приходилось. Во-вторых, до тех пор, пока глаз сохраняет способность отличать свет от темноты, можно надеяться на восстановление на нём остаточного зрения. То есть если вовремя провести специальную операцию, глаз снова будет видеть. Не так, как было до аварии, конечно, но положение станет в разы лучше, чем то, что мы имеем теперь.

– Правда? – В глубине измученных глаз Марины засветилась надежда. – А что мы можем сделать для того, чтобы всё получилось именно так, как вы говорите?

– Прежде всего – постараться нейтрализовать гифему с помощью медикаментов. Если же не получится, придётся прибегнуть к хирургии. Ну и непременно нужно будет соблюдать режим регулярного закапывания назначенных препаратов, чтобы обезопасить глаз от бактерий, скачков внутриглазного давления и ускорить его заживление. А там можно думать об операции, о которой я говорил. И кстати, в случае удачного проведения операции специалисты в обязательном порядке проверят глазное дно, которое пока не офтальмоскопируется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.